

Древний языческий и современный христианский символизм. С очерком о поклонении Ваалу, ассирийской священной "роще" и других смежных СИМВОЛАХ

Джон Ньютон
Томас Инман

ANCIENT PAGAN

AND

MODERN CHRISTIAN SYMBOLISM.

BY

THOMAS INMAN, M.D. (LONDON),

CONSULTING PHYSICIAN TO THE ROYAL INFIRMARY, LIVERPOOL;

LATE LECTURER SUCCESSIVELY ON BOTANY, MEDICAL JURISPRUDENCE, MATERIA MEDICA
AND THERAPEUTICS, AND THE PRINCIPLES AND PRACTICE OF MEDICINE, ETC.;
IN THE LIVERPOOL SCHOOL OF MEDICINE;

AUTHOR OF "FOUNDATION FOR A NEW THEORY AND PRACTICE OF MEDICINE;"

A "TREATISE ON MYALGIA;" "ON THE REAL NATURE OF INFLAMMATION,"

"ATHEROMA IN ARTERIES," "THE PRESERVATION OF HEALTH,"

"THE RESTORATION OF HEALTH,"

"ANCIENT FAITHS EMBODIED IN ANCIENT NAMES," ETC.;

LATE PRESIDENT OF THE LIVERPOOL LITERARY AND PHILOSOPHICAL SOCIETY, ETC.

SECOND EDITION,

REVISED AND ENLARGED,

WITH AN ESSAY ON BAAL WORSHIP, ON THE ASSYRIAN
SACRED "GROVE," AND OTHER ALLIED SYMBOLS.

BY

JOHN NEWTON, M.R.C.S.E., ETC.

NEW YORK:

J. W. BOUTON, 706, BROADWAY.

1875.

The Project Gutenberg eBook of Ancient Pagan and Modern Christian Symbolism.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Древняя языческая и современная христианская символика

Автор: Томас Инман

М.Р.К.С.Е. Джон Ньютон

Дата выхода: 3 января 2012 [eBook #38485]

Последнее обновление: 15 мая 2015 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Дэвидом Уиджером

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ДРЕВНИЙ ЯЗЫЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ СИМВОЛИЗМ ***

Выбор формата

Данный формат лучше всего подходит для большинства **ноутбуков** и **компьютеров** и хорошо воспроизводится в файлах **.mobi** и **.epub**. Изображения более высокого качества в этом файле не уменьшаются в размере, чтобы соответствовать маленьким экранам планшетов и смартфонов - часть больших изображений может съезжать на бок. Другой формат доступен, если нажать на следующую строку:

*Файл с изображениями, которые автоматически подстраиваются под любой размер экрана; это лучший выбор для маленьких экранов **планшетов** и **смартфонов**.*

ДРЕВНИЙ ЯЗЫЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ СИМВОЛИЗМ.

Томас Инман, доктор медицины.

Врач-консультант Королевского лазарета в Ливерпуле; в прошлом читал лекции по ботанике, медицинской юриспруденции, медицине и терапии, принципам и практике медицины и т. д. в Ливерпульской школе медицины; автор книги "Основы новой теории и практики медицины". Тракта́т о миалгии", "О реальной природе воспаления", "Атерома в артериях", "Сохранение здоровья", "Восстановление здоровья", "Древние верования, воплощенные в древних именах".

Второе издание,

Revised And Enlarged,

С ОЧЕРКОМ О ПОКЛОНЕНИИ БААЛУ, О СВЯЩЕННОЙ РОЩЕ АССИРИЙЦЕВ И
ДРУГИХ СВЯЗАННЫХ С НЕЙ СИМВОЛАХ.

Джоном Ньютоном, магистром философии, и т. д.

PLATE I.

Гравюры, представленные в настоящем томе, первоначально были опубликованы в большом труде, состоящем из двух толстых томов, под названием "Древние верования, воплощенные в древних именах". Многие мне подсказали, что собрание этих рисунков и их объяснений скорее всего будет изучено, чем очень объемная книга. Первое - это, так сказать, алфавит, второе - эссе. Первая открывает глаза, вторая дает возможность использовать зрение. Одна учит читать, другая предоставляет средства для практики. Поскольку более крупная работа стремится продемонстрировать существование состояния вещей, почти неизвестного

британской публике, необходимо предоставить подавляющее доказательств того, что утверждения и обвинения, выдвинутые против некоторых народов древности и некоторых доктрин христианства, в основном верны. Следовательно, количество свидетелей больше, чем это абсолютно необходимо для доказательства.

12, Родни-стрит, Ливерпуль,

Июль 1869 года.

Спрос, возникший на эту работу, побудил Автора сделать ее более полной, чем она была изначально. Но она не могла быть доведена до совершенства, если бы не была расширена до объема, размер которого был бы несовместим с дешевизной. Когда каждый рисунок может послужить текстом для длинного рассуждения, требуется пристальное внимание, чтобы описание не переросло в диссертацию.

В этой работе автор вынужден ограничиться объяснением символов и не может перейти к рассмотрению древних и современных верований, за исключением тех случаев, когда они характеризуются использованием определенных условных знаков.

Многие, кто впервые знакомится с подобной книгой и обнаруживает, насколько странными были идеи, которые на протяжении тысячелетий пронизывали религиозные взгляды цивилизованного мира, могут, естественно, подумать, что автор - всего лишь мечтатель, одержимый хобби, которое он доводит до смерти. Такое мнение укрепляется, когда обнаруживаешь, что в книге почти нет ни одной темы, кроме той, которая связывает религию, являющуюся высшей целью для человека, с идеями самого приземленного характера. Но вдумчивый читатель без труда поймет, что эссе о символизме должно быть ограничено видимыми эмблемами. Автор, сделавший своим текстом распятие, ни в коем случае не может вводить тему Исповеди, Евхаристии или Чрезвычайного Причастия. Не может и тот, кто знает, что и Будда, и Иисус открыли веру, не отмеченную видимым символизмом, привести в толкование эмблем сравнение проповедей двух столь выдающихся людей. Подобным образом автор вынужден обойти стороной разницу между иудаизмом, христианством, провозглашенным сыном Марии, и тем, что выдается за христианство в Риме и большинстве стран Европы.

Все эти и многие другие моменты были достаточно полно рассмотрены в более крупной работе автора, на которую он часто ссылается в этой, и к которой он должен отсылать любознательных. Следующие страницы - это просто глава, взятая из книги, возможно, полная сама по себе, но только как кирпич, который может быть совершенным, не давая человеку никакого представления о размере, стиле или архитектуре дома, из которого она взята. Если читатели будут рассматривать эти страницы как балку в здании, автор будет доволен.

8, Вивиан Террас,

Клифтон, Бристоль,

Август, 1874.

ВВЕДЕНИЕ.

ЯЗЫЧЕСКИЙ И ХРИСТИАНСКИЙ СИМВОЛИЗМ.

ПРИЛОЖЕНИЕ: АССИРИЙСКАЯ "РОЩА" И ДРУГИЕ ЭМБЛЕМЫ

ВВЕДЕНИЕ.

Мы считаем само собой разумеющимся, что ничто не принимается и никогда не принималось на службу религии без определенной цели. Если предположить, что религия построена на фундаменте отдельного откровения от Всевышнего, как утверждается в древнееврейском языке, то возникает полная уверенность в том, что каждая эмблема, обряд, церемония, одежда, символ и т. д. имеют особое значение. Многие искренние христиане, действительно, видят в иудейских таинствах ссылку на Иисуса из Назарета. Например, я слышал, как один благочестивый человек утверждал, что "проказа" - это всего лишь другое слово, обозначающее "грех"; но он был сильно ошеломлен этим убеждением, когда я указал ему, что если у человека поражено все тело, то он уже не нечист (Лев. xiii. 13), что, согласно предложенной гипотезе, доказывает, что если грешник черен, как ад, то он равен святому. По мнению такого толкователя, пасхальный агнец - это прообраз Иисуса, и, следовательно, все, кого окропляет его кровь, - это деревянные брусья, перекладки и столбы (Исх. xii. 22, 28). В том же стиле метафорических рассуждений Иисус был прообразом "козла отпущения", и доказательство тому очевидно: один был изгнан в пустыню, а другой добровольно отправился туда - один на гибель, другой на искушение от дьявола! Отсюда мы делаем вывод, что для благочестивых людей нет ничего противного в исследовании использования символов и того, на что они указывают. То, что было сделано для иудаизма, можно попытаться сделать и для других форм религии.

Как евреи и христиане считают свою религию богооткровенной, так и другие народы, придерживающиеся иной теологии, рассматривают свои особые догматы. И хотя мы можем с теми неразумными предрассудками и слепым фанатизмом, которые свойственны британцам и испанцам, и в первую очередь ирландцам и шотландцам среди нас, а также карлистам на полуострове, не верить языческим притязаниям на божественное откровение, мы не можем сомневаться в том, что символы и т. д. язычества имеют свое значение,

язычества имеют свое значение, и что исследовать тайны, которые они скрывают, так же законно, как и размышлять над Уримом и Туммимом евреев. Однако даже эта свобода некоторыми отрицается; ведь среди нас есть немногие, кто строго придерживается предписания, обращенного к последователям Моисея, а именно: "Берегись, чтобы ты не допытывался о богах их, говоря: как эти народы служили богам своим?" (Втор. xii. 30). (Смысл этого запрета хорошо виден в следующих словах¹, которые указывают на то, что автор считал, что принятие языческих богов последует за расспросами о них. В наши дни нет опасений, что мы станем магометанами, если будем читать Коран, или буддистами, если будем изучать Дхаммападу; но есть священники, которые боятся, что расследование церковных вопросов может сделать их последователей папистами, протестантами, уэслианцами, баптистами, унитариями или другими религиями, против которых возражает пресвитерий. Неприязнь к расследованиям всегда сопровождает тех, кто исповедует религию, которая, как считается или известно, слаба.

* "Так и я буду поступать".

Философ сегодняшнего дня, освободившись от оков, некогда наложенных на него господствующей иерархией, может взглянуть на заповедь из Второзакония в другом свете. Видя, что один и тот же символизм присущ многим формам религии, исповедуемым в странах, сильно удаленных друг от друга как во времени, так и в пространстве, он считает, что опасность исследования верований заключается не в принятии чуждых, а в отказе от нынешних методов религиозной веры. Когда мы видим одни и те же идеи, провозглашаемые как божественная истина, на древних берегах Ганга и на современных берегах Средиземного моря, мы вынуждены признать, что в их источнике есть нечто общее. Они могут быть результатом небесного откровения, а могут быть результатом человеческой изобретательности. Если сейчас люди изобретают новые формы религии, то можно предположить, что раньше это делали другие. Поскольку все люди по своей сути являются людьми, мы можем полагать, что их изобретения будут характеризоваться достоинствами и недостатками человечества. Опять же, опыт подсказывает нам, что сходство в мыслях влечет за собой сходство в действиях. Два спортсмена, увидев убегающего между ними зайца, выстрелят в него так одновременно, что каждый не будет знать, что стрелял другой. Так и сходство в религиозных верованиях приведет к выбору аналогичной символики.

Мы ищем эмблемы с намерением, отличным от того, с которым мы ищем их в обычном языке. Последний говорит нам о взаимоотношениях народов на Земле, первый - о вероятных связях человечества с Небом. Благочестивый христианин верит, что все, кто почитает крест, могут надеяться на счастливую вечность, не задумываясь о том, что знак его веры так же древен, как гомеровская Троя, и использовался финикийцами, вероятно, еще до того, как евреи стали существовать как народ; в то время как столь же благочестивый магометанин считает полумесяц паспортом в царства блаженства, не задумываясь, что этот символ был в ходу задолго до рождения пророка Аллаха и среди тех народов, которые пророку было поручено обратить или уничтожить. Буквы и слова отражают обычное течение человеческой мысли, а религиозные символы - природу его устремлений. Но всех их объединяет то, что они могут быть неправильно поняты. Многие брамины произносят молитвы на непонятном для них языке, а многие христиане используют в своих молитвах слова, значение которых никогда не пытаются узнать. *"Ом мани пани"*, *"Ом мани падме хоум"*, *"Аминь"* и *"Ave Maria purissima"* можно с полным правом отнести к одной категории. Точно так же и значение эмблемы может быть неизвестно. Антиквар находит на ликийских монетах и в руинах ацтеков фигуры, для которых он не может найти никакого значения; в то время как обычный посетитель церкви

также видит в своем месте поклонения рисунки, которым никто не может дать рационального объяснения. Опять же, мы видим, что у языка могут найтись толкователи, чья система изложения полностью ошибочна; то же самое можно сказать и о символах. Например, я видел три совершенно разных толкования одной ассирийской надписи и слышал столько же противоположных объяснений одной фигуры, и все они были неверными.

При интерпретации неизвестных языков и символов наблюдатель с радостью допускает, что многое может быть неверным; но это не мешает ему верить, что кое-что может быть правильным. Вынося свое суждение, он как можно тщательнее изучит систему, принятую каждым исследователем, количество материалов, имеющихся в его распоряжении, и, в целом, то, с каким умением он подошел к задаче. Возможно, в таком расследовании, как описываемое нами, самым важным ингредиентом является тщательность в сопоставлении и сравнении. Но ученый может удовлетворительно сопоставить материалы только тогда, когда у него достаточно средств, а они требуют много времени и исследований. Этот труд требует больше времени, чем могут позволить себе обычные рабочие люди, и больше терпения, чем обычно готовы дать те, у кого есть досуг. Несомненно, в Англии до сих пор было мало попыток классифицировать и объяснить древние и современные символы. Возможно, не совсем верно, что в исследованиях, о которых мы здесь говорим, было столько расхлябанности, сколько боязни обнародовать результаты поиска. Исследователи, как правило, уважают свои собственные предрассудки и не желают сообщать другим знания, которые принесли боль их собственному разуму. Подобно брамину из этой истории, они скорее уничтожат прекрасный микроскоп, чем позволят своим единоверцам узнать, что они пьют живых существ в своей воде или едят клещей в своих фруктах. Девиз таких людей: "Если истина неприятна, держись за заблуждение".

Приведенные ниже попытки объяснить многое из древнего и современного символизма можно рассматривать лишь как предварительные. Различные устройства, содержащиеся здесь, как мне кажется, поддерживают взгляды, которые я сформировал из других источников, путем тщательного исследования значения древних имен и изучения древних верований. Изначально рисунки были задуманы как подтверждение свидетельств, почерпнутых из многочисленных древних и современных трудов; идея собрать их и, так сказать, заставить их говорить за себя, возникла уже потом. На следующих страницах я просто перепечатал рисунки и т. д., которые приводятся в книге *"Древние верования, воплощенные в древних именах"* (второе издание). Я не пытаюсь исчерпать эту тему. Существуют сотни эмблем, которым здесь не нашлось места; и есть объяснения существующих символов, на которые я не ссылаюсь, поскольку они просто *экзотерические*.

Для блага многих моих читателей я должен объяснить значение последнего слова, выделенного курсивом. В большинстве, если не во всех, формах религии есть догматы, которые не принято передавать вульгарным людям, а лишь избранным под грифом "секретно". Подобная сдержанность существует и в обычной жизни. Например, есть тайны, которые скрывают от детей, но которые известны всем родителям; есть *арканы*, знакомые врачам, о которых пациенты даже не подозревают. Например, когда мальчик невинно спрашивает семейного хирурга или своего родителя, откуда взялся последний новорожденный, его отмазывают ответом, широко известным, но недостаточным для него. Когда я задал этот вопрос служанкам на кухне, куда меня на время перевели, первым ответом было, что ребенок появился на грядке с петрушкой. Услышав это, я пошла в сад и, обнаружив, что грядка не тронута, вернулась и упрекнула своего информатора в лживости. Тогда слово взял другой и сказал, что ребенок появился именно на морковной грядке. Поскольку за этим замечанием последовал рев смеха, я почувствовал, что меня обманывают,

и больше не задавал вопросов. Тогда я не мог, а теперь могу понять *эзотерический* смысл этих изречений. Для слуг они имели два разных значения. Единственное, которое я мог тогда понять, было *экзотерическим*; то, что было известно моим старшим, было *эзотерическим* смыслом. В том, что называется "религией", существует подобное различие. Мы видим это не только в "мистериях" Греции и Рима, но и среди евреев; Есдрас говорит о следующем как о повелении Бога: "Некоторые вещи ты должен опубликовать, а некоторые вещи ты должен тайно показать мудрым" (2 Есдрас xv. 26).

Когда существуют два разных объяснения, или утверждения, о значении эмблемы, одно из которых "эзотерическое", истинное и известное лишь немногим, а другое "экзотерическое", неверное и известное многим, очевидно, что может наступить время, когда первое будет утрачено, а последнее останется. В качестве иллюстрации можно привести оригинальное и правильное произношение слова [-иврит-], которое обычно произносится как Иегова. Оно было известно лишь немногим избранным, а после их смерти было утрачено, так и не передавшись им; однако то, что считается неправильным способом произношения этого слова, сохранилось до наших дней*.

* Некоторые полагают, что правильное произношение этого слова - Яхве, но поскольку первая буква может означать ja, ya или e, а третья u, v или o, в то время как вторая и четвертая - мягкое h, можно прочитать слово Jhuh, аналогично Ju в слове Jupiter; Jehu, имя израильского царя; Tahu, как оно читается на ассирийских надписях; Jeho, как в слове Иосафат; Ehoh, аналогичное Eвое или Ewe, связанное с Вакхом; и Jaho, аналогичное J. A. O. гностиков. Греческие "Отцы" приводят это слово как эквивалент слов yave, yaoh, yeho и too.

Но вопрос не в том, как произносится это слово, а в том, как оно звучало в религии у евреев и других семитских народов, среди которых оно было священной тайной или невыразимым именем, которое нельзя было "принимать всуе".

Мы можем с уверенностью предположить, что если существуют два таких значения, то они не идентичны, и что наиболее распространенное значение не является правильным. Но когда известно, что существует только одно значение, возникает вопрос, следует ли искать другое. Если, спрашивается, простые люди довольствуются басней, считая ее правдой, зачем пытаться просветить их относительно ее скрытого смысла? Чтобы показать, как это связано с данной темой, давайте обратим внимание на то, что всегда поражало меня. Вторая заповедь гласит: "Не делай себе никакого изображения и никакого подобия того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им" и т. д. (Исх. xx. 4). Однако в книге Чисел xxi. мы видим, что Иегова приказал Моисею изготовить медного змея, сила которого была настолько чудодейственной, что те, кто только смотрел на него, излечивались от болезней, причиняемых танатойдными змеями.

В храме Бога, который, как сообщается, говорил эти слова и который, как говорят, также объявил, что будет жить в доме, который Соломон построил для Него, поклонялись ковчегу, или ящику, и над ним были видны Херувимы. Это были подобия чего-то, и поклонялись первому из них. Мы видим, что он был настолько священным, что за оскверненное прикосновение к нему однажды последовала смерть (2 Цар. vi. 6, 7), и не менее 50 070 человек были преданы смерти в Вифлееме, потому что кто-то осмелился заглянуть внутрь ящика и попытаться разгадать тайну, заключенную в нем (1 Цар. vi. 19). Любопытно, что филистимляне, которые должны были прикоснуться к ящику, чтобы положить рядом с ним свои странные приношения (см. 1 Цар. Vi. 8), не были особенно обеспокоены. Они были

"профанами", а священники только придумывают истории, применимые к арканам, которые они используют в поклонении, чтобы ослепить глаза и вселить священный ужас в людей, которыми они управляют. Как Давид поклонялся ковчегу как представителю Бога, мы видим во 2 Цар. VI. 14, 16, 17, 21.

Ковчег завета действительно считался у иудеев чем-то вроде ногтя святого, распятия, изображения Богородицы, куска дерева или старого ржавого гвоздя у римских католиков. Столь вопиющее нарушение второй заповеди было прикрыто для простых евреев утверждением, что таинственный ящик был знаком завета Бога с Его народом; но в том, что это утверждение было "экзотерическим", мы убеждаемся, когда обнаруживаем, что подобный ковчег существовал и использовался в "таинствах" Египта и Греции, среди людей, которые, вероятно, никогда не слышали о евреях и не могли случайно знать, что происходило в еврейском храме.

Некоторые люди, недовольные заявлением, которое, очевидно, предназначено для слепых, естественно, пытаются выяснить, что находится за занавесом. В этом они напоминают отважного мальчишку, который бросается на простыню и репный фонарь, навязавшиеся его товарищам и выдающие себя за привидение. То, что для многих является жупелом, для немногих - презрительная рептилия. И все же есть огромное количество людей, которые скорее будут убегать от призрака ночь за ночью, чем столкнутся с ним однажды, и будут отговаривать других от смелой встречи с ним. Тем не менее, даже первые радуются, когда обман раскрывается.

Как в случае, когда смелой рукой было доказано, что то, что сотни людей приняли за призрак, является хитрым человеком, никто не попытается доказать реальность призраков, ссылаясь на многие десятки людей всех рангов, которые были обмануты обнаруженным таким образом призраком; так и в случае, когда демонстрируется ложность экзотерической истории, не является аргументом в ее пользу то, что вульгарные люди тысячами и многие мудрые люди поверили в нее. Говоря метафорически, у нас самих много таких призраков; фантомов, которые выдают себя за могучих гигантов, но на самом деле являются совершенной фикцией. Их можно описать, сравнив с апокрифическими вампирами. Мне меланхолично созерцать, как человечество во все века и народы создавало для себя жупелов, а затем испытывало перед ними страх. Мы высмеиваем африканца, который создает фетиш, а затем трепещет перед его силой, но ученые прекрасно знают, что люди создали дьявола, которого набожные люди боятся так же, как негр боится Мумбо Джамбо.

В вымышленных историях, выдававшихся за правду в темные века христианства, рассказывалось о людях, которые умерли и были похоронены, а затем, после недолгого пребывания в могиле, воскресли. Некоторые считали, что воскресший человек - это тот самый, который был похоронен. Другие считали, что некий злой дух завладел телом и вернул ему видимую жизненную силу. Каким бы ни был вымысел, неоспоримым оставалось утверждение, что некоторые умершие люди возвращались на землю в том же обличье, в котором покинули ее. Мы считаем, что в религии произошел аналогичный случай. Теплород умер и был похоронен, но через короткий промежуток времени он снова восстал из могилы. Но, в отличие от вампира, его одеяние было изменено, и его не узнали. Он двигался по христианству в соблазнительном одеянии. Если это был дьявол, то его одежда была овечьей; если волк, то он носил широкую ткань. Если он хищничал, то жертв не жалели. Язычество, под которым я подразумеваю нравы, мораль и обряды, распространенные в языческие времена или страны, подобно ожившему вампиру, некогда господствовало во всем христианском мире, в который входят все те части, где христианское крещение принимают все люди или подавляющее большинство. В большинстве стран оно господствует до сих пор.

Когда вампиры были обнаружены благодаря проницательности любого наблюдателя, их, как нам говорят, бесславно убивали, вбивая в тело кол; но опыт показал, что они обладали такой стойкостью к жизни, что воскресали снова и снова, несмотря на повторные укусы, и в конце концов не уходили на покой до полного сожжения. Подобным образом возродившее язычество, господствующее над последователями Иисуса из Назарета, воскресало снова и снова, после того как было заколото. Его по-прежнему лелеют многие, но осуждают немногие. Среди прочих обвинителей я возвышаю свой голос против язычества, которое так широко распространено в церковном христианстве, и сделаю все возможное, чтобы разоблачить это самозванство.

В истории о вампире, рассказанной в *"Талабе"* Саути, ожившее существо принимает облик любимой девы, и герой вынужден убить ее собственной рукой. Он так и поступает; но, поражая любимую, он уверен, что убивает лишь демона. Таким же образом, когда я пытаюсь уничтожить нынешнее язычество, принявшее обличье христианства, я не нападаю на настоящую религию. Мало кто обвинит в злословии рабочего, очищающего от грязи поверхность благородной статуи. Возможно, есть и такие, кто слишком мил, чтобы касаться неприятной темы; но даже они будут радоваться, когда кто-то другой удалит грязь. Такой уборщик очень нужен.

Если бы я утверждал, как общее положение, что религия не нуждается в символизме, я, вероятно, получил бы согласие от каждого истинного шотландского пресвитерианина, каждого уэслианца и каждого независимого. Однако против меня выступит каждый папист и большинство англиканских церковников. Но почему? Не потому ли, что их церковники приняли символизм в свои церкви и в свой ритуал? Они нарушили вторую заповедь Иеговы и отказываются видеть что-либо неправильное в их практике или грубое в их образах. Но они принимают Иегову, а не Элохима, и нарушают заповеди, которые, как говорят, были даны на Синае, в хорошей компании.

Читатель следующих страниц, вероятно, почувствует больший интерес к ним, если у него будет какая-то подсказка, с помощью которой он сможет ориентироваться в их лабиринте.

С самых ранних известных времен в каждом цивилизованном народе существовала идея о невидимой силе. В рассуждениях вдумчивых умов признается необходимость существования Существа, создавшего все вещи, которое временами благодетельствует, посылая дождь и тепло, а временами насылает бурю, чуму, голод и войну. После того как грубая идея овладела умами, возникло желание узнать что-то большее об этом Творце, и было проведено исследование творений природы с целью выяснить волю и замыслы Высшего. Во всех странах предполагалось, что этот великий Единый населяет небо над нами, и поэтому все небесные явления тщательно изучались. Но вскоре ум устал от размышлений о сущности и, довольствуясь верой в существование Силы, начал исследовать природу ее служителей. Таковыми у ариев были солнце, огонь, буря, ветер, небо, день, ночь и т. д. Опьяняющий напиток тоже считался эманацией Высшего. С такой формой верований люди жили так же, как и до ее появления, а в отношениях друг с другом их можно сравнить с такими высокочлассными животными, как слоны. Люди могут мирно сосуществовать без религии, как это делают бизоны, буйволы, антилопы и даже волки. Предположение о том, что вера в той или иной форме является абсолютной необходимостью для человека, основано лишь на фантазиях некоторых религиозных фанатиков, которые мало что знают о мире*.

* Пока эти листы проходили через печать, появилась работа, опубликованная анонимно, но, как сообщается, одним из самых уважаемых богословов, когда-либо сидевших на епископской скамье. Она называется *"Сверхъестественная религия"*. Лондон: Longmans,

1874. Из нее мы цитируем следующее, том ii, стр. 489:-

"Мы приобретаем бесконечно больше, чем теряем, отказываясь от веры в реальность Божественного Откровения. Сохраняя в чистоте и неприкосновенности сокровища христианской нравственности, мы не отказываемся ни от чего, кроме унижительных элементов, привнесенных в нее человеческим суеверием. Мы больше не обязаны верить в теологию, возмущающую разум и нравственное чувство. Мы освобождаемся от низменных антропоморфных представлений о Боге и Его управлении вселенной; от иудейской мифологии мы поднимаемся к более высоким представлениям о бесконечно мудром и благодетельном Существо, скрытом от нашего ограниченного разума, правда, в непроницаемой славе Божественности, но чьи Законы удивительной полноты и совершенства мы постоянно видим в действии вокруг нас. Нас больше не тревожат видения случайных вмешательств в порядок природы, но мы осознаем, что Существо, управляющее вселенной, не имеет ни перемен, ни тени изменения. Удивительно, как мало в предполагаемом Откровении информации, пусть даже невероятной, о том, что находится за пределами человеческой мысли, но эта малость носит характер, который разум объявляет самым диким заблуждением. Пусть ни один человек, чья вера в реальность Божественного Откровения может быть разрушена подобным расследованием, не жалуется, что он потерял драгоценное достояние, и что ничего не осталось, кроме пустоты. Откровение не было реальностью, то, что он потерял, было лишь иллюзией, а то, что осталось, - Истина. Если он будет довольствоваться иллюзиями, то быстро утешится; если он будет любителем только истины, а не пустоты, то поймет, что реальность перед ним полна великого покоя.

"Если мы знаем о судьбе человека меньше, чем предполагали, мы можем, по крайней мере, радоваться тому, что нас больше не заставляют верить в то, что недостойно. Достигнув предела мысли, мы можем быть спокойны в уверенности, что все, что мы знаем о регулировании вселенной, столь совершенном и мудром, что все, чего мы не знаем, должно быть столь же совершенным и мудрым. Здесь вступает в действие истинная и благородная Вера - дитя разума. Если мы поверили в систему, детали которой в то или иное время должны были потрясти разум каждого разумного человека, и поверили в нее только потому, что она якобы была открыта, мы можем в равной степени верить в мудрость и доброту того, что не было открыто. Сам по себе акт передачи нам информации - ничто: вера в совершенное устройство всех вещей не зависит от Откровения.

"Аргумент, так часто используемый теологами, что Божественное Откровение необходимо для человека и что определенные взгляды, содержащиеся в этом Откровении, требуются нашему нравственному сознанию, является чисто воображаемым и вытекает из Откровения, которое он пытается поддержать. Единственное, что абсолютно необходимо человеку, - это Истина, и к ней, и только к ней, должно приспособляться наше нравственное сознание".

Но как разнообразен человеческий разум, так же различны были и способы воплощения религиозных идей. Некоторые считали солнце и луну, созвездия и планеты служителями невидимого Единого и, рассуждая от известного к неизвестному, рассуждали следующим образом: "Во всей природе, похоже, присутствует дуализм. На небе есть солнце и луна; есть также солнце и земля, земля и море. В каждой группе животных есть самцы и самки". Исследование влияния солнца показало, что сами по себе его лучи разрушительны; они благотворны только тогда, когда земля увлажнена дождем. Так как дождь с неба заставлял расти все на земле, было естественно, что главный источник света и тепла должен рассматриваться как мужчина, а земля - как женщина. Как мужчина, солнце должно было

обладать эмблемами мужественности и супруги, которую оно оплодотворяло и которая таким образом становилась плодотворной.

Изучая древние еврейские, финикийские и другие шемитские когномены, я обнаружил, что они состоят из божественного имени и какого-то атрибута божества, причем последний, как правило, в равной степени относился и к Верховному, и к Солнцу, как богу, и к эмблеме мужского рода. Если божество было женским, имя его почитателя содержало ссылку на луну и женскую красоту или функции. Высших представлений о Творце придерживались лишь немногие, многие же принимали более низкие и униженные взгляды. Таким образом, солнце стало главным богом, а луна - его партнером, причем первое должно было быть мужским, а второе - женским, и оба они ассоциировались с представлениями, которые все имеют о земных животных. Следовательно, солнечное божество ассоциировалось в символизме с мужскими, а луна - с женскими эмблемами.

Исследование древности, представленной вавилонянами, ассирийцами, египтянами, финикийцами, евреями, греками, этрусками, римлянами и другими, а также современных верований, до сих пор существующих на полуострове Индия, в Ливане и других местах, показывает, что представления о сексе обычно ассоциируются с идеей творения. Бога описывали то как царя, то как царицу, то как обоих вместе. Предполагается, что в качестве монарха он может быть мужчиной, или женщиной, или обоими. Поскольку мужчина отличается от женщины некоторыми особенностями, эти самые средства различия были включены в поклонение богу и богине. Противоборствующие секты в древности объединялись под символом Т и О, а в более поздние времена - под крестом и полумесяцем. Поклонение Богу-Отцу неоднократно вступало в конфликт с поклонением Богу-Матери, а приверженцы каждого из них соответственно носили значки, характерные для пола их божества. Иллюстрацию этого можно увидеть среди нас: одна секта христиан поклоняется главным образом Троице, другая почитает Деву. Известно изображение Марии, поклоняющейся своему младенцу, а первой дано название *Mater Creatoris*, "мать Творца". Наши сексуальные секции так же хорошо обозначены, как и в древнем Иерусалиме, который клялся Иеговой и Ашторет соответственно.

Идея сексуальности в религии вполне совместима с ритуалом и практикой тщательно разработанного характера, а также с глубиной благочестия, которая предпочитает голод нечистоте, или, как сказано в Библии, нечистоте. Среди евреев "есть с кровью" считалось преступлением, достойным смерти; есть немытыми руками было страшным преступлением в глазах иерусалимских фарисеев; а во время недавнего голода в Бенгалии мы видели, что люди скорее умрут от абсолютного голода и позволят своим детям тоже погибнуть, чем будут есть хлеб или рис, к которому могли прикоснуться оскверненные руки, или пить молоко, выдоенное британскими доярками из вымени коровы. И все же те же индусы, особая секта браминов, имеют среди себя такую форму поклонения, которая, по нашим представлениям, несовместима с настоящей религией. Упомянутые люди обожают Творца и соблюдают свой церемониальный закон даже более глубоко, чем Евреи после Вавилонского плена; но у них есть тайный культ, в котором они, и самым несерьезным образом, отдают практическую дань уважения одной или другой части, которая, по мнению поклоняющегося, является мирской эмблемой Творца.

Любознательные найдут в *"Очерках религии индусов"* Х. Х. Уилсона, в *"Дабистане"* в переводе Ши и Тройера (Allen and Co., London), 3 тома, 8vo. и в *"Мемуарах Антропологического общества Лондона"* (Trübner and Co.), тома 1 и 2, много информации о методе проведения упомянутого поклонения. Первый из названных авторов считает

целесообразным оставить браминскую "рубрику" для "Сакти Содханы", по большей части под покровом оригинального санскрита, и я не склонен полностью отказаться от нее.

Но христиане не чисты; некоторые из моих читателей, возможно, видели работу, написанную итальянской дамой высокого происхождения, которая в раннем возрасте была насильно отдана в женский монастырь и покинула его, как только у нее появилась возможность. В своем повествовании она рассказывает, как женщин в монастыре соблазняли преподобные отцы, которые в одно время были орудием порока, а в другое - проводниками покаяния. Они внушали своим жертвам, что все сказанное или сделанное должно сопровождаться благочестивым предложением. Так, "Я люблю тебя дорогая" было нецензурным выражением, а "Я желаю твоего общества во имя Иисуса" и "Я обнимаю в тебе Святую Деву" были ортодоксальными. Подобным образом у индусов есть молитвы, предписанные для использования, когда части тела должны быть очищены перед тем, как приступить к конечности, когда они вводятся друг в друга, во время возбуждения, которое следует за этим, и когда церемония завершена. Все делается, как сказали бы ритуалисты, благопристойно и по порядку; и благочестивая оргия, освященная молитвами, не может быть хуже кары, назначаемой некоторыми "исповедниками" тем верным девицам, чей разум достаточно пластичен, чтобы поверить, что священник - воплощение Святого Духа, и что они уподобляются Пресвятой Деве, когда их осеняет сила Всевышнего (Лк. i. 85).

Таким образом, в "религии" присутствует сильный чувственный элемент, поэтому изобретательность была доведена до удивительной степени в создании конструкций, почти или отдаленно выражающих эту идею или, скорее, объединение концепций, на которые мы ссылались. Юпитер - это Протей по форме; то человек, то бык, то лебедь, то андрогин. Юнона, или ее эквивалент, иногда женщина, иногда львица, а иногда корова. Символизировались все мыслимые атрибуты мужчины и женщины, а боги назывались именами силы, любви, гнева, желаний, мести, удачи и т. д. Все в творении, что хоть как-то напоминало предполагаемого Творца, будь то имя, характер или форма, должно было представлять божество. Поэтому пальма была религиозной эмблемой, потому что она длинная, прямая и круглая; дуб - потому что он твердый и прочный; смоковница - потому что ее листья напоминают мужскую триаду. Плющ был священным по той же причине. Мирт тоже был типом, но женским, потому что его листья очень похожи на *vesica piscis*. Все, что хоть как-то напоминало характерные органы мужчины и женщины, становилось символом того или иного божества, Юпитера или Юноны, Иеговы или Астарты, Отца или Девы. Иногда, но очень редко, эти части изображались *au naturel*, и средства, с помощью которых происходило творение, становились мирской эмблемой Всевышнего; и перед храмом можно было увидеть два огромных фаллоса, как сейчас мы видим башни или шпили перед нашими церквями и минареты перед мечетями. (Лукиан, *Dea Syria*.)

В целом, однако, наиболее правильным считалось изображать органы в виде некой условной формы, понятной для посвященных, но не для необучаемых. Все, что было вертикальным и длинным, а не широким, символизировало отца; а то, что было полым, пещеристым, овальным или круглым, символизировало мать. Меч, копье, стрела, дротик, таран, лопата, корабельный форштевень - все, что предназначалось для того, чтобы пронзить что-то другое, символизировало мужчину; в то время как женщина символизировалась как дверь, отверстие, ножны, мишень, щит, поле, все, что должно было войти. Еврейские названия достаточно точно указывают на то, по какому принципу различались полы: один - *zachar*, перфоратор или копатель, другой - *nekebah*, отверстие или траншея, то есть мужчина и женщина.

Эти символы не обязательно были связаны с религиозной верой. Они могли обозначать войну, героизм, доблесть, королевскую власть, командование и т. д. или быть ничем иным, чем они были на самом деле. Они символизировали Творца только тогда, когда были приняты в религию. И снова произошло еще более глубокое усовершенствование; было использовано то обстоятельство, что один символ был триплиформным, а другой - одиночным; один имел одну форму, а другой - другую. Следовательно, треугольник или три предмета, расположенные так, что один из них должен стоять над двумя, стали олицетворять Отца, а единица - Мать.

Эти три последних предложения заслуживают пристального внимания, поскольку некоторые люди в несколько бессмысленной манере возражают, что человек, который может видеть в черепашке эмблему мужского, а в лошадином башмаке - женского органа, должен быть слишком фантастичным, чтобы заслуживать внимания. Но для меня, как и для других исследователей, эти вещи - просто то, чем они кажутся, когда их видят в обычной жизни. И все же, когда первое существо занимает большое место в мифологии; когда индусы считают его существом, на котором держится мир, а греки представляют одну Венеру покоящейся на черепашке, а другую - на козле; и когда известно, что в прошлые времена, когда люди были менее утонченными, [-греч-] изображался там, где сейчас находится лошадиный башмак, и что этой части приписывались некоторые загадочные атрибуты; мы не можем отказаться видеть в этом знаке то, что он обозначает.

Опять же, поскольку то, что мы можем назвать самой выдающейся частью трехраздельного органа, по природе своей было изменчивым по характеру, будучи в одно время мягким, маленьким и подвесным, а в другое - твердым, большим и вертикальным, те животные, которые походили на него в этом отношении, становились символическими. Таким образом, две змеи, одна индийская, а другая египетская, обе способные сгибать голову и шею и поднимать их прямо вверх, были символическими, и каждая в своей стране олицетворяла отца, великого Творца. Подобным образом, другая часть триады считалась похожей по форме и размеру на обычное куриное яйцо. Как заметил знаменитый физиолог Халлер, "*Omne vivum ex ovo*", каждое живое существо происходит из яйца; так и более древние биологи признавали, что двойная часть тройного органа так же необходима для создания нового существа, как и центральная опора. Поэтому яйцо и змея стали характеристикой "Отца", Эль, Аб, Ач, Баал, Ашер, Мелех, Адонай, Яху и т. д. Когда к ним добавлялась полумесяц, как на некоторых тирийских монетах, символизировались троица и единство, и выражалась вера, подобная той, которой придерживаются в современном Риме: мать творения равноправна с отцом; одна соблазняет своими чарами, а другая заставляет их плодоносить.

Англичанину, который, как правило, избегает говорить на тему, лежащую в основе многих древних религий, может показаться невероятным, что какой-либо человек или группа писателей могли проявить изобретательность, чтобы найти иносказательные эвфемизмы для вещей, которые, хотя и являются естественными, редко называются. Однако удивление прекращается, когда мы находим в трудах наших живых соседей, французов, множество слов, предназначенных для описания упомянутых частей, которые полностью соответствуют живописным эмблемам, принятым у греков и других народов.

Поскольку английские писатели, как правило, систематически избегали упоминания сексуальных идей, воплощенных в древнем язычестве, своим молчанием они способствовали формированию теологической школы, не имеющей под собой никакого прочного фундамента, кроме очень животного. По мере того как каждый человек выясняет это для себя, для него становится вопросом, насколько эта информация должна быть

передана другим. Решимость обвинить вампира проявляется так редко, что мы можем назвать очень мало английских книг, к которым можно было бы отсылать наших читателей. Мы не знаем ни одной такой книги, которая была бы легко доступна; работа К. Пэйна Найта и дополнение к ней, напечатанное частным образом, не часто можно найти в продаже. Привести список иностранных работ, к которым автор обращался до и во время работы над своей книгой о древних верованиях, было бы почти равносильно каталогу части его библиотеки. Тем не менее, он может указать название одной работы, которая представляет собой необычайно ценный справочный материал, а именно: *"Histoire abrégée des Differens Cultes"*, par J. A. Dulaure, 2 vols., small 8vo., Paris, 1825. Хотя книга вышла из печати, ее можно приобрести у букинистов. Другая работа, *"Исследования тайн язычества"* Сен-Круа, не менее ценна, но ее копию очень трудно достать.

Древние евреи не составляли исключения из общего закона почитания мужской эмблемы Творца; и хотя мы, исходя из их претензий на звание избранного народа Божьего, с радостью сочли бы их свободными от того, что мы считаем нечистотами, мы вынуждены верить, что даже в поклонении Иегове этому символу оказывалось больше уважения, чем мы, живущие в наше время, думаем, что он заслуживает. В Священном Писании мы читаем о том, как Ной, чей нездоровый нрав, похоже, не уступал его слабости к вину, проклял одного из своих трех сыновей за то, что тот, будучи пьяным, по неосторожности обнажил свою персону, и юноше это зрелище показалось забавным. Хам не испытывал благоговения перед символом Творца, а вот Шем и Иафет испытывали, и покрывали его покрывалом так же почтительно, как если бы это был неизреченный каркас мира (Быт. ix. 21-27). Поскольку наше чувство приличия побуждает нас думать, что отец был гораздо большим грешником, чем сын, мы радуемся, что беспричинное проклятие никогда не падало, и что Хам в землях Ханаана, Ассирии и Вавилонии, а впоследствии в карфагенской Испании, был хозяином тех евреев, чья главная сила в старые времена заключалась в бессильной брани, такой, какую Шекспир вкладывает в уста Калибана.

Одним из лучших доказательств сильного сексуального элемента, существовавшего в религии евреев, является тот факт, что Элохим, одно из имен Творца у евреев, представлен, Быт. xvii. 10-14, как делающий обрезание в знак своего завета с семенем Авраама; и для того, чтобы определить, должен ли мужчина считаться состоящим в завете, Бог, как предполагается, смотрел на состояние детородного органа, или, как сказано в Писании, на холм крайней плоти. Мы видим, что Иегова был столь же щепетилен и изучал мужчину так же тщательно, как Элохим: когда Моисей и Сепфора шли из Мадяма в Египет, Исход, iv. 24, Иегова, посмотрев на "троицу" сына Моисея и найдя ее столь же совершенной, как и при рождении, попытался убить его, и сделал бы это, если бы мать не изуродовала орган в соответствии со священным образцом. Опять же, в книге Иисуса, ст. 2, и в последующих стихах мы видим, что Иегова настаивал на том, чтобы все мужчины-евреи имели свой половой член в состоянии завета, прежде чем они пойдут в атаку на хананеев. Мы не можем предположить, что какой-либо писец мог бы так подробно, как почти все писатели Писания, остановиться на теме обрезания, если бы эмблема мужского пола не была предметом религиозного почитания среди еврейского народа.

Но Давид, который прыгал и танцевал, как бы сказать поприличнее, перед ковчегом - эмблемой женского творения, который выкупил свою жену у ее царственного отца, изувечив сотню филистимлян и представив отрезанную у них крайнюю плоть "во всей красе" царю (1 Цар. xviii. 27, 2 Цар. iii. 14), который когда-то был полководцем монарха, считавшего невыносимым позором, когда над ним издеваются, пытаются или убивают людей, чьи лица находятся в естественном состоянии (1 Цар. xxxi. 4), и который воображал, что он, будучи

юношей, может победить великана, потому что у того освященный, а у другого естественный член - это человек, которого мы знаем как автора псалмов, которыми христиане до сих пор освежают свои умы и утешают души. Король, который, как полагают, даже в старости так много думал о женщинах, что его придворные искали прекрасную девицу для утешения его смертного ложа, как полагают, был автором благородного девятнадцатого псалма и ряда других, полных святых устремлений. Таким образом, очевидно, что сексуальные представления о религии не являются несовместимыми с желанием быть святым. Эти два понятия сосуществовали в Палестине; в равной степени они сосуществуют и в Бенгалии.

Далее мы узнаем, что Авраам, заветный человек Бога, почитаемый патриарх евреев, заставляет своего слугу положить руку на член хозяина, пока тот дает клятву исполнить его приказ, в точности как это мог бы сделать более современный палестинец; Иаков делает то же самое с Иосифом. См. Быт. xxiv. 8 и xlvii. 29.

Поскольку не всем известно, что выражение "под бедром моим" является эвфемизмом для слов "на символе Творца", я могу указать на два или три других отрывка, в которых *бедро* (в авторизованной версии - *чресла*) используется перифрастически: Бытие xxxv. 2, xlv. 26; Исх. i. 5. См. Гинзбург в "*Библейской циклопедии*" Китто, т. 8, с. 848, 8. v. Клятва.

Я дважды читал, хотя и не успел записать, что один араб во время франко-египетской войны, обвиненный генералом Клебером в предательстве, не только горячо отрицал это, но, видя, что ему все еще не доверяют, разоблачился перед всем военным штабом и поклялся на своей троице, что он невиновен. В Ливане раз в год каждая женщина считает своим долгом поклониться губами почитаемому органу старого шейха.

И снова мы узнаем из Втор. xxiii. 1, что любое неосвященное повреждение этой части тела влечет за собой изгнание из общины Господа. Даже священник дома Аарона не мог служить как таковой, если его мужское достоинство было каким-либо образом нарушено (Лев. xxi. 20); и в докладе говорится, что в наши христианские времена папы должны быть частным образом совершенны; см. также Втор. xxv. 11, 12. Кроме того, иудейские Писания изобилуют обещаниями обильного потомства для тех, кто был любимцем Иеговы; а Соломон, самый славный из их монархов, описывается как Геркулес среди дочерей Феспия. Ничто не может яснее указать на разврат жителей Иерусалима, чем писания Иезекииля.* Если в древнееврейских законах и практике мы находим такое сильное влияние сексуального элемента, мы не можем удивляться, если он будет найден и в других местах и постепенно повлияет на христианство.

* См. Иезекииль xxii. 1-30, и сравните Иерем. ст. 7, 8.

Далее мы должны обратить внимание на тот факт, что то, что мы называем нечистотой в религиозных догматах, не обязательно влечет за собой непристойность на практике. Древние римляне во времена первых царей, похоже, были столь же пристойны, как и раннехристианские девы. Правда, в дни упадка империи происходили выставки, вызывавшие яростные обличения отцов Церкви; но мы находим очень похожие случаи и в современных христианских столицах. В спартанские времена целомудрие и честность не были добродетелями, а пьянство было пороком. В христианской Англии пьянство является всеобщим, и мы не можем гордиться всеобщей честностью и целомудрием. Не национальная вера, а национальная практика свидетельствует о достоинстве народа. Испания и Ирландия, называемые соответственно "католической" и "землей святых", не

могут похвастаться равенством с "неверной" Францией и "свободомыслящей" Пруссией. Англия будет столь же серьезной, столь же честной и цивилизованной, когда она откажется от языческих элементов в своей религии, как и тогда, когда она будет обнимать их как необходимые для ее духовного благополучия. Привязанность к хорошим сторонам религии полностью отличается от тесных объятий с плохими; и мы считаем, что тот заслуживает лучшего отношения к своей стране, кто старается устранить все возможные источники раздора. Ни у кого не вызывает сомнений ценность заповеди: "Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой". Если все объединятся для его выполнения, мелкие разногласия сразу же сойдут на нет. Насколько бесполезны многие из тех догм, за которые сейчас борются люди, покажут следующие страницы.

В наших больших работах мы старались показать, что глубокое чувство религии, чувство личной ответственности, настолько сильное, что влияет на каждый жизненный акт, может существовать и без использования единого символа. Искренний Сакья Муни, или Будда, никогда не использовал ничего в качестве священной эмблемы; не использовал ее и Иисус, который последовал за ним и, возможно, бессознательно распространял учение индийцев. Когда апостолы были посланы учить и проповедовать, им не велели нести ковчег или распятие. Им была неизвестна доктрина Троицы, и ни один из них не испытывал особого почтения к той, кого мы называем Девой Марией, которая, если и была *"девственницей нетронутой"*, когда родился Иисус, то уж точно была другой, когда родила его братьев. Павел и Петр, хотя и считаются отцами Римской церкви, никогда не использовали и не рекомендовали верующим приобретать для себя "крест" в качестве вспомогательного средства для запоминания. Первые христиане узнавали друг друга по поступкам, и им никогда не приходилось, подобно иудеям, доказывать, что они в завете с Богом, выставляя на всеобщее обозрение изуродованную часть своего тела. Мы, вместе с Обществом друзей, предпочитаем примитивное христианство современному.

На следующих страницах автор считает себя обязанным использовать слова, которые, вероятно, известны только тем, кто более или менее "ученый". Ему приходится говорить о частях человеческого тела и привычных для мира действиях, которые в наше время никогда не упоминаются в вежливом обществе, но о которых в период написания Ветхого Завета говорили так же свободно, как мы сейчас говорим о своих руках и ногах. В те времена обо всем, что было общим, говорили без стыда, и то, что происходило во всем творении и было видно каждому, было такой же темой для разговора, как сейчас еда и питье. Древнееврейские писатели были крайне грубы в своей лексике, и хотя она была смягчена последующими редакторами, многое, на наш современный взгляд, по-прежнему остается неприличным. Например, там, где мы просто указываем пол, еврейские историки использовали слово, которым обозначали символ, по которому узнают мужчину и женщину; например, в Быт. i. 27 и ст. 2 и во множестве других мест о мужском и женском роде говорят как *zachar* и *nekebah*, что лучше всего перевести как "скупающие" и "скупающие". Другой столь же вульгарный способ описания мужчин можно найти в 1 Царств xiv. 10. Но эти наблюдения не принесли бы нам особой пользы в символизме, если бы мы не знали, что они связаны с определенными эвфемизмами, с помощью которых, когда говорится одно, подразумевается другое; для примера возьмем Исаию vii. 20 и спросим, что подразумевается под фразой "волосы на ногах"? Несомненно, что ноги никогда не бывают волосатыми, и, следовательно, их нельзя брить. Опять же, когда мы находим в Быт. xlix. 10: "Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от ног его", и сравниваем это с Втор. xxviii. 57 и 2 Царств xviii. 27, где в оригинале сказано: "вода ног их", ясно, что символический язык используется для выражения того, что, если бы было выражено в просторечии, было бы неприятно для слуха вежливого человека. Опять же, в Бытии xxiv. 2 и xlvii. 29, а также в Евр. xi.

21 ученым хорошо известно, что слова "бедро" и "посох" являются эвфемизмами для выражения той части, которая представляет мужчину. В Втор. ххiii. 1, как и в последних трех процитированных стихах, мы имеем доказательства святости упомянутой части, но язык менее изыскан. Сегодня наши уши не настроены на грубую музыку, которая радовала наших предков, и мы вынуждены использовать завуалированный язык для выражения некоторых вопросов. На следующих страницах слова, которые я выбираю, взяты из латинского, греческого, санскритского, шемитского или египетского языков. Хеа, Анн и Ашер заменяют части, упомянутые в Втор. ххiii. 1; Осирис, Ашер, Линга, Махадева, Сива, Приапос, Фаллос и т. д. представляют еврейское *zachar*; в то время как Исида, Парвати, Йони, Сакти, Астарта, Иштар и т. д. заменяют еврейское *nekebah*. О соединении этих частей говорят как об Ашторет, Баалиме, Элохите, троице и единстве, андрогинном божестве, арбе, или мистической четверке, и тому подобное.

Добавлю лишь, что то, о чем я говорю, давно известно почти всем ученым, кроме английских. Среди них есть несколько ученых, но в течение долгого времени они систематически воздерживались от откровенных высказываний и писали так, что были виновны не только в *suppressio veri*, но и в *suggestio falsi*.

Прочитав все это, я могу представить, как многие с изумлением спрашивают: "Неужели это так?" и в продолжение своих мыслей задаются вопросом, что это были за люди, которые могли ввести в религию такие вопросы, как те, о которых мы говорили.

В ответ я могу лишь сказать, что ничем не оправдываюсь и ничего не имею в виду. Однако первый пункт этого утверждения требует изменения, поскольку в этом томе опущено многое из того, о чем я подробно говорил в своей более крупной работе. Там я показал, что религиозный блуд существовал не только в древнем Вавилоне, но есть основания полагать, что он существовал и в Палестине. Слово [-еврейское-] *Кадеш*, означающее "чистый, светлый, молодой, святой или освященный", также является корнем, от которого образованы слова *Кадешах* и *Кадешим*, которые используются в еврейских писаниях и переведены в нашей авторизованной версии как "блудница" и "содомит". См. Бент, ххiii. 17.

Афанасий говорит нам кое-что об этом применительно к финикийцам: "Раньше, несомненно, финикийские женщины протитировали перед своими идолами, предлагая свои тела богам вместо первых плодов, будучи убеждены, что таким образом они угождают богине и делают ее благосклонной к ним" (*Oratio Contr. Gent.*, part i., p. 24).

Страбон упоминает о подобном случае в Комане, в Понте, книга хiii., с. iii. p. 86, и замечает, что огромное количество женщин было посвящено для использования поклоняющимися в храме Венеры в Коринфе.

Такие женщины есть в Индии, и жрецы некоторых храмов делают все возможное, чтобы выбрать самых красивых представительниц прекрасного пола и воспитать их настолько высоко, чтобы они были привлекательными.

Обычаи, существовавшие в других местах, по-видимому, были известны в Иерусалиме, как мы находим в 1 Царств xiv. 24, XV. 12, что *кадеши* были распространены в Иудее, а во 2 Царств ххiii. 7 мы узнаем, что эти "посвященные" находились "у храма" и были связаны с женщинами, чьим занятием было "делать покрывала для рощи". Что это были за ткани и как они использовались, мы увидим в Иезекииле xvi. 16.

Даже Давид, танцуя перед ковчегом, бесстыдно обнажал себя. Соломон воздвиг две колонны на крыльце своего храма, назвал их Иакинф и Боаз и добавил к ним украшения из

граната. Мы видели, как Авраам и Иаков приказали своим подчиненным клясться, положив руку на "бедро"; мы читали о зверствах, которые творились в Иерусалиме во времена Иезекииля. И все же о евреях по-прежнему говорят как об избранном Богом народе, а о псалмопевце - как о человеке по сердцу Божьему.

Но, не заходя так далеко в прошлое, давайте поинтересуемся поведением чувственных турок и общим поведением жителей Индостана. Из всего, что я могу узнать, а я неоднократно беседовал с теми, кто близко знаком с турками и индусами, следует, что во всех жизненных позициях они столь же нравственно добры, как и обычные христиане.

Мои читатели не должны теперь утверждать, что я пристрастен или специально угождаю, когда говорю это; они должны понять, что я делаю сравнение как человек с человеком. Я не сравниваю, как это делают миссионеры, самого порочного магометанина и брамина с самым примерным христианином; с другой стороны, я не сравниваю лучших османов и индийцев с христианскими преступниками; но я беру всех в целом и утверждаю, что в Индии и Турции есть такой же большой процент хороших людей, как в Испании и Франции, Англии или Америке.

Самая грубая форма культа совместима с общей чистотой нравов. История Лукреции рассказывает о языческой женщине, в то время как истории Ера и Онана, Тамар и Иуды относятся к евреям. Давид, соблазвивший Вирсавию и убивший ее мужа, не подвергся презрению со стороны "народа Божьего" и не был изгнан со своего трона, как Таркин римлянами.

В доблести и образованности вавилоняне с их религиозной проституцией превосходили "избранный народ". О богатстве и предприимчивости финикийцев древняя история рассказывает в изобилии.

Вероятно, ни в древности, ни в современности нет трех городов, в которых проживало бы столько порочных личностей, как в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. Однако история не знает ни одного города, который был бы более могущественным. Ни одна вавилонская армия не сравнится по мощи и численности с армией северной части Соединенных Штатов. Ниневия никогда не обладала армиями, равными армиям французского Наполеона и немецкого Вильгельма, а Рим никогда не имел империи, равной той, которую возглавляет Лондон.

Наличие личных пороков не разрушает нацию в ее коллективном качестве. Самая чувственная форма религии также не препятствует процветанию народа, если он не склоняет шею перед священством.

Величайшим проклятием для нации является не плохая религия, а та форма веры, которая препятствует человеческому поиску. Я не знаю ни одного древнего народа, который бы не пал под мечами тех, кто не заботился об иерархах.

Наибольшей опасности следует опасаться от тех церковников, которые подмигивают пороку и поощряют его как средство, с помощью которого они могут получить власть над своими приверженцами. Пока каждый человек поступает с другими людьми так, как хотел бы, чтобы они поступали с ним, и не позволяет никому вмешиваться между ним и его Создателем, все в мире будет хорошо".

В то время как следующие листы проходили через печать, мой друг мистер Ньютон, который не только помогал мне во многих вопросах, но и проявлял большой интерес к теме символизма, дал мне понять, что есть некоторые вопросы, в которых он сильно расходится со мной во мнениях. Один из них касался правильного толкования так называемой

ассирийской роши; другой - значения одного из драгоценных камней Ладжарда, Plate iv, Рис. 3; и самое заметное из наших расхождений касалось фундаментальной, или основной идеи, которая побудила использовать в религии те органы воспроизводства, которые с незапамятных времен почитались в Индостане и, насколько мы можем узнать, в Древнем Египте, Вавилонии, Ассирии, Тире, Сидоне, Карфагене, Иерусалиме, Этрурии, Греции и Риме, а также в странах, называемых нецивилизованными. Я вполне допускаю мнение, которое мой старый друг высказал в отношении ассирийской роши, но не готов согласиться с другими его мнениями.

Там, где два человека искренне работают над разъяснением истины, должна быть, на мой взгляд, не только терпимость к разногласиям, но и честная попытка представить предмет на суд вдумчивых читателей.

Поскольку я не чувствовал бы себя удовлетворенным, позволив любому другому человеку выразить мои взгляды его словами, мне казалось справедливым по отношению к мистеру Ньютону предоставить ему возможность излагать свои взгляды на его собственном языке. Изначально предполагалось, что за наблюдениями моего друга о "роще" последует диссертация о других реликвиях древности, в частности о том, что известно как Стоунхендж, но обстоятельства помешали воплотить этот замысел в жизнь.

Когда два человека, у которых много общего, идут по одному и тому же пути, вполне естественно, почти необходимо, чтобы они останавливались на одинаковых темах. Поэтому окажется, что есть моменты, которые затрагиваются нами обоими, хотя, возможно, и в разном соотношении.

Поскольку моя собственная часть следующих замечаний была напечатана задолго до того, как я увидел рукопись мистера Ньютона, я надеюсь, что меня простят за то, что я оставлю их в силе. Объем тома не будет увеличен на целую страницу.

Если бы меня спросили, почему я расхожусь с мистером Ньютоном в его возвышенной идее о принятии определенных телесных органов в качестве типов, знаков или эмблем невидимого и непостижимого Творца, мой ответ был бы основан на наблюдениях, сделанных над каждым известным орденом священства, начиная с самой отдаленной древности и до настоящего времени. Независимо от вероучения, будь то древнее или современное, главная цель его выразителей и сторонников - завладеть умами населения. Этого еще никогда не удавалось и, вероятно, никогда не удастся сделать путем воспитания в людях мыслительных способностей.

В Великобритании мы видим три группы иерархов, противостоящих друг другу, и все они одинаково, всеми доступными им средствами, запрещают независимое исследование.

Молодому романисту, как мы недавно видели, не дают упорно изучать историю и логику; пресвитерианина преследуют, насколько позволяет закон страны, если он честно изучает Библию, Бога, которого она представляет для нашего поклонения, и законы, которые она навязывает. Епископ Англиканской церкви подвергается жалким и злобным усилиям некоторых из его номинальных равных, если он осмеливается обращаться с еврейскими писаниями так же, как другие критики изучают тома Ливия или Геродота.

Одна группа людей объединилась, чтобы избрать бога на земле, и пытается заставить своих сородичей поверить, что выбор нескольких старых кардиналов может сделать того, кого они решили чтить, "непогрешимым".

Другая группа людей, исповедующих идею непогрешимости Папы, полагает, что сама обладает этим качеством, и стремится исключить из общения верующих тех, кто расходится с ними "в вопросах, которые Бог оставил без внимания".

Конечно, когда при всей нашей современной образованности, мысли и научных изысканиях иерархи все еще настроены против прогресса в знаниях и подавляют, если возможно, всякую попытку поиска истины, мы не сильно ошибаемся, когда утверждаем, что первые жрецы варварства не имели возвышенных взглядов на такой абстрактный предмет, как жизнь, в высшем и высоком смысле, если вообще в каком-либо смысле этого слова.

Еще одно небольшое разногласие между мной и моим другом заключается в том, существовало ли когда-либо фигурное изображение *Какодоемона* - за исключением начала христианства - и если, растягивая смысл, мы назовем Тифона-Сатану или Дьявола этим именем, как противопоставленного *Агатодоемону*, то оправдано ли наделять этого злого гения крыльями. Насколько я могу судить по халдейским и ассирийским скульптурам, крылья давались низшим божествам так же, как наши художники наделяют ими современных ангелов. Вавилонский Аполлион, под каким бы именем он ни был, был крылатым - впрочем, как и все добрые боги. Египтяне, похоже, наделяли крыльями только благоприятных божеств. В мифологии евреев есть огненные летающие змеи, но мы должны заметить, что все их херувимы и серафимы были крылатыми, причем некоторые из них имели не менее трех пар, так же как индуистские боги имеют четыре головы и шесть или любое другое количество рук.

Мистер Ньютон полагает, что дракон, упомянутый в Откр. xii, был крылатым существом, но из контекста, особенно из стихов 14 и 15, ясно, что у него не было шестеренок, поскольку он не мог следовать за женщиной, которой были даны два воздушных весла.

Дракон, каким мы его знаем, - это, я полагаю, средневековое творение; в Библии о таком существе говорится только в книге Откровение, и автор этого странного произведения черпал свое вдохновение в этом вопросе из Илиады, где дракон описывается огромного размера, свернувшийся, как змея, кроваво-красного цвета, переливающегося разными оттенками, и имеющий три головы. Гомер, Лидделл и Скотт добавляют, что [-греч-] безразлично используется для обозначения змеи. Так же поступает и автор Откровения в гл. xx. 2. Мне не удалось обнаружить ни одного гностического драгоценного камня, на котором был бы изображен хоть сколько-нибудь похожий на современного дракон.

Придерживаясь этих взглядов, я не могу согласиться с предположением, что крылатые существа на весьма примечательной гемме, о которой мы уже упоминали, - это злые джинны.

В вопросах такого рода разум, возможно, бессознательно предвзято относится к сравнению одной античной идеи с другой. Если поискать среди этрусских ваз, то можно увидеть не только крылатого ангела смерти, но и Купидона, Эроса, или как его еще называют "желание" или любовь, часто парящего над кушеткой невесты или другого сладострастного существа, и сопровождающего красавицу во время ее туалета. Греки также наделили Эроса парой крыльев, призванных, как полагают, изображать трепетание сердца, возникающее у влюбленных при встрече или даже при мысли друг о друге. Такое подчиненное божество было бы к месту среди стольких сексуальных эмблем, как на рис. 3. Рис. 3, в то время как *коакдоемон* был бы "порчей" и заставил бы воздвигнутых змей скорее упасть, чем оставаться в своем великолепии.

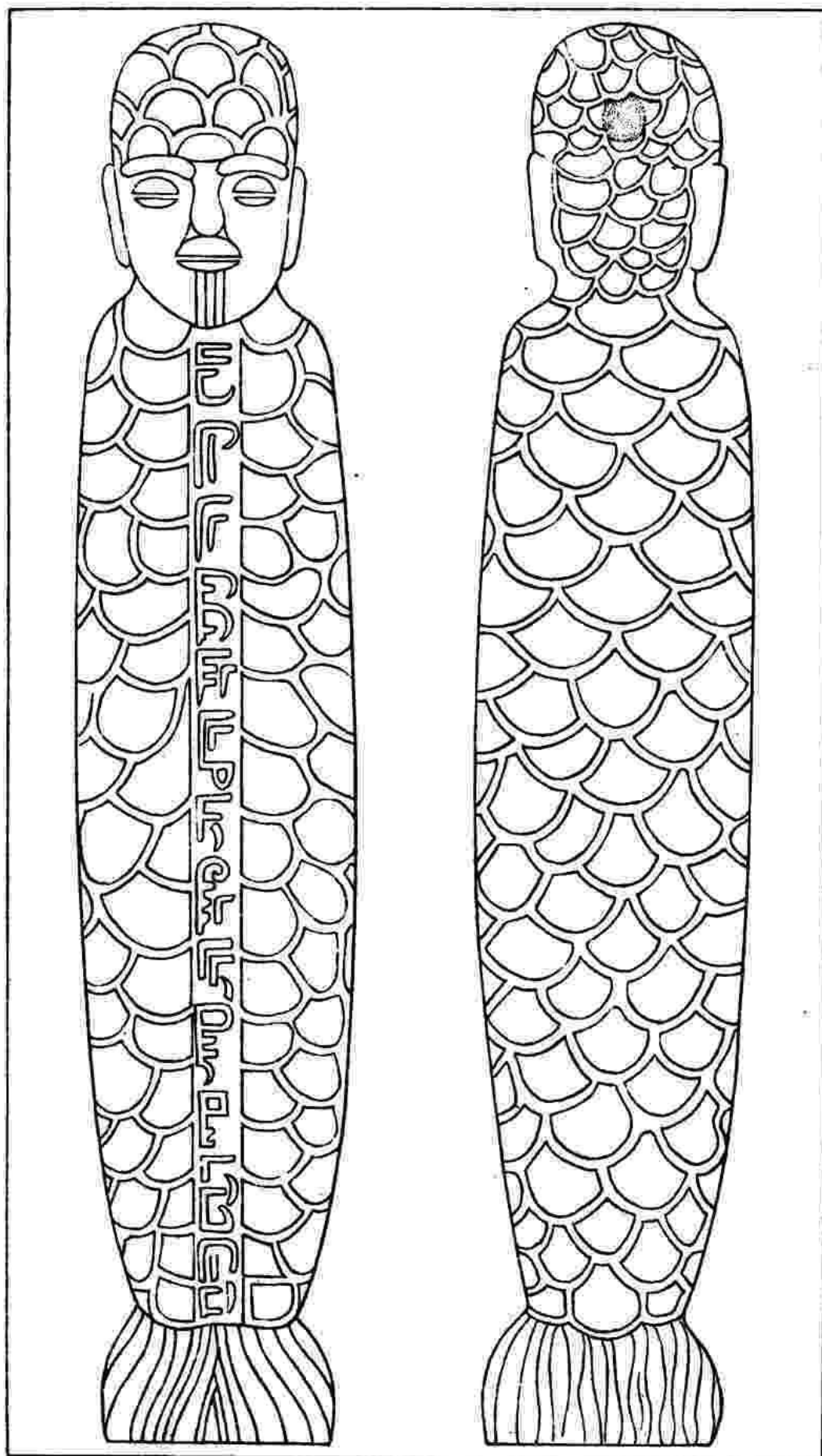
Эти вопросы, казалось бы, не имеют большого значения, но когда человек изучает значение символического языка, он должен быть так же внимателен и расставлять сети наблюдения в таком же широком море, как и ученый, пытающийся расшифровать язык, написанный давно

забытыми символами, и некоторые расхождения во мнениях между независимыми наблюдателями обостряют интеллект больше, чем закаляют характер.

ЯЗЫЧЕСКИЙ И ХРИСТИАНСКИЙ СИМВОЛИЗМ.

ПЛИТА II.

PLATE II.

Это фотография небольшого бронзового изображения, хранящегося в коллекции Майера в Свободном музее в Ливерпуле. Фигура высотой около девяти дюймов изображает Исиду, Гора и рыбу. Это хорошая иллюстрация древнего обычая, до сих пор распространенного среди некоторых христиан, почитания женщины, считающейся девственницей, дающей сосать своему ребенку, и ассоциации Исиды, Венеры и Марии с рыбой. Пятница, например, у романистов является одновременно "рыбным днем" и "dies Veneris". Известно, что рыбы необычайно плодовиты. Существовало поверье, что животные, отмеченные какими-либо особенностями, передают свои добродетели тем, кто их ест; так, плоть тигров должна была придавать мужество, а улитки - сексуальную силу. Использование рыбы в брачных пирах до сих пор широко распространено. Те, кто считает благочестивым или правильным есть рыбу в день Венеры или в пятницу, неосознанно провозглашают себя приверженцами тех языческих представлений, которые обожествляли части тела, о которых сейчас никто не любит говорить. В одном отношении рыба имеет сходство с мандрагорой.

После первой публикации этой работы один из моих друзей предложил мне еще одну причину, помимо плодовитости, по которой рыба символизирует женщину. Имея большой опыт работы хирургом, особенно среди куртизанок низшего разряда, он неоднократно замечал в жаркие месяцы года, что те части тела, которые ему приходилось осматривать, имели очень сильный запах рыбы. Мои собственные наблюдения в том же отделе заставляют меня подтвердить его утверждение. Следовательно, я думаю, что в теплом климате, где максимальная чистоплотность едва ли может избавить женщину от запаха, запах, как и другие атрибуты, имеет отношение к выбору рыбы в качестве эмблемы женщины.

Еще один друг сообщил мне, что в Йоркшире и, как я понимаю, в других графствах Англии *двойная связь*, связанная с рыбой, настолько заметна, что ее трудно выразить в приличной фразеологии. Достаточно сказать, что в упомянутом графстве о *Lais* или *Phryne* говорят как о "хорошей рыбе", а о человеке, который несет на своих чертах печать, накладываемую чрезмерными возлияниями, скажут, что он слишком много предавался "рыбной диете". Я не предполагаю, что в Йоркширских горках люди необычайно хорошо знакомы с мифологией, но все же любопытно обнаружить среди их жителей связь между Венерой и рыбой, точно такую же, как в самые отдаленные века и в далеких краях.

Из всех этих фактов ясно, что рыба - это символ не только женщины, но и йони.

ПЛИТА II.

Предполагается, что на ней изображен Оаннес, Дагон или какой-то другой бог-рыба. Она скопирована с Lajard, *Sur le Culte de Venus*, pl. xxii., 1, la, и описывается так: "Статуэтка из кожи, из серого укрытия или слюды, цвета зелени. Она изображает спереди, на перекладине, легенду в сирийском стиле, очень древнюю (*кабинет М. Ламберта в Лионе*)". Я не могу найти никаких подсказок о значении этой надписи. Казалось бы, парадоксально утверждать, что между быкоголовым божеством и Оаннесом есть что-то общее. Тем не менее, это так. Один обозначает, *прежде всего*, физическую, а другой - сексуальную силу. То, что Оаннес мог представлять для ассирийцев человека, который играл у них роль, подобную роли Пенна среди индейцев Пенсильвании, я не отрицаю; но, когда мы находим подобного рыбьего бога в Филистии и Хиндостане и знаем, что Кришна однажды явился в виде рыбы, этого объяснения недостаточно. Любопытно, что Иисуса из Назарета называли "рыбой", но это лишь доказывает, что религия Христа была испорчена язычеством.

На рис. 1 и 4 представлены иллюстрации антилопы как религиозной эмблемы у ассирийцев. Первая взята из "*Ниневии*" Лэйарда, и на ней мы видим, что в одной руке они несут трехстворчатый лотос; вторая, демонстрирующая уважение к пятнистой антилопе и к "ветке", взята из "*Ниневии и ее дворцов*" Бономи.

На рис. 2 изображен Вакх с мистической ветвью в одной руке и кубком в другой; его одеяние покрыто пятнами, расположенными в три ряда. Ветвь символизирует *arbor vitæ*, или дерево жизни, и его силу прорастания. Такой символ, по мнению посторонних, изображается на домах новобрачных среди евреев Марокко и, по-видимому, означает желание друзей, чтобы мужчина показал, что он энергичен и способен дать много ростков от дерева жизни. Можно заметить, что на филевой части вокруг головы бога расположено множество крестов. Из книги Хислопа "*Два Вавилона*" и словаря Смита, стр. 208.

Рис. 8 и 5 призваны показать распространенность использования пятен на одежде священников; они скопированы из "*Двух Вавилонов*" Хислопа и Уилкинсона, т. vi., рi. 88, и том iv., стр. 841, 858. Объяснение значения пятен см. на рис. 6 листа iv.

На рис. 1 изображен ассирийский жрец, совершающий поклонение с помощью выставления большого пальца, который имел особое значение. Иногда вместо него указывается указательный палец, и в обоих случаях символизируется мужчина. Рисунок взят с пластины, иллюстрирующей статью Э. К. Рэвеншоу, эсквайра, в *Journal of Royal Asiatic Society*, vol. xvi., p. 114. Среди евреев и, вероятно, всех шемитских племен *бохен*, большой палец, и *эзба*, палец, были эвфемизмами. Рука, преподнесенная таким образом роще, напоминает часть буддийского креста и хвостовик ключа, значение которого описано на следующей странице.

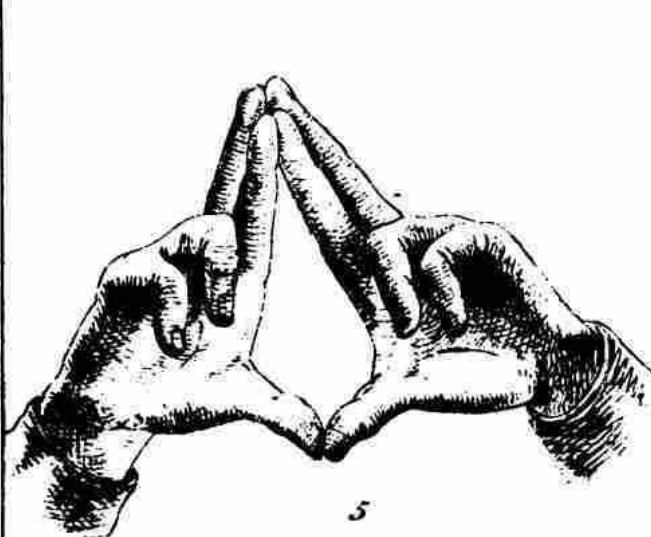
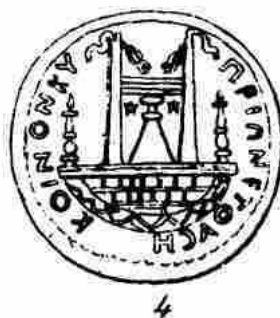
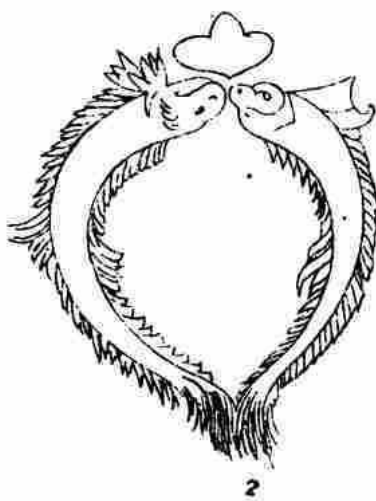
ПЛАТА III.

PLATE III.

ПЛИТА IV.

PLATE IV.

На рис. 2 изображена буддийская эмблема; две рыбы, образующие круг, представляют мистические йони, сакти Махадевы, а триада над ними - мистическую троицу, триединого отца, Сиву, Бэла или Ашера, соединенного с Ану и Хеа. Из *Journal of Royal Asiatic Society*, vol. xviii., p. 892, plate ii.

Рис. 3 - очень примечательная работа. Первоначально он принадлежал монс. Лажарду и описан им в его втором мемуаре, озаглавленном "*Исследования культуры, символов, атрибутов и памятников Венеры*" (Париж, 1837), на странице 32 и последующих, и изображен на пластине I, рис. 1. Настоящий возраст драгоценного камня и его происхождение неизвестны, но предмет заставляет автора предположить, что он позднеавилонской работы. Камень представляет собой белый агат, имеющий форму конуса, а огранка находится на его нижней грани. Форма драгоценного камня указывает на его посвящение Венере. Центральные фигуры представляют андрогинное божество, Баалима, Астарота, Элохима, Юпитера-генетрикса или бородатую Венеру Милитту. На левой стороне огранки мы видим прямоходящую змею, в лучистой голове которой узнаем солнечную эмблему и ее мирского представителя, *mentula arrecta*; на месте, противоположном центру мужского тела, мы находим ромб, символизирующий йони, а напротив его ног - амфору, мистическое значение которой можно легко распознать; она предназначена для Ouranos, или Солнца, плодоносящего Terra, или землю, изливаясь из себя в нее.

* Один друг рассказал мне, что, например, в Пеште он случайно взглянул на великолепно одетую и красивую молодую женщину. К его удивлению, она показала большой палец точно так же, как ассирийские жрецы; это еще больше удивило молодого человека, и он, как зачарованный, продолжал смотреть. Тогда девушка взялась за большой палец другой рукой, тем самым обозначив свою профессию. Мой друг, совершенно неопытный в вопросах мира, понял, что имелось в виду, только когда увидел мое объяснение рис. 1.

Три звезды над головой фигуры и перевернутый треугольник на ее голове - это изображения мифологической четверки, эквивалентной египетскому символу жизни (рис. 31, 82). Напротив женщины изображены луна и еще одна змея, которая может быть признана физиологами как символ *tensio clitoridis*. В части, соответствующей алмазу, с левой стороны находится шестилучевое колесо, символизирующее, по-видимому, солнце. У ног женщины помещена чаша, которая призвана олицетворять пассивный элемент в творении. Как таковая она аналогична полумесяцу и ассоциируется в римской церкви с круглой облаткой, символом солнца; облатка и чаша, таким образом, являются синонимами солнца и луны в соединении. Следует заметить, что на каждого змея на пластине нападает, как мы предполагаем, дракон. Есть некоторая трудность в понимании точной идеи, которая должна быть передана с их помощью; мое собственное мнение заключается в том, что они символизируют Сатану, старого змея, искушавшего Еву, то есть неистовую похоть, Эрос, Купидон или желание, которое, как в мужчине, так и в женщине, приводит к воскрешению, которое изображают змеи. Нельзя не отметить, что у змеи, изображающей мужчину, хвост изогнут таким образом, что наводит на мысль о втором и третьем элементах троицы. Месье Лажар считает, что драконы обозначают дурной принцип в природе, то есть тьму, ночь, Ахримана и т. д. На пирамидальной части драгоценного камня четыре стороны украшены фигурами, три из которых представляют животных, отличающихся своей соленостью, а

четвертая - Бэла и Иштар в соединении, что легче представить себе, чем описать на родном языке. Эрудиты найдут эту позицию в Лукреции, *Dê Rerum Naturâ*, книга iv., строки 1256, и далее.

Рис. 4 также скопирован с Lajard, plate i., fig. 10. Это реверс бронзовой монеты Веспасиана, отчеканенной на острове Кипр, с изображением конического камня, под формой которого в Пафосе поклонялись Венере. Тацит замечает, Hist, ii., с. 8: "Статуя не имеет никакого сходства с человеческой формой, но круглая, широкая с одного конца и постепенно сужающаяся к другому, как ворота. Причина этого не выяснена". Примечательно, что мужская эмблема должна была изображать Венеру, но камень был аэролитом, как тот, что упал в Эфесе и, как говорят, изображал Диану. Очевидно, что когда падает метеоритный камень, главные жрецы района могут сказать, что он должен быть принят как представитель их божества.

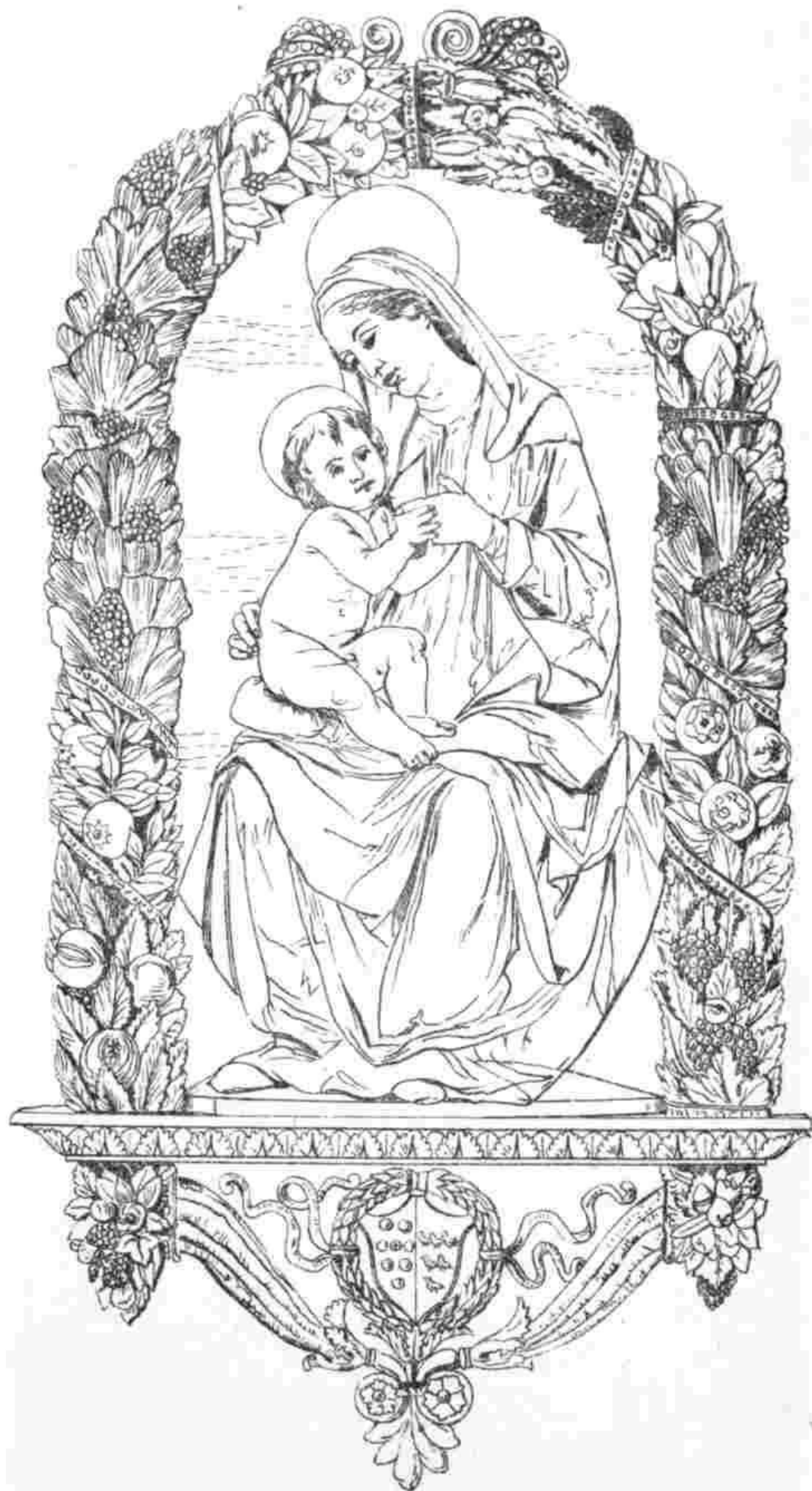
Мой очень изобретательный друг, мистер Ньютон, предполагает, что Венера, о которой идет речь, была андрогином; что конус - это мужская эмблема, внутри двери, ворот или дельты, что напоминает ассирийскую рошу. Несомненно, его идее способствуют змеи, две звезды и два канделябра, или алтаря с пламенем.

На рис. 5 изображено положение рук иудейских священников, когда они произносят благословение своей пастве. Как видно, каждая рука в отдельности обозначает Троицу, а соединение двух - Единицу. Все это символизирует мистическую Арбу - четыре, то есть троицу и единство. Один из моих информаторов рассказал мне, что, будучи "коэном" или священником, он часто произносил благословение и, демонстрируя мне этот метод благословения, расположил свои соединенные руки так, что его нос вошел в центральное отверстие. Когда он это сделал, я заметил: "*bene nasatus*", и это выражение больше, чем что-либо другое, убедило его в правдоподобности моих взглядов.

Рис. 6, измененный в той или иной форме, представляет собой положение, которое принимают рука и пальцы, когда гоманские и англиканские епископы или другие иерархи произносят благословение своему народу. Подобное положение можно встретить и в индийской мифологии, когда Творец удваивает себя на мужскую и женскую части, чтобы иметь возможность зародить новые существа. В то время как правая рука на пластине VII. символизирует мужское начало, левая рука представляет мистический женский круг. На другой пластине, которую можно найти в "*Индуистском пантеоне*" Мавра, изображена похожая фигура, но полностью задрапированная, а платье, которое носит небесная супруга, покрыто группами пятен, расположенных в триадах и группах по четыре. Что касается значения пятен, то мы можем заметить, что они указывали, либо по своей форме, либо по своему названию, на эмблему женского рода. Это подтверждает история об Индре, индуистском боге неба. Обычно его представляют в одеянии, покрытом глазами; но легенда гласит, что, подобно Давиду, он полюбил жену другого мужчины, которая была очень красива и попалась ему на глаза случайно, а ее супругом был тот, чья строгая набожность делала его почти равным Брахме. Злой замысел Индры был одновременно и расстроен, и наказан. Женщина сбежала, но бог покрылся отметинами, которые напомнили ему о его преступлении, ибо это были изображения йони. По настоящему заступничеству Брахмы перед риши они были превращены последним в глаза. Эта история позволяет нам ясно распознать скрытый символизм индуистского и египетского глаза, овал которого представляет женщину, а круг - мужчину, заключенного в нем, то есть творца-андрогина.

ПЛИТА V.

PLATE V.

Это копия средневековой Девы Марии с Младенцем, написанная делла Роббиа в Южно-Кенсингтонском музее, копия которой была предоставлена мне моим другом, мистером Ньютоном, чьей доброте я обязан многими иллюстрациями древнего христианского искусства. На ней изображена Дева с Младенцем именно так, как ее изображали в Египте, Индии, Ассирии, Вавилонии, Финикии и Этрурии; случайность в одежде не имеет никакого мифологического значения. В рамке вокруг группы мы видим трехгранный лист, символизирующий Ашера, виноград, характерный для Диониса, пшеничные колосья, символизирующие Цереру, *l'abricot fendu*, знак женского рода, и гранатовый ободок, который характеризует изобильную мать. Живая группа, кроме того, помещена в арку, *дельту* или дверь, которая символизирует женское начало, как и *vesica piscis*, овал или круг. Над этой дверью, кроме того, возвышаются, по-видимому, улитки, о предполагаемой добродетели которых мы говорили в разделе "Плита i". Это отождествление Марии с сактами очень сильное; далее мы увидим, что оно настолько полное, насколько это вообще возможно.

ПЛИТА VI.

PLATE VI

Копия рисунков, приведенных в "*Древней мифологии*" Брайанта, листы xiii., xxviii., третье издание, 1807 год. Первые два иллюстрируют историю Палемона и Гета, представляя дельфина. Эта рыба символизирует женщину, что объясняется созвучием в греческом языке ее названия и названия утробы, *delphis u delphus*. Дерево символизирует *arbor vitæ*, животворящий росток; а ковчег - утробу матери. Третья фигура, где мужчина опирается на скалу и дельфина, а также играет с матерью и ребенком, не менее наглядна. Мужчина неоднократно характеризуется как скала, гермес, менгир, толмен или вертикальный камень, женщина - как дельфин или рыба. Результатом соединения этих элементов становится ребенок, которого приветствуют оба родителя. Четвертая фигура представляет собой две эмблемы мужского творца, мужчину и трезубец, и две женского, дельфина и корабль. Две последние фигуры представляют монету из Апаimei, изображающую Ноя и ковчег, называемую *Cibotus*. Брайант старается доказать, что эта группа напоминает историю, рассказанную в Библии о потопе, но есть большие сомнения в том, что эта история не вавилонского происхождения. Город, о котором идет речь, находился во Фригии, а монета, судя по всему, была отчеканена Филиппом Македонским. Надпись вокруг головы [- Греческая надпись-]См. "*Древние верования*", второе издание, том ii..., стр. 128 и 885-892.

Верховный Дух в акте творения стал двуединым; ПРАВАЯ сторона была мужской, ЛЕВАЯ - ПРАКРИТИ, ОНА ОДНА ФОРМА С БРАМОЙ.

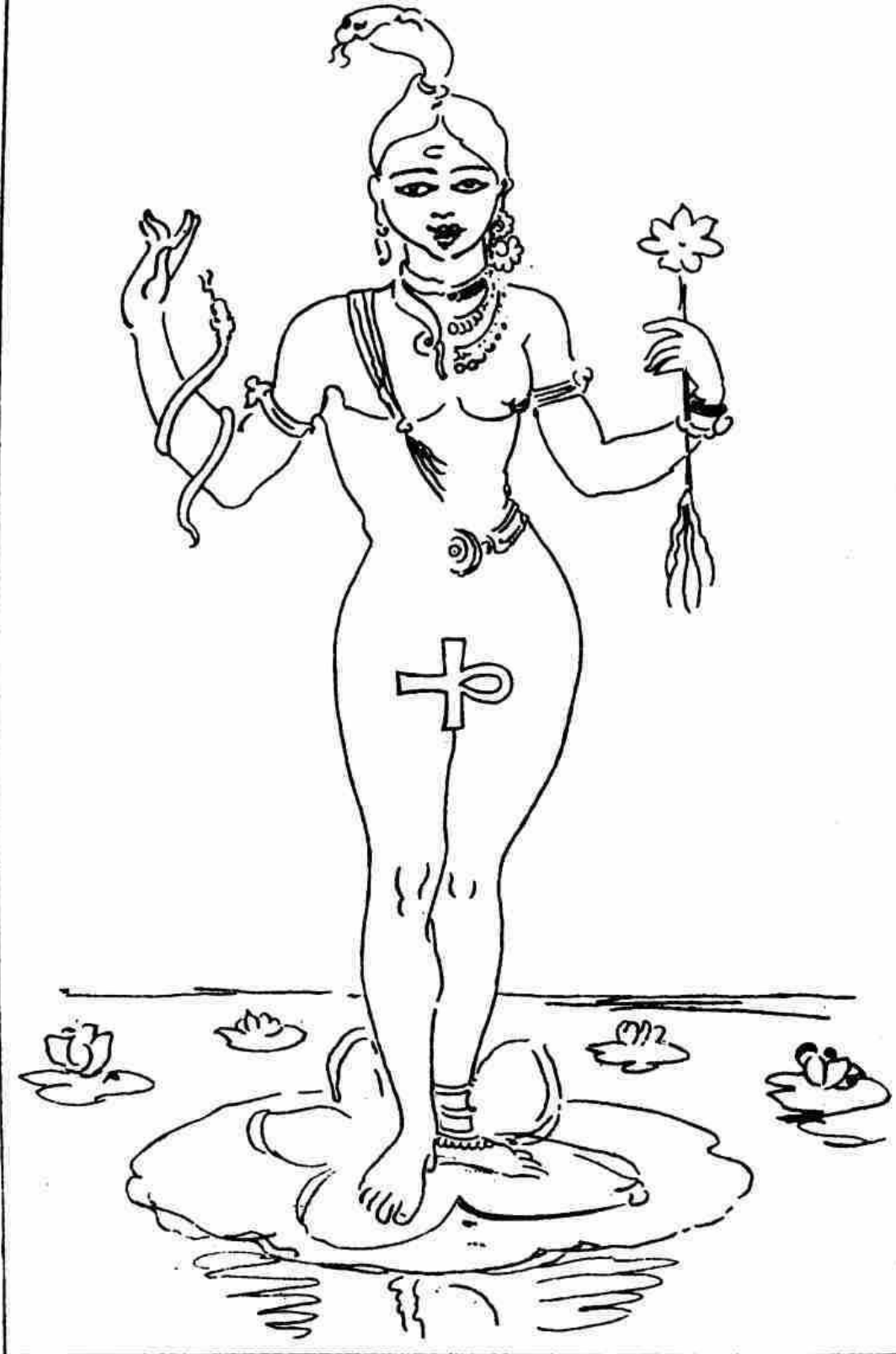
Она - Майя, вечная и нетленная, такая, как Дух, такая, как присущая ему энергия. (Сакти) как факультет, горящий, присущ чистому.

(Брама Вайвартта Пурану, профессор Уилсон).

PLATE VII.

"THE SUPREME SPIRIT IN THE ACT OF CREATION BECAME, BY VOGA, TWO-FOLD. THE RIGHT SIDE WAS MALE, THE LEFT WAS PRAKRITI. SHE IS OF ONE FORM WITH BRAMAH. SHE IS MAYA, ETERNAL AND IMPERISHABLE, SUCH AS THE SPIRIT, SUCH IS THE INHERENT ENERGY, (THE SACTI) AS THE FACULTY OF BURNING IS INHERENT IN FIRE."

(BRAMAH VAIVARTTA PURANU, PROFESSOR WILSON.)

ARDANARI-ISWARA.

FROM AN ORIGINAL DRAWING BY CHRISHNA SWAMI, PUNDIT.

АРДАНАРИ-ИСВАРА.

С оригинального рисунка Крисны Свами, Пуноит.

ПЛАТА VII.

Это копия оригинального рисунка, сделанного ученым индуистским пандитом для В. Симпсона, эсквайра из Лондона, когда он находился в Индии, изучая ее мифологию. На рисунке изображен верховный Брахма, который в процессе творения стал двойником, то есть мужчиной и женщиной. В оригинале центральную часть фигуры занимают триада и единица, но они слишком грубо показаны, чтобы воспроизводить их здесь. Их заменяет *crux ansata*. Читатель заметит триаду и змея в мужской руке, в то время как в женской можно увидеть прорастающее семя, указывающее на родственные обязанности отца и матери. Все это стоит на лотосе, символе андрогинности. Техническое название этого воплощения - "Арддха Нарі".

ПЛАТА VIII.

PLATE VIII.

Девы, то же, что Парвати, или Бхавани. Скопирована с *Пантеона* Мавра, пластина xxx. Богиня олицетворяет женское начало во Вселенной. На ее лбу изображен один из символов четырех творцов, триады и единицы. Ее платье покрыто символическими пятнами, а одна нога, расположенная особым образом, отмечена кругом с точкой внутри. Эти два знака имеют то же значение, что и египетский глаз. Я не могу определить символическое значение предметов, которые держат в нижних руках. Моор считает, что они представляют собой свитки бумаги, но я в этом сомневаюсь. В поднятых руках находится нераскрывшийся цветок лотоса, а на другом сидит богиня.

ПЛИТА IX.

PLATE IX.

1

2

3

4

5

6

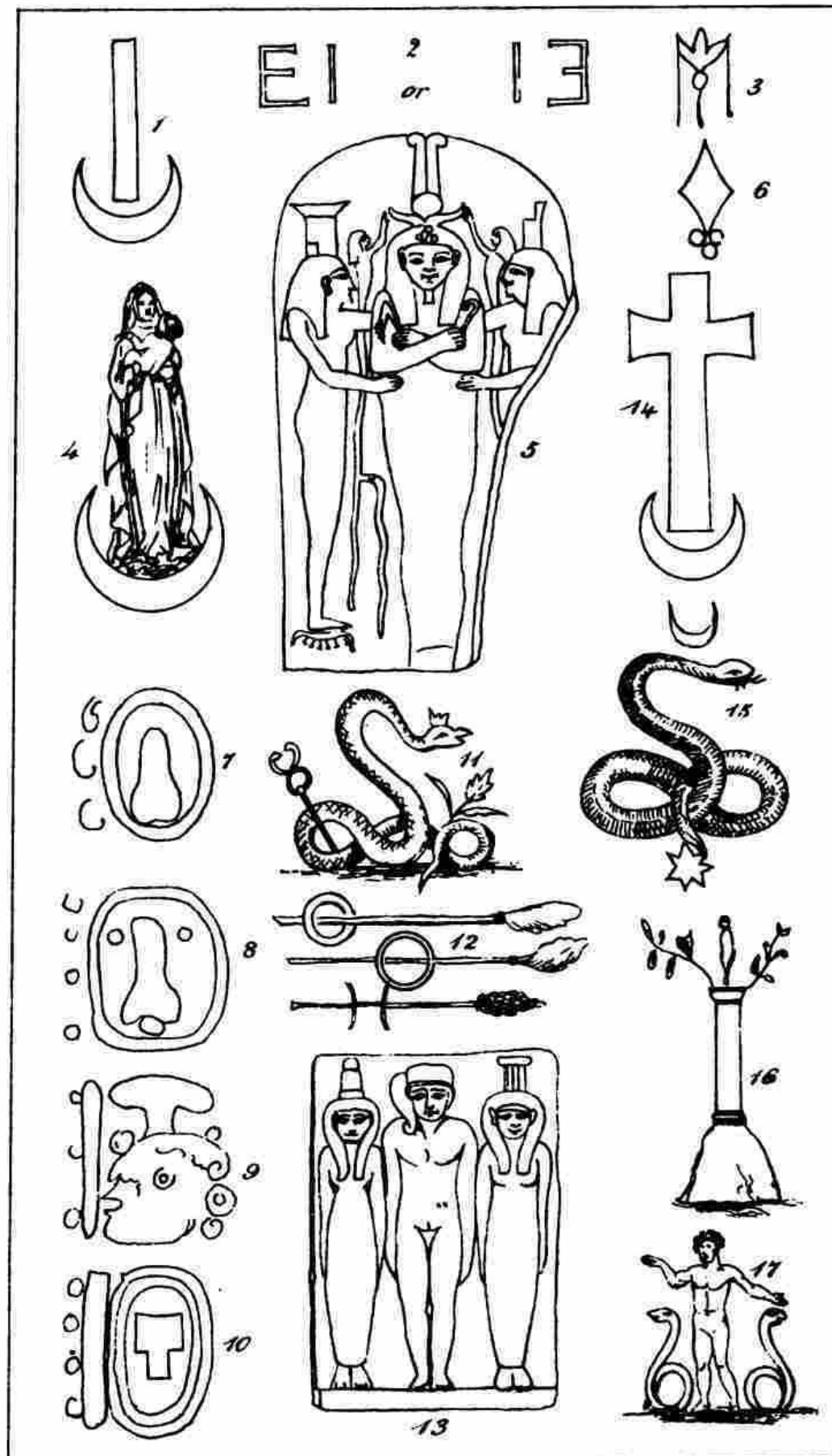
Состоит из шести фигур, скопированных из *"Индийских древностей"* Мориса, том vi., стр. 278, и двух из *"Мифологии"* Брайанта, том ii., третье издание, стр. 203 и 409. Все они символизируют идею о мужской триаде: центральная фигура, возвышающаяся над двумя другими. В одном из них алтарь и огонь мистически указывают на лингама; в другом он изображен в виде мужчины, каким всегда является Мадахева; в третьем - пень и змея, чтобы указать на ту же идею. Два придатка лингама описываются по-разному: в двух случаях как змеи, в двух других - как дерево и *конча*, а также змея и раковина. Два последних варианта, по-видимому, воплощают идею о том, что правое "яйцо" мужчины прорастает мальчиками, в то время как левое производит девочек; эта теория была распространена среди древних физиологов. Фигура дерева, окруженного змеей и поддерживаемого двумя камнями, похожими на "тольмены", очень значима. Все эти фигуры, похоже, безошибочно указывают на происхождение весьма распространенной веры в то, что мужчина-Творец триедин. В ассирийской теологии центральная фигура - Бел, Ваал или Ашер; та, что справа, - Анн, та, что слева, - Хеа. См. *"Древние верования"*, второе издание, том i., стр. 88-85. *

Есть авторы, которые рассказывают о поклонении деревьям и змеям и о его распространенности в древние времена, не имея, насколько я могу судить, никакого представления о том, что эти два предмета символизируют. Древо познания, древо жизни, змей, искушавший Еву и до сих пор искушающий человека своей хитростью, - все это множество фигур речи, которые мудрые понимают, но которые для вульгарных людей - просто деревья и змеи. На прекрасном старинном барельефе над дверью собора в Берне мы видим древнее изображение последнего суда. Ангел отделяет овец от козлов, а дьяволы влекут мужчин и женщин к гибели, прикрепляя крючки или щипцы к тем частям тела, откуда исходили их грехи. Одного толстого священника, обнаженного, как и наши воскресшие тела, жестоко тянут в ад за часть, символизируемую деревом и змеей, в то время как она, которую он обожал и тщетно пытался обесчестить, поднимается, чтобы занять свое место среди блаженных. Не только тех, кто принадлежит к полу Евы, змей склоняет к гибели.

* Для тех, кто не имеет возможности ознакомиться с упомянутой работой, я могу заметить, что ассирийское божество состояло из четырех человек, трое из которых были мужчинами, а один - женщиной. Главным богом был Ашер, праведник, аналог индуистского Махадевы, великого святого, и более современного Приапуса. Он был связан с Ану, повелителем твердых тел и нижнего мира, эквивалентного "яичку", или яйцу, расположенному с правой стороны. Хеа был повелителем вод и представлял левый "камень". Все трое составляли троицу или триаду. Женщину звали Иштар или Астарта, и она была эквивалентна женскому органу, йони или вульве - [греческому] у греков. Мужским богом в Египте был Осирис, женским - Исида, и эти имена часто используются как эвфемистические и более предпочтительные, чем названия, которые в вульгарном обиходе используются для описания мужской и женской частей.

ПЛАТА X.

PLATE X.

Содержит языческие символы троицы или лингама, с или без единства или йони.

На рис. 1 представлен символ, часто встречающийся в древней архитектуре и т. д. Он представляет собой мужской и женский элементы, столб и полумесяц.

На рис. 2 изображены мистические буквы, которые, по преданию, были помещены на портале Дельфийского оракула. Некоторые предлагают читать эти две буквы как означающие "он или она есть"; другие считают, что эти буквы символизируют триаду и единицу. Если это так, то столб - очень необычная форма для йони. Один мой изобретательный друг считает вертикальную часть "щелью", но я не могу с ним полностью согласиться, поскольку на рис. 1 столб нельзя рассматривать как отверстие.

Рис. 3 - сектантский знак индусов, скопированный с "*Индуистского пантеона*" Моора, и один из многих, указывающих на союз мужчины и женщины.

На рис. 4 изображена эмблема девы и ребенка. На нем эти двое отождествляются с полумесяцем. Необычно, что одни дизайнеры объединяют луну с солнечным символом, а другие - с девственницей. Мы считаем, что первые указывают на идеи, связанные с Ваалимом и Аштарот во множественном числе, а вторые - с Астартой или Венерой в единственном числе. Или, как мы можем выразить это иначе, замужняя и непорочная дева.

Рис. 5 скопирован из Sharpe's *Egyptian Mythology*, p. 15. На нем изображено одно из египетских триединств, и оно весьма символично, не только указывая на триаду, здесь Осирис, Исида и Нептис, но и на ее союз с женским началом. Центральный бог Осирис сам является триединым, поскольку несет рога, символизирующие богиню Атор, и перья бога Ра.

Рис. 6 - сектантский знак индусов из "*Индуистского пантеона*" Моора. Ромб указывает на йони. Этому утверждению есть доказательства не только в вавилонских геммах, скопированных Ладжардом, но и в индийских и этрусских узорах. Например, в томе v., пластина xlv., *Antiquités Etrusques, etc.*, par. F. A. David (Paris, 1785), задрапированную женщину, носящую на груди полумесяц и фресковую корону, держащую руки над средней частью тела так, что указательные и большие пальцы образуют "ромб". Триада в этой фигуре очень отчетлива, и мы можем добавить, что триединство, выраженное тремя шарами или тремя кругами, можно встретить в самые отдаленные времена и в самых отдаленных странах.

Рис. 7, 8, 9 и 10 скопированы из книги Кабреры о древнем городе, обнаруженном близ Паленке, в Гватемале, Испанская Америка (Лондон, 1822). Несмотря на то, что они имеют сексуальный дизайн, я сомневаюсь, что сходство не является случайным. После внимательного изучения табличек, приведенных Кабрерой, я склонен думать, что в сознании древнеамериканских скульпторов не было ничего от элемента линг-йони. Все мужчины тщательно задрапированы в соответствующие пояса, хотя в некоторых случаях к переднику или "падению" пояса прикреплен гротескный или другой орнамент, например, человеческая или звериная голова, цветок и т.д., напоминающий шпорран горца и гульфик средневековых рыцарей и других. Я могу, однако, упомянуть о некоторых очень примечательных скульптурах, скопированных с них; одна из них представляет собой дерево, ствол которого окружен змеей, а плод имеет форму *vesica piscis*; на другой изображен юноша, полностью лишенный одежды, кроме шапки и гетр, который стоит на коленях перед таким же деревом, которому угрожает спереди и сзади какой-то свирепый зверь. Эта фигура своеобразна, отличаясь от всех остальных тем, что имеет европейскую, а не американскую голову и лицо. Действительно, черты лица и т.д. напоминают мне покойного мистера Кобдена, а фуражка

такая, какую обычно носят яхтенные матросы. Есть и другая примечательная группа, состоящая, по-видимому, из мужчины и женщины, стоящих перед крестом, по пропорциям напоминающим обычный крест, используемый среди христиан. Все указывает на американские идеи, а орнаменты и узоры совершенно не похожи на те, что я видел в других местах. Мужчина предлагает кресту гротескную человеческую фигуру с головой, мало похожей на голову Панча, со вздернутым носом и короткой трубкой в форме фиго в рту. Тело хорошо сформировано, но руки и бедра закруглены, как "ласты" или "плавники". На вершине креста изображена птица, похожая на петуха, украшенная ожерельем. Мужчина на этой и других скульптурах безбородый, а о том, что изображены женщины, можно догадаться только по меньшему размеру некоторых фигур. Дальнейшее описание было бы нецелесообразным.

Рис. 11, 12 взяты из тома I, листов xix и xxiii замечательно интересной работы "*Исследования происхождения, характера и прогресса искусств Греции*", написанной, как утверждают, д'Харканвилем и опубликованной в Лондоне в 1785 году. На первой из них изображена змея, свернувшаяся так, чтобы символизировать мужскую триаду, и полумесяц, эмблема йони.

Рис. 12 сопровождает быка на некоторых монетах и символизирует сексуальные элементы, *le baton et l'anneau*. Они использовались, как сейчас лошадиная туфля, в качестве талисмана против невезения, злых демонов или фей.

Рис. 13, как и рис. 5, взят из "*Египетской мифологии*" Шарпа, стр. 14, и, как утверждается, представляет Исиду, Нептис и Осириса; это одна из многочисленных триад Мизраитов. Христианская троича имеет египетское происхождение и является такой же языческой доктриной, как вера в рай и ад, существование дьявола, архангелов, ангелов, духов и святых, мучеников и девственников, заступников на небесах, богов и полубогов и другие формы веры, которые уродуют большую часть современных религий.

На рисунке 14 изображен символ, часто встречающийся в греческих церквях, но, по-видимому, имеющий дохристианское происхождение*. Крест, который мы уже описывали в другом месте, является составной мужской эмблемой, в то время как полумесяц символизирует женский элемент в творении.

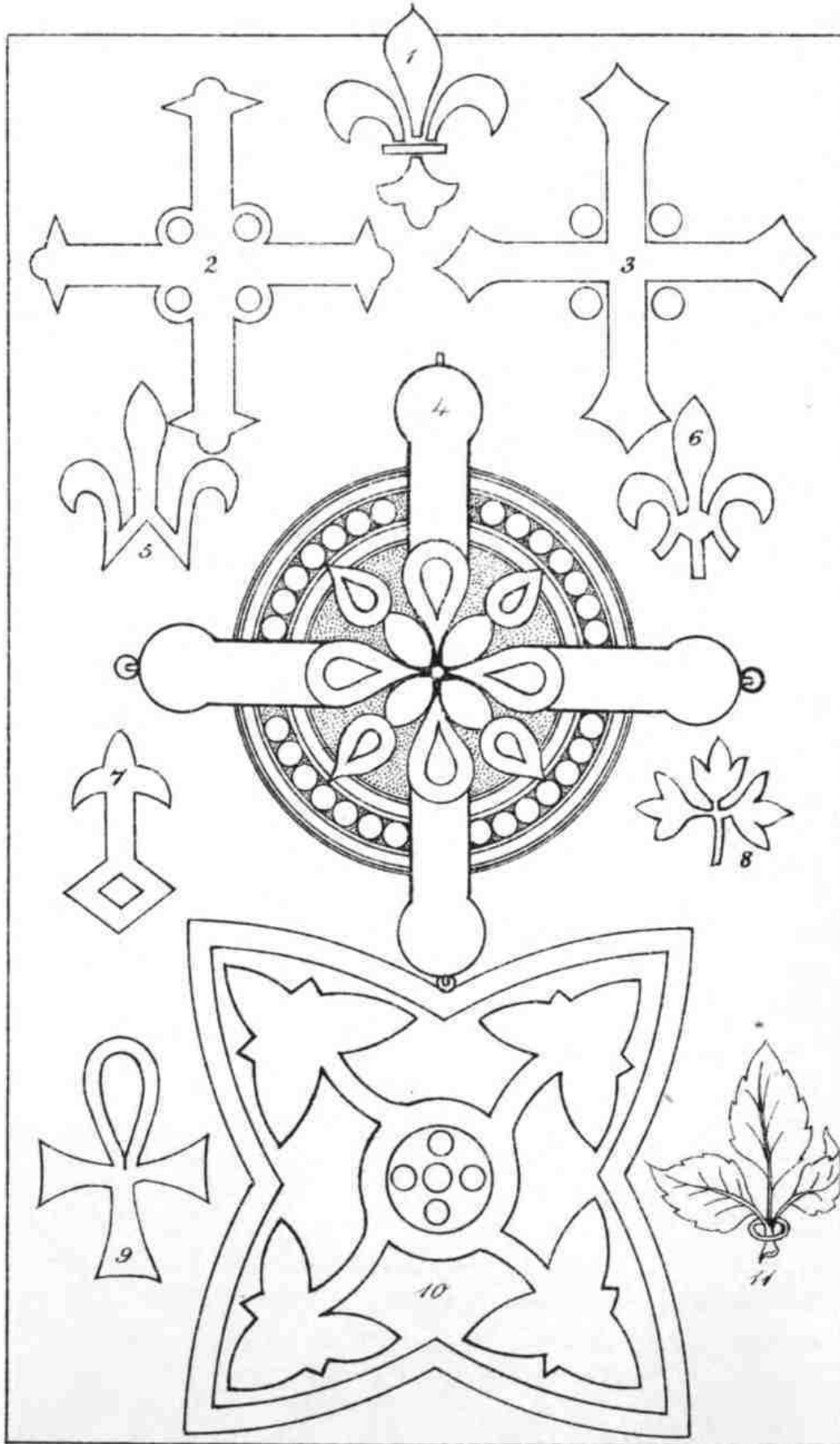
Рисунок 15 взят из книги D'Harcenville, *Op. Cit.*, vol. i., plate xxiii. Он похож на рисунок 11, выше, и позволяет нам с помощью введения солнца и луны проверить вывод, сделанный на основе расположения змеиных витков. Если бы тело змеи, вместо того чтобы быть изогнутым над хвостом, было прямым, оно бы просто указывало на линга и солнце; изгиб шеи, однако, указывает на йони и луну.

Рисунок 16 скопирован с пластины xvi., рис. 2, из "*Recueil de Pierres Antiques Gravées*", folio, J. M. Raponi (Рим, 1786). На гемме изображено жертвоприношение Приапу, на которое указывают камень, столб, фигура и ветви, приведенные на нашей пластине. Обнаженный мужчина приносит в жертву козла; задрапированная женщина держит ребенка, готового к погребению; второй мужчина, обнаженный, играет на двойной трубе, а вторая женщина, задрапированная, несет на голове сосуд, вероятно, содержащий вино для возлияния.

Рисунок 17 взят из тома i. *Récherches, etc.*, plate xxii. На этой медали триада образована человеком и двумя свернувшимися змеями на одной стороне медали, в то время как на реверсе изображено дерево, окруженное змеей, расположенное между двумя округлыми камнями, с собакой и раковиной конча внизу. См. выше, пластина ix., рис. 6.

ПЛИТА XI.

PLATE XI.

За двумя исключениями, рис. 4 и 9, представлены христианские эмблемы троицы, или лингама, и единства, или йони, по отдельности или в сочетании; все они скопированы из "Глоссария церковного орнамента" Пьюджина (Лондон, 1869).

Рис. 1 скопирован с пластины xvii Пьюджина и показывает двойной союз троицы с единством, представленным здесь в виде кольца, *Ванно*.

* В № 267 журнала "Эдинбургское обозрение" есть прекрасное эссе на эту тему, которое почти исчерпывает ее, но оно слишком длинное, чтобы цитировать его здесь.

Рис. 2, 8 взяты из Pagin, plate xiv. На рис. 2 два покрытых шара в основании каждой конечности креста чрезвычайно значительны, и если бы художник не запутал свободный конец, то самый тупой поклонник должен был бы узнать символ. Можно добавить, что в двух формах Мальтийского креста положение лингама изменено, и яйцеобразные тела с крышкой находятся на свободном конце каждой конечности, в то время как естественный конец органа остается неизменным. См. рис. 85 и 86. Эта форма креста является этрусской. Рис. 8 по сути такой же, как и предыдущий, и оба можно сравнить с рис. 4. Шары в этом кресте не закрыты, а свободный конец каждой конечности креста слегка изменен.

Рис. 4 скопирован в условной форме с пластины xxxv., рис. 4, из "Двух очерков о поклонении Приапу" (Лондон, 1865). Он описывается так (стр. 147): "Этот предмет был найден в Сант-Агати-ди-Готи, недалеко от Неаполя..... Это *crux ansata*, образованный четырьмя фаллическими частями, с кругом женских органов вокруг центра; по внешнему виду кажется, что он был предназначен для подвешивания. Поскольку этот крест из золота, он, несомненно, был сделан для какой-то знатной особы, возможно, церковной". Мы видим здесь очень отчетливо дизайн тел в форме яйца и систрума. Когда у нас перед глазами такой безошибочный бисексуальный крест, невозможно игнорировать значение рис. 2 и 8, а также рис. 4 и 7 на пластине xii.

Фигуры 5, 6 взяты из Пьюджина, пластины xiv. и xv., и представляют троицу с единством, триединого бога и Деву, объединенных в одно целое.

Рис. 7 представляет собой центральный ромб и одну конечность креста, изображенного на пластине xiv Пьюджина. В данном случае мальтийский крест объединен с символом Девы, являясь по сути тем же самым, что и рис. 9, далее. Это модифицированная форма *crux ansata*.

Рис. 8 представляет собой сложную троицу, являющуюся завершением каждой конечности орнаментального креста. Пьюджин, пластина xv.

Рис. 9 - известный египетский символ, который носили в руке почти все божества. Это крест, одна конечность которого символизирует женское начало в творении. Техническое название, которое он носит, - *crux ansata*, или "крест с ручкой". Ссылка на рис. 4 подтверждает заложенную в нем идею.

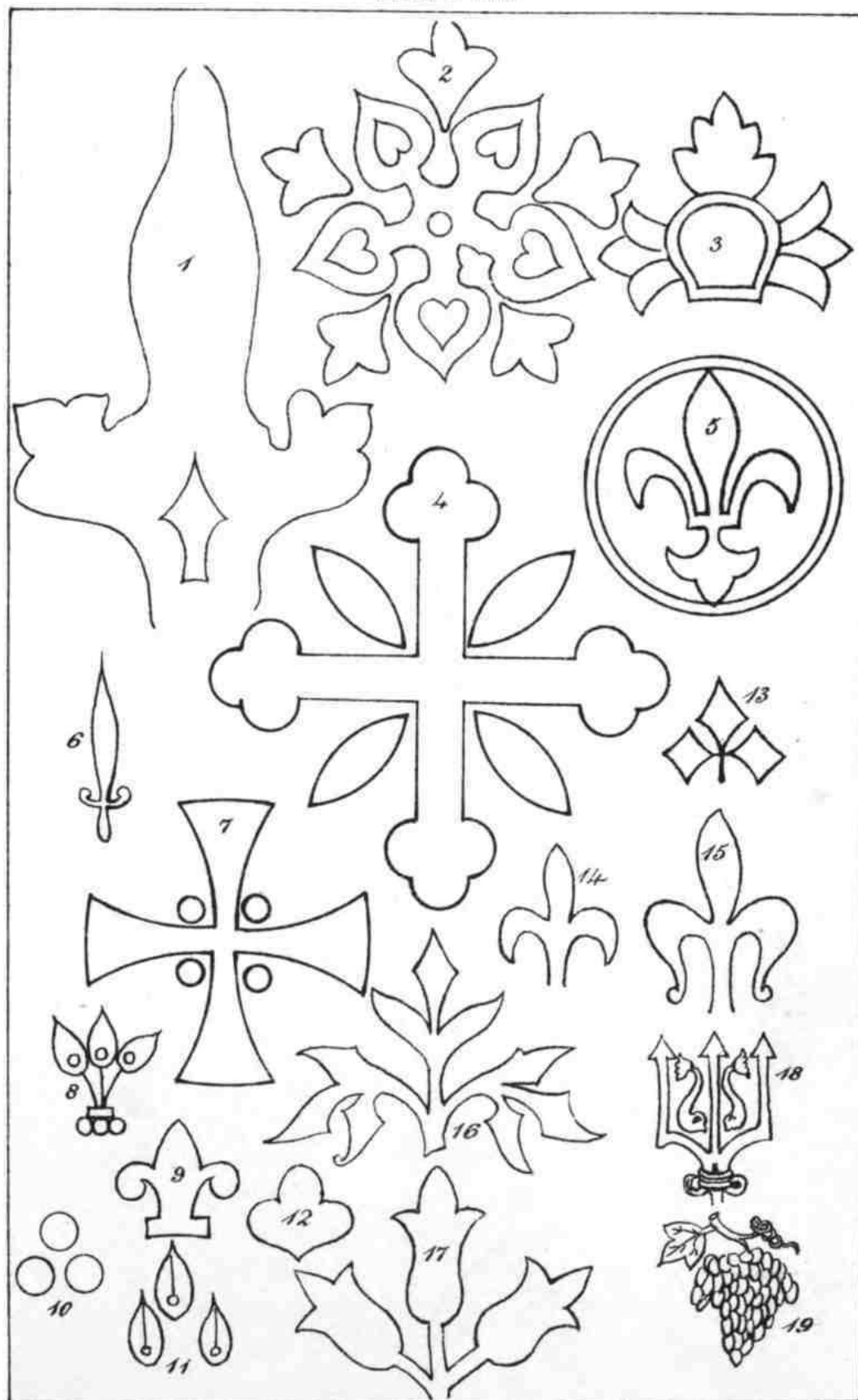
Рис. 10 взят с картины Пьюджина, пластина xxxv. На этой фигуре крест образован пересечением двух овалов, каждый из которых представляет собой *vesica piscis*, эмблему йони. Внутри каждого овала изображен символ троицы, каждый из которых связан с центральным кольцом.

Рис. 11 взят у Пьюджина, пластина xix, и представляет собой *arbor vitæ*, *ветвь*, или дерево жизни, в виде триады, с которой соединено кольцо.

Некоторые критики утверждают, что вышеупомянутые фигуры - всего лишь архитектурные причуды, которые никогда не претендовали на воплощение тайны; и что любой дизайнер решился бы на подобный стиль орнамента, даже будучи глубоко невежественным в отношении доктрины триединства и единства. Но это предположение не подтверждается фактами; орнаменты на буддийских вершинах не имеют ничего общего с орнаментами христианских церквей; в то время как в разрушенном храме Солнца в Марттане (Индия) часто встречается эмблема трилистника. Греческие храмы были обильно украшены ими, как и бесчисленные этрусские скульптуры, но они не изображают триединство и единство. Христианскому искусству было поручено заполнить наши церкви эмблемами Бэла и Астарты, Баалима и Ашторет, лингама и йони, возвысить фаллос до положения верховного божества и назначить ему в спутницы девственницу, которая может соблазнить его своими уговорами, утомить стенаниями или склонить к изменению своего решения своими заступничествами. Христианство, безусловно, нуждается в очищении от язычества.

ПЛАТА XII.

PLATE XII.

Содержит как языческие, так и христианские эмблемы.

Рис. 1 взят у Пьюджина, пластина хviii, и представляет собой очень распространенный финифть, изображающую Троицу. Ее форма слишком значительна, чтобы требовать объяснений; тем не менее, такими эмблемами изобилуют наши христианские церкви, чтобы Троица никогда не исчезала из сознания мужчины или женщины!

Рис. 2 взят с картины Пьюджина, пластина хxi. Это комбинация идей, скрывающая союз, изображенный на рис. 4, пластина хi., *выше*.

Рис. 3 взят из "*Индуистского пантеона*" Моора. Это украшение, которое носит Деви, и символизирует союз триады с единицей.

Рис. 4 взят из Пьюджина, пластина ххxi. Это двойной крест, состоящий из мужской и женской эмблем. Это условная форма рис. 4, пластина хi, *выше*. Такие восьмилучевые фигуры, похожие на звезды, по-видимому, были очень древними и предназначались для обозначения соединения мужского и женского начал.

Рис. 5 взят у Пьюджина, пластина хvii., и представляет собой триединство и единство.

Рис. 6 - буддийская эмблема из Бирмы, *Journal of Royal Asiatic Society*, vol. xviii., p. 392, plate i., fig. 62. На ней изображен короткий меч, *le bracquemard*, мужской символ.

Рис. 7. взят из Pagin, plate xvii. См. табличку хi., рис. 3, *выше*.

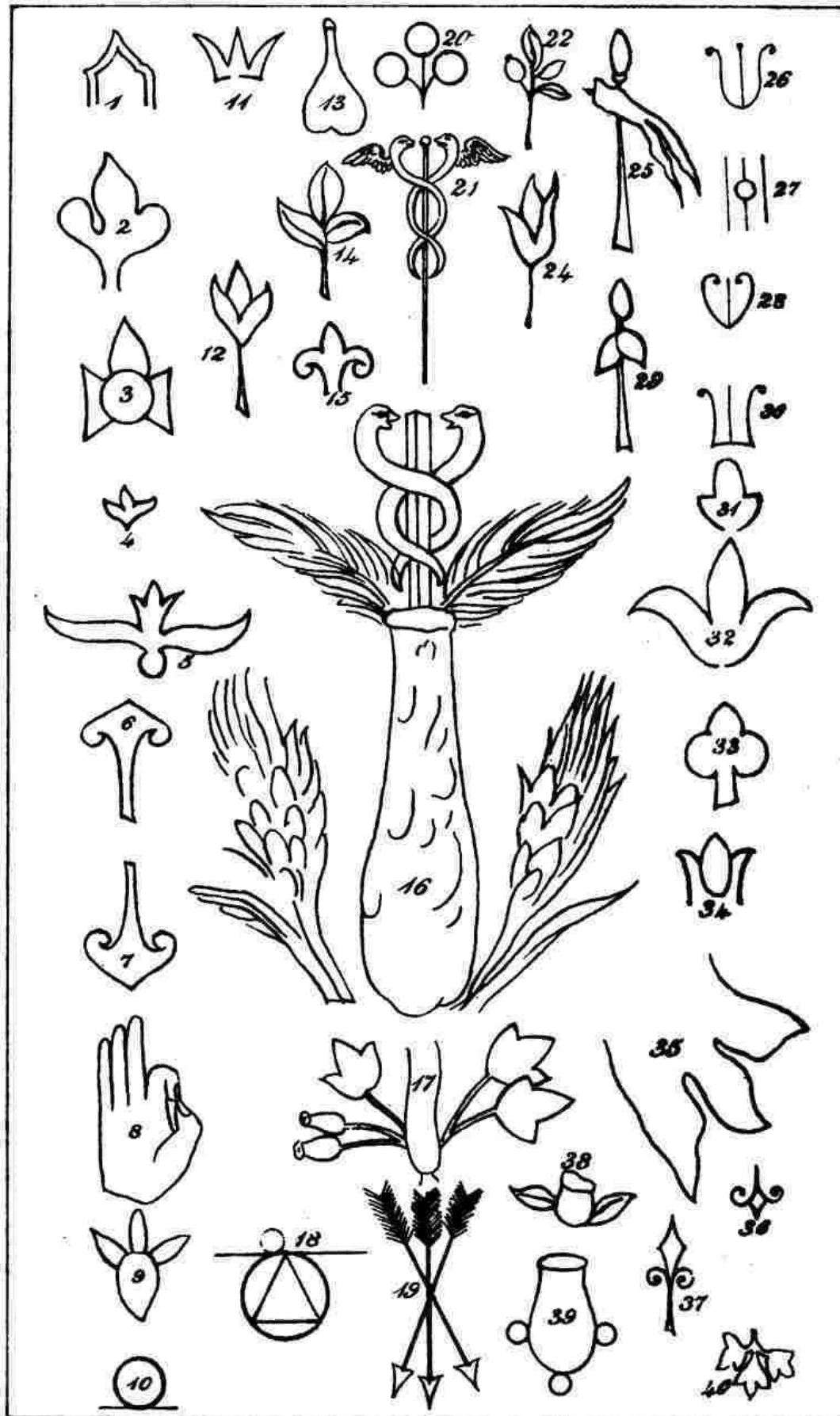
Рис. 8, 9, 10, 11, 12 - буддийские (см. рис. 6, *выше*), символизируют триаду.

Рисунки 13, 14, 15, 16, 17 принадлежат Пьюджину и просто представляют троицу.

Рис. 18 и 19 - обычные греческие эмблемы. Первая ассоциируется с Нептуном и водой, вторая - с Вакхом. С первым мы видим дельфинов, эмблемы чрева, названия которых в греческом языке созвучны; с другим следует соединить изречение: *sine Baccho et Cerere friget Venus*.

ПЛАТА XIII.

PLATE XIII.

Состоит из различных эмблем триады и единицы, взятых почти исключительно из греческих, этрусских, римских и индийских драгоценных камней, фигурок, монет или скульптур; главные авторитеты - *"Gemme Antiche Figurate"* Маффея, *"Recueil"* Рапони и *"Индусский пантеон"* Мавра.

ПЛАТА XIV.

PLATE XIV.

Копия небольшой статуэтки индусов из коллекции Майера в Свободном музее Ливерпуля. Вероятно, она изображает Парвати, индусскую девственницу, и ее ребенка. Правая рука фигурки указательным и большим пальцами изображает символ йони, остальные пальцы обозначают триаду. На ладони и на пупке изображен ромб, символизирующий женщину. Ребенок, возможно Кришна, эквивалент египетского Гора и христианского Иисуса, держит в руке одну из многочисленных эмблем лингама и стоит на лотосе. Введенная в группу обезьяна играет ту же роль, что и кошка, корова, львица и обезьяна в египетской мифологии, являясь эмблемой желаяния, которое приводит к появлению потомства.

Рис. 1 - купол - хорошо известен в современной Европе; не менее известен он и в Индостане, где его иногда сопровождают столбы своеобразной формы. В одном из таких комплексов конструкция представляет собой купол, поддерживаемый близко расположенными столбами, каждый из которых имеет "столицу", напоминающую "гланд" физиологов; в центре находится дверь, где стоит обнаженная женщина, напоминающая во всех отношениях рис. 61, за исключением одежды и наличия ребенка. Этот рисунок был скопирован покойным мистером Селлоном с буддийской дагопы в пещере Джумнар, Бомбейское президентство; копия его эскиза была передана мне Уильямом Симпсоном, эскавайром, Лондон.

Такую же эмблему можно найти у древних итальянцев. Когда я гостил на Мальте во время карнавала в 1872 году, я видел во всех направлениях мужчин и женщин, продающих пирожные в форме йони, изображенной на рис. 1. У этих сладостей не было специального названия, но они появлялись и исчезали вместе с карнавалом.

На рис. 2 изображена Венера, сидящая на черепахе, символический смысл которой можно понять, обратившись к рис. 74, далее. Она скопирована с рисунка Лажарда, *Sur le Culte de Venus*, plate iii., fig. 5, и, как он утверждает, является рисунком этрусского канделябра, хранящегося в Королевском музее в Берлине. В своем рассказе о Греции Павсаний упоминает, что видел одну фигуру Венеры, стоящую на черепахе, а другую - на баране, но отказывается назвать причину такого сочетания.

Это изображение Сивы, взятое из "*Индуистского пантеона*" Моора, табличка xiii. Предполагается, что Сива - древнейшее из индийских божеств, которому поклонялись аборигены Хиндостана еще до вторжения ариев в эту страну. Считается, что ведическая религия сначала противостояла этому унизительному представлению, но была бессильна искоренить его. Несмотря на то, что Сива является самым популярным из всех богов, его почитают, как я понимаю, в основном вульгарные люди. Хотя он олицетворяет мужской принцип, в его живописных изображениях нет ничего непристойного. В одной из его рук - трезубец, одна из эмблем мужской триады, в другой - овальная петля в форме систрама, символ женского начала. На лбу у него изображен глаз, символизирующий Всезнающего, солнце и союз полов.

Поскольку у некоторых читателей возникли сомнения, обоснованно ли я считаю систрум женской эмблемой, я привожу здесь цитату из "*Экклезиастической истории*" Сократа, перевод Бона, стр. 281, и далее. В Риме во времена Феодосия, "когда женщина была уличена в прелюбодеянии, ее запирали в тесном борделе и заставляли заниматься проституцией самым отвратительным образом, заставляя в это время звонить в маленькие колокольчики..... Как только императору стало известно об этом непристойном обычае, он ни в коем случае не стал его терпеть; но, приказав снести *систры* (так назывались эти места уголовной проституции)" и т. д. Можно легко понять, почему женская эмблема должна обозначать бордель в Риме, так же как и мужская - в Помпеях.

ПЛАТА XVI.

PLATE XVI.

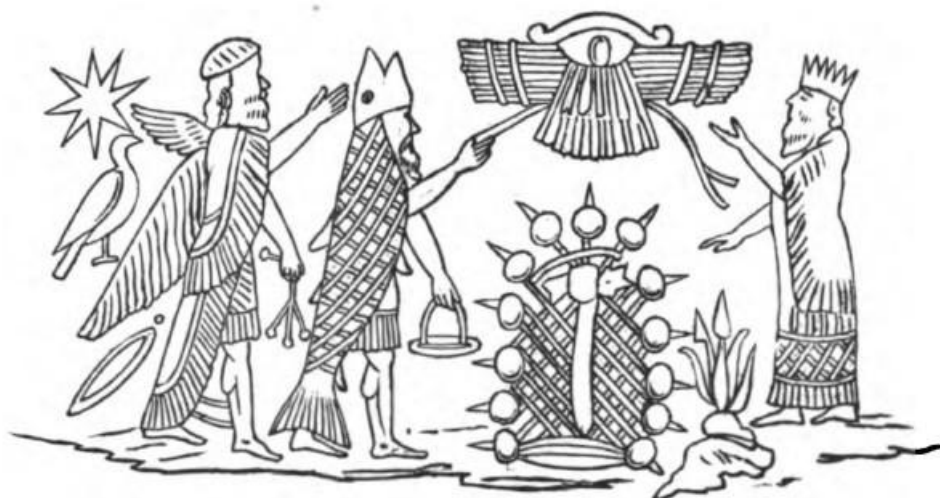

Figure 1.

На этом рисунке изображены ассирийские жрецы, совершающие жертвоприношения в присутствии того, кто, как предполагается, является Ваалом - представителем бога солнца и рощи. Первого олицетворяет глаз с крыльями и хвостом, что делает его символом мужской триады и женской единицы. Глаз с центральным зрачком сам по себе символизирует то же самое. Роща мистически представляет собой *вершину Киприды*. Справа стоит царь, слева - два жреца, главный из которых одет в рыбу кожу, на голове - митра, что указывает на происхождение своеобразного головного убора современных христианских епископов. Вокруг фигур расположены: солнце; птица, возможно, священный голубь, чья нота, *soa* или *soo*, в шемитском языке имеет некоторое сходство с приглашением к любовным утехам; в латинском *soi*, *coïte*; овал, символ йони; корзина, или мешок, символизирующий мошонку, и, очевидно, лотос. Троицу и единство несет второй жрец.

Рисунок 2 скопирован с древней медной вазы, покрытой египетскими иероглифами, найденной в Каире и изображенной в книге под названием *Explication des divers monument singuliers, qui ont rapport à la religion des plus anciens peuples*, par le R. P. Dom.....á Paris, 1739.

Figure 2.

Группа фигур представляет Исиду и Гора в необычной позе. Они заключены в рамку из цветов египетского боба или лотоса. Этот каркас можно сравнить с ассирийской "рощей" и другой, в которой стоит Дева Мария. Колокольчик издревле был символом девственности, так как восточные девы носили его до замужества (см. Ис. iii. 16). Источником этого обычая было желание, чтобы каждая дева имела при браке или продаже то, о чем в Пятикнижии говорится как о "знаке девственности". Предполагалось, что эта мембрана, технически называемая "девственной плевой", может быть нарушена слишком длинным шагом при ходьбе или беге, а также при перелезании через ступеньки или стену. Чтобы предотвратить такую катастрофу, под или поверх платья, на уровне коленей или чуть выше, надевали легкую цепочку или шнур. Ее длина позволяла делать лишь короткий шаг и неторопливую походку. В качестве украшения использовались небольшие колокольчики, звон которых при ходьбе возвещал о том, что носящая их дама находится на рынке в качестве девственницы. После того как "цветок" был сорван, колокольчики больше не использовались. Они были аналогом девственного снуда, который носили на голове шотландские девы. Исида носит рога коровы, потому что это животное в равной степени отличается склонностью к поиску самца и заботой о сохранении потомства. Как бык с человеческой головой, так и человек с коровьими рогами был создан для изображения божества. Солнечный шар между рогами и змея вокруг тела указывают на союз с мужчиной; несочетаемое сочетание с эмблемой священной Девы, тем не менее, очень распространенное. На некоторых монетах, изображенных Э. П. Найтом в книге *"Поклонение Приапу и т. д."*, корова, ласкающая своего теленка, заменяет Исиду и Гора, так же как бык на других монетах заменяет Диониса. Полностью эта группа описана в *"Древних верованиях"*, второе издание, том i., стр. 53, 54.

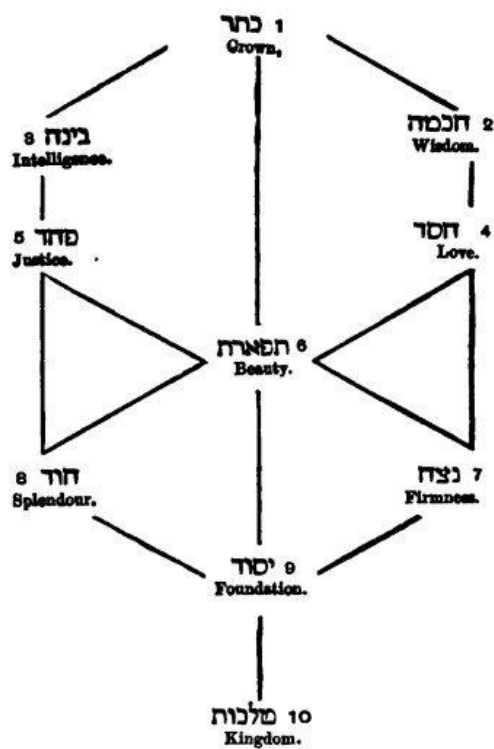

Figure 3.

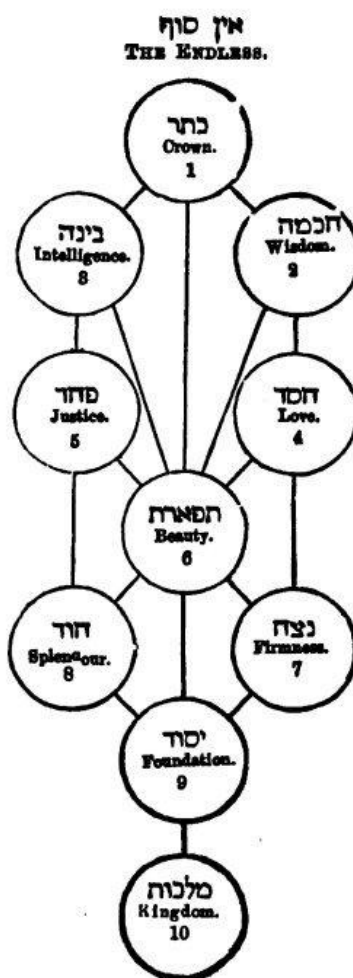

Figure 4

Рисунки 3, 4 взяты из книги Гинзбурга "Каббала" и иллюстрируют, что при расположении "потенций" две объединяются, подобно родителям, для образования третьей. Иногда мы также видим, как три таких мужских атрибута, как великолепие, твердость и прочность, соединяются с красотой, образуя мистическую *арбу*, троицу и единство.

Figure 5.

Figure 6.

Рисунки 5, 6 - копии с фигур, найденных в Карфагене и в Шотландии, из книги Форбса Лесли "*Ранние расы Шотландии*", том i., табличка vi., р. 46 (Лондон, 1866). Эта книга - одна из тех, на которые следует обратить внимание читателя. Объем ценной информации, которую она содержит, очень велик, и она классифицирована в философской и, можно сказать, привлекательной манере. На рисунках представлены *arbor vitæ*.

Рисунок 7 взят из книги Бономи "*Ниневия и ее дворцы*" (Лондон, 1865), стр. 292. На нем, очевидно, изображена мистическая йони, дверь или дельта; его можно рассматривать как более раннюю форму каркаса, изображенного на пластине iv. Люди, сведущие в символике, заметят, что очертания рук жрецов, стоящих ближе всего к фигуре, наводят на размышления, являясь аналогом ключа и его хвостовика, в то время как те, кто стоит позади этих служителей, представляют сосновую шишку и мешок, символизирующие Анну, Хеа и их резиденцию.

Figure 7.

Следует заметить, и мы раз и навсегда утвердимся в этом мнении, что каждая деталь в скульптуре, относящейся к религии, имеет свое значение; что первая фигура правой руки несет посох особой формы; что крылатый символ над йони состоит из мужчины-лучника в крылатом круге, аналогичном символическим луку, стреле и мишени. Лук был эмблемой у римлян, а *arcum tendere* было эквивалентно *arrigere*. В "Золотом осле" Апулея мы находим метафору, используемую в рассказе о его отношениях с резвящимся Фотисом: "*Ubi primam sagittam saevi cupidinis in ima procordia mea delapsam excepi, arcum, meum et ipse vigore tetendi.*"

Опять же, мы находим у Петрония

*Astra igitur mea mens arcum dum tendit in ilia.
Ex imo ad summum viva sagitta volat.*

На рисунках 8-14 изображены богини-матери, дева и ребенок, Иштар или Астарта, Милитта, Церера, Рея, Венера, Сакти, Мария, Йони, Юнона, Мама Оцелло.

Рис. 8 - копия обожествленной женщины или небесной матери из Идалиума на Кипре. Рис. 9 происходит из Египта и примечателен коровьими рогами (о значении которых см. т. I, с. 54, Древние верования, второе издание), которые здесь заменяют лунный полумесяц в сочетании с солнцем, символизируя гермафродитизм, а вверху находится сиденье или трон, символизирующий царскую власть.

Figure 8.

Figure 9.

Эти две фигуры скопированы из книги Роулинсона *"Геродот"*, т. ii, с. 447, в эссе сэра Гардинера Уилкинсона, где приведены и другие иллюстрации небесной девы. Рис. 10 - копия с листа 59 *"Индуистского пантеона"* Моора, где он озаглавлен *"Кришна, которого кормит Деваки, с очень законченной картины"*. В рассказе о рождении и ранней истории Кришны, приведенном Моором (Op. Cit., pp. 197, et seq.), есть такое же сильное сходство с историей Христа, как и в описанной здесь картине с папскими изображениями Марии и Иисуса. Рис. 11 - увеличенное изображение Деваки. Рис. 12 скопирован из Rawlinson's *Ancient Monarchies*, vol. iii., p. 899. Рис. 13 - фигура матери и ребенка, найденная в древней Этрурии в Волатерре; она изображена в *"Итальянском глоссарии"* Фабретти, табличка xxvi., рис. 349.

Figure 10.

По описанию, это мраморная статуя, которая сейчас находится в музее Гуарначчи. Этрусские буквы, которые читаются справа налево, могут быть переведены в обычные латинские символы слева направо: MI: GANA: LARTHIAS ZANL: VELKINEI: ME - SE.; перевод я принимаю как "вотивное приношение Лартии (женщины) из Занала (= Занкла = Мессаны в Сицилии), (жены) Вельцинция, в шестой месяц". Неясно, считать ли эту статую чучелом небесной матери и ребенка или изображением благочестивой женщины, которая была спасена во время беременности, родов или от какой-то болезни, поразившей ее и ребенка. Аналогия заставляет нас предположить, что имеется в виду Царица Небесная. Рисунок 14 скопирован из книги Хислопа *"Два Вавилона"*; на нем изображена Индрани, жена Индры или Индура, и находится в Индур Субба, на южном фасаде пещер Эллары, Asiatic Researches, vol. vi., p. 893.

Figure 11.

Figure 12.

Индра эквивалентен Юпитеру Тонансу и изображается сидящим на слоне; "водяной струя - это хобот этого слона, а радужная оболочка - его лук, на который нежелательно указывать", Moor's *Pantheon*, p. 260. Он изображен очень похожим на сатира, Moor's *Pantheon*, p. 264; но о его жене всегда говорят как о воплощении целомудрия и благопристойности. Индрань восседает на львице, которая заменяет корову Исиды; первая похожа на вторую в своих женских и материнских инстинктах.

Фигуры 15, 16 - копии Дианы Эфесской; первая - из Хислопа, который цитирует "Иллюстрированный комментарий Китто", т. V, стр. 250; вторая - из "Анакалипсиса" Хиггинса, который цитирует Монфосона, пластина 47. Я помню, что видел фигуру, подобную этой, в Королевском музее в Неаполе.

Figure 13.

Figure 14.

Башня на голове представляет девственность (см. "Древние верования", второе издание, том I, стр. 144); положение руки образует крест с телом: многочисленные груди указывают на изобилие; черный цвет на рис. 16 указывает на обычный оттенок женского *лануго*, почти универсальный цвет волос у восточных народов - черный в области йони, а также на голове; или, как полагают некоторые мифологи, "Ночь", которая, как говорят, является одной из матерей творения. (См. "Древние верования", второе издание, том II, стр. 882.) Эмблемы на теле указывают на атрибуты или символы мужского и женского творцов.

Figure 15.

Figure 16.

Рисунок 17 - сложный знак йони, дельты, или двери жизни. Он скопирован из книги Бономи *"Дворцы Ниневии"*, стр. 809.

Рисунок 18 означает то же самое; жрецы, поклоняющиеся ему, преподносят сосновую шишку и корзину, символизирующие Анну, Хеа и их резиденцию. Сравните объект поклонения ассирийского жреца с объектом поклонения христианского божества на следующем рисунке. (См. *"Древние верования"*, второе издание, том I, стр. 88 и далее, и том II, стр. 648).

Figure 17.

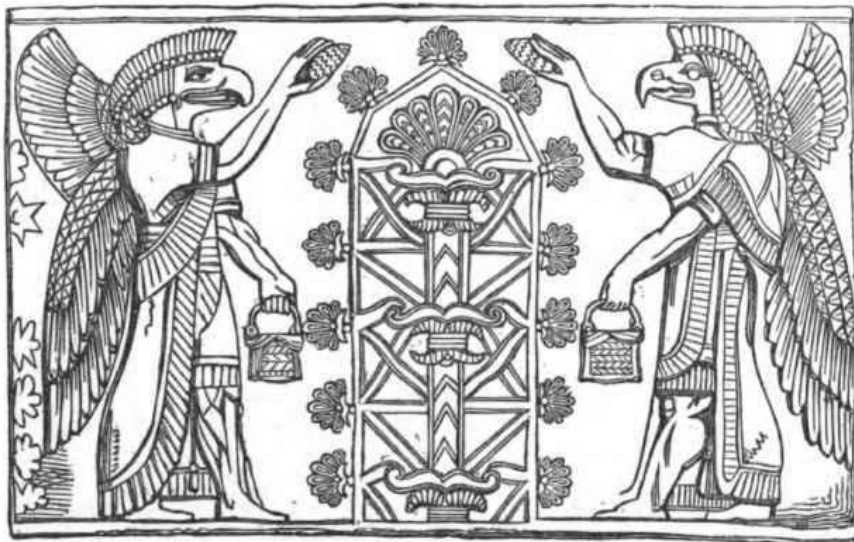

Figure 18.

Рисунок 19 скопирован с Lajard (Op. Cit.), plate xxii., fig. 5. Это оттиск древнего драгоценного камня, и на нем изображен человек, одетый в рыбу, голова - митра; жрецы в таких одеждах, часто несущие в руке мистический мешок, часто встречаются в месопотамских скульптурах; два таких изображения представлены на рис. 63, 64, ниже. Почти в каждом случае можно заметить, что голова рыбы изображена той же формы, что и современная епископская митра.

Figure 19.

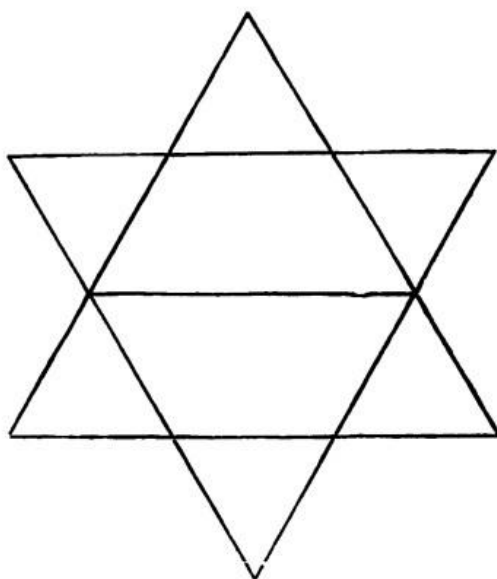

Figure 20.

На рис. 20 изображены два равносторонних треугольника, сложенные таким образом, чтобы получилась шестилучевая звезда. Идея, воплощенная в ней, заключается в андрогинной природе божества: пирамида вершиной вверх означает мужское начало, а вершиной вниз - женское. Линия на центральном перекрестке видна не всегда, но форма трех параллельных полос вновь появляется в знаках фронта индусов в сочетании с дельтой или дверью, имеющей форму "рощи" на рис. 17; таким образом показывается, что линии служат также для обозначения мужской триады. Два треугольника также представляют собой огонь, который поднимается вверх, и воду, которая течет вниз. Огонь снова является эмблемой солнца, а вода - пассивного или уступчивого элемента в природе. Огонь также олицетворяет

Эроса или Купидона. Гименей всегда изображают с факелом. Он также символизирует любовь; например, Саути пишет.

"Но любовь неразрушима,
Ее святое пламя вечно горит;
From heaven it came,
To heaven returneth."

И снова Скотт пишет.

"Это не жаркий огонь фантазии.
Whose wishes, soon as granted, fly" и т. д.

Рисунки 21, 22 - другие указания на ту же фундаментальную идею. На первом изображен Небо, Нахби, или пуп, характеризующийся кольцом с центральным курганом.

Figure 21.

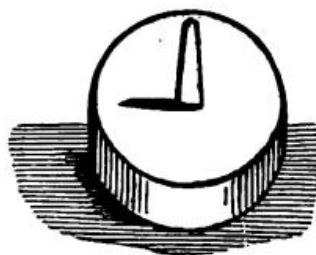

Figure 22.

Второй представляет собой круглый и вертикальный камень, столь распространенный в восточных деревнях. Эти два камня обозначают мужское и женское начало; один знакомый медик, живущий в Индии, рассказал мне, что видел, как женщины поднимались на нижний камень и благоговейно садились на вертикальный, предварительно поправив свое платье, чтобы оно не мешало их идеальному контакту с миниатюрным обелиском. Во время этого сидения на устах поклоняющихся мелькала короткая молитва, но вскоре все заканчивалось.

Говоря об этом, следует обратить внимание на то, что как одушевленные, так и неорганические представители Творца использовались женщинами с той же самой определенной целью. Доминирующая идея заключается в том, что контакт с эмблемой, мирским представителем божества, сам по себе дает благословение. Подобно тому, как многие индуистки ищут благословения, помещая свою йони на освященную лингаму, так и некоторые из них считают общение с некоторыми первосвященниками секты махараджи воплощениями Вишну и платят за привилегию быть супругами бога. В Египте, где козел был священным животным, были некоторые религиозные женщины, которые искали удачи, соединяясь с ним. Мы слышали о британских профессорах религии, которые пытались убедить своих кающихся достичь чистоты с помощью того, что другие называли бы осквернением и позором. А "шнур святого Франциска" заменяет камень "линга". Иногда с этим "шнуром" ассоциируется жезл; и те, кто читал о суде над отцом Жераром, совратившим госпожу Кадьер под видом святого, знают, что христианство не всегда идет рука об руку с благопристойностью.

С обычаем индусов можно сравнить то, что сделал Либер на могиле Просумна (*Arnobius adverma Gentes*, перевод Брайса и Кэмпбелла, T. and T. Clark, Edinburgh, pp. 252, 258), что слишком грубо, чтобы описывать это здесь; а что касается святости камня, верх которого был помазан маслом, см. первое предложение параграфа 89, там же, стр. 81. Вся книга заслуживает внимания.

Цифры 28, 24 - это диски, круги, ореолы и колеса, изображающие солнце. Иногда эмблема этого светила ассоциируется с лучами, как на пластине iii., рис. 8, и на другом рисунке в другом месте. Иногда, как в некоторых древних храмах Египта, обнаруженных в 1854 году, солнечные лучи представлены линиями, заканчивающимися руками. Иногда в одной или нескольких из них находятся предметы, как будто это подарки, присланные богом; среди прочих предметов заметно выделяется *crux ansata*. На замечательной пластине в *Transactions of the Royal Society of Literature* (вторая серия, vol. i., p. 140) солнце отождествляется со змеей; его лучи заканчиваются руками, некоторые держат крест или *tau*, и перед ним поклоняется царица. Она предлагает то, что кажется зажженной табачной трубкой, чаша которой имеет ту же форму, что и чаши, обычно используемые в Турции; из нее поднимается волнистая пирамида пламени. Позади нее две рабыни поднимают систрум, а перед ней, между ней и ее мужем, стоят два алтаря, на которых лежат круглые лепешки и одна эмблема в форме полумесяца.

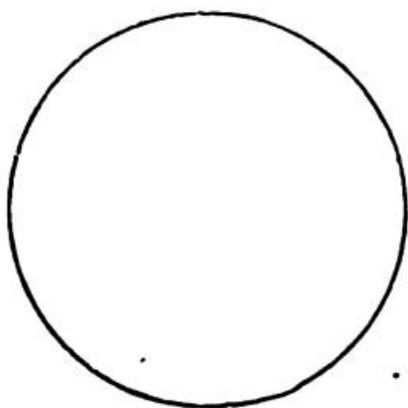

Figure 23.

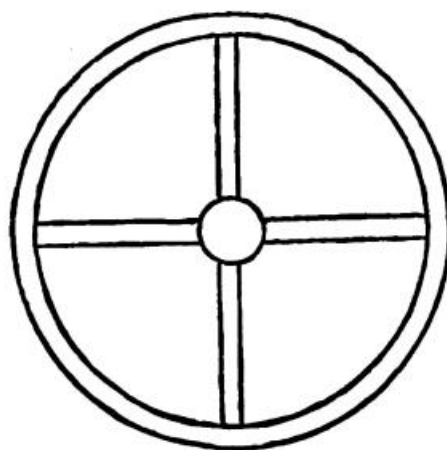

Figure 24.

Ореол использовался в древние времена вавилонскими художниками или скульпторами, когда они хотели представить существо, внешне похожее на человека, в качестве бога. Тот же план был принят современниками, которые варьировали этот символ, представляя его то в виде золотого диска, то в виде земной сферы, то в виде лучистой сферы. Писатель, описывая бога в образе человека, может сказать, что нарисованный им объект - божественный; но художник слишком высокого мнения о своем искусстве, чтобы приписать к любому из своих рисунков: "эта женщина - богиня" или "это существо - бог"; Поэтому он добавляет ореол вокруг головы своего объекта и таким образом превращает самого обычного мужчину, женщину или ребенка в божество, достойное почитания; современные художники таким образом доказывают, что они гораздо искуснее в изображении Всевышнего, чем плотники и ювелиры времен Исайи (xl. 18, 19, xli. 6, 7, xliv. 9-19), которые не использовали подобных приспособлений.

На рис. 24 представлено еще одно изображение солнечного диска, на котором он отмечен крестом. Вероятно, это произошло от того, что колесо колесницы имело четыре спицы, а солнце уподоблялось вознице. Солнечные колесницы упоминаются во 2 Царств ххiii. 11 как идолопоклоннические эмблемы. Колесо символизировало их. Идентифицировать эту эмблему с солнцем очень легко, так как она неоднократно встречалась в месопотамских геммах в сочетании с луной. На очень примечательном из них, изображенном в книге Роулинсона *"Древние монархии"*, том ii, стр. 249, крест выполнен виде пяти кругов. Примечательно, что на многих папских картинах облатка и чаша изображены именно как солнце и луна в соединении. См. *"Архитектурный глоссарий"* Пьюджина, табличка iv., рис. 5.

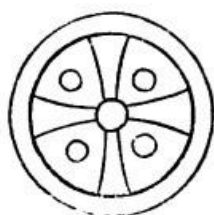

Figure 25.

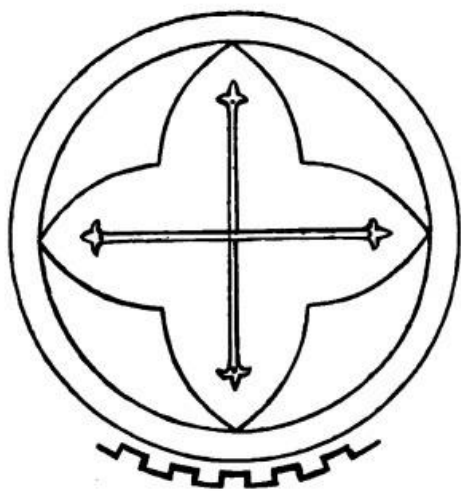

Figure 26.

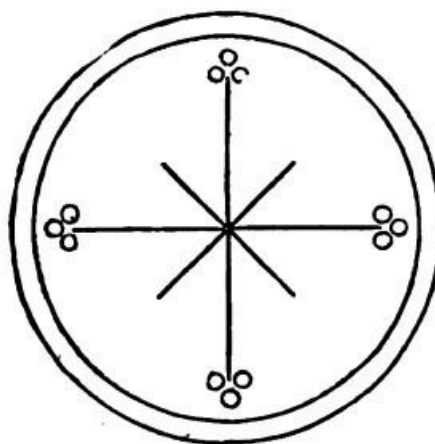

Figure 27.

Рисунки 25, 26, 27 - это просто разновидности солнечного колеса, призванные представить идею солнца и луны, мистической триады и единицы, "арбы", или четверки. На рисунке 26 представлен настенный орнамент, символизирующий женскую девственность. Пояснения к рисунку 27 см. на рис. 85, 86.

Рисунок 28 скопирован с Lajard, Op. Cit., plate xiv. F. Этот автор утверждает, что он взял его с рисунка египетской стелы, сделанного М. Э. Приссом (*Monum. Egypt.*, plate xxxvii.), и что оригинал находится в Британском музее. Несовершенная копия есть в *"Геродоте"* Роулинсона, т. ii.

Figure 28.

Оригинал слишком бестактен, чтобы представить его полностью. Исида, центральная фигура, полностью обнажена, за исключением головного убора, украшений на шее и груди. В одной руке она держит две лопатки кукурузы, а в другой - три цветка лотоса, два из которых имеют форму яйца, а центральный полностью раскрыт; с ними, которые, очевидно, символизируют мистическую триаду, связан круг, символизирующий йони, что указывает на четырехкратного творца. Исида стоит на львице; с одной стороны от нее стоит одетая мужская фигура, держащая в одной руке *crux ansata*, а в другой - вертикальное копье. На противоположной стороне - мужская фигура, полностью обнаженная, как и богиня, за исключением головного убора и воротника, концы которого расположены так, что образуют крест. Его рука указывает на жгут; позади него скрытая ссылка на триаду, в то время как впереди Осирис выражает нескрываемое почтение Исиде. Головной убор богини представляет собой модифицированную форму перевернутого полумесяца. Он не является исключительно египетским, так как был найден в сочетании с другими эмблемами на ассирийском обелиске фаллической формы.

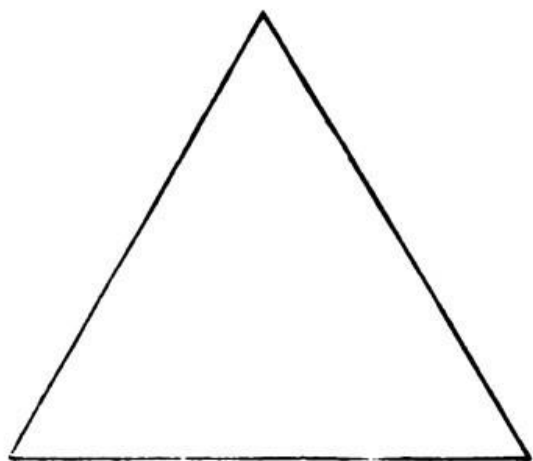

Figure 29.

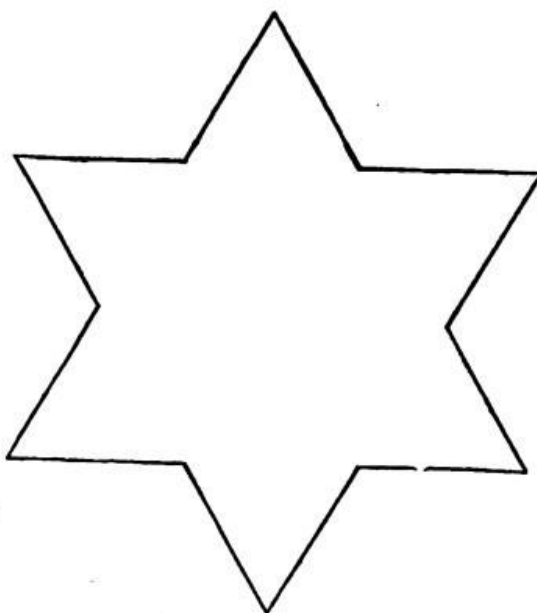

Figure 30.

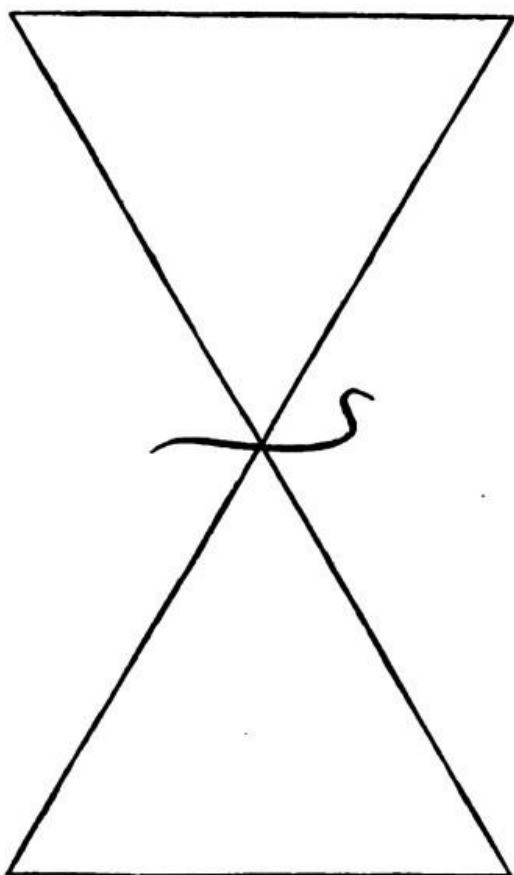

Figure 31.

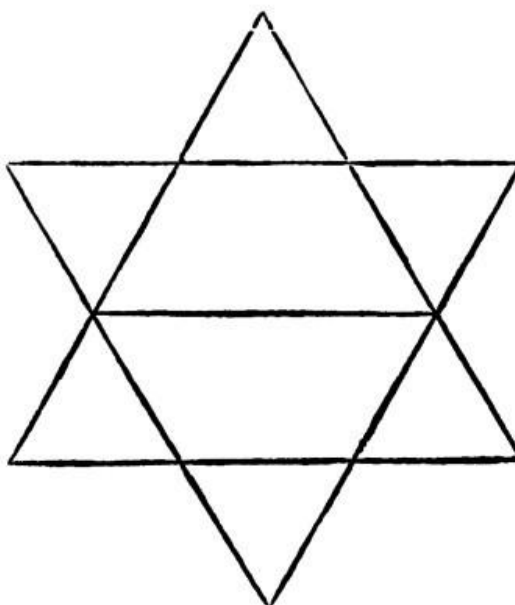

Figure 32.

На рисунках 29, 30, 31, 32 изображены различные треугольники и их соединения, которые были приняты в культе. Считается, что рисунок 29 представляет огонь, который у древних персов изображался в виде конуса, в то время как перевернутая фигура представляет воду.

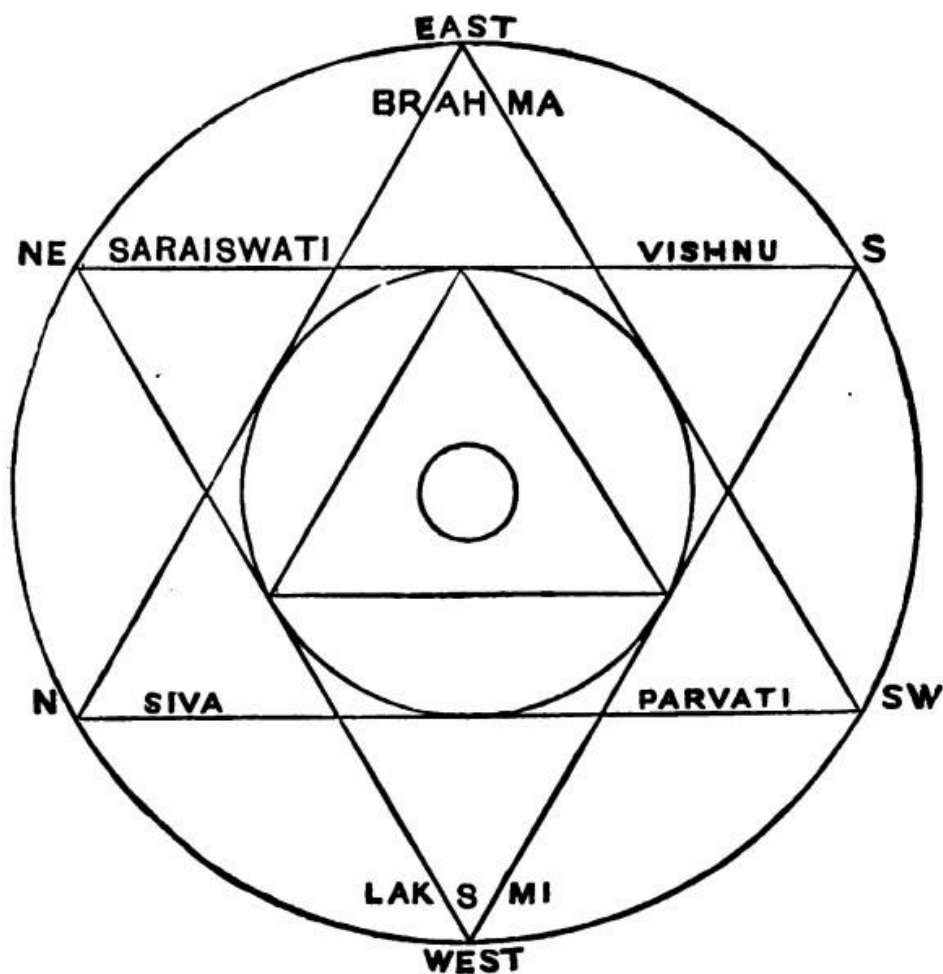

Figure 88.

Рисунок 33 - древняя индуистская эмблема, называемая Шри Иантра. Круг представляет мир, в котором существуют живые существа; треугольник, направленный вверх, показывает мужчину-создателя, а треугольник с вершиной вниз - женщину; отдельные, но единые. Они имеют внутри себя мир, в котором мужчина занимает главенствующее положение. В центральном круге помещается изображение, которому поклоняются. При использовании фигурку ставят на землю, Брахмой на восток, а Лаксми на запад. Затем добавляется реликвия какого-либо святого или изображение Будды, подобное современному папскому распятию, и святыня для поклонения завершена. В настоящее время она принята в христианских церквях и ложах масонов.

Можно заметить, что мужская эмблема указывает на восходящее солнце, а женский треугольник - на заходящее, когда земля как бы принимает бога в свой диван.

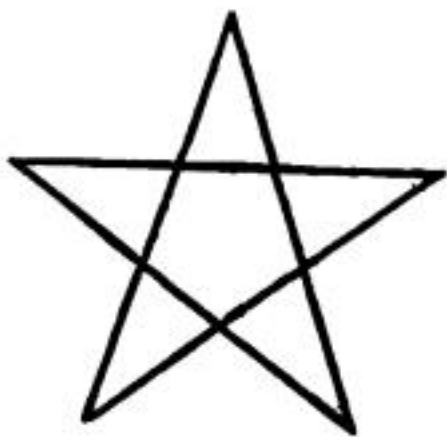

Figure 34.

Рисунок 34 - очень древняя эмблема индусов, истинное значение которой я не могу разгадать. Она используется в расчетах, лежит в основе некоторых игр и имеет огромное значение в поклонении сактам.

Монета, на которой изображена эта фигура, с центральной полостью и этрусскими буквами SUPEN, расположенными по одной между двумя углами, была найдена в фитильной урне в Волатерре, и изображена в *"Итальянском глоссарии"* Фабретти, табличка xxvi., рис. 858, bis а. Поскольку монета круглая, читатель увидит, что эти буквы можно прочесть как Supen, Upens, Pensu, Ensup или Nsupе. Поиск в *"Лексиконе"* Фабретти не дает подсказки ни для одного значения, кроме третьего. Действительно, есть веские основания полагать, что пенсу - это этрусская форма палийского *панка*, санскритского *пенч*, бенгальского *пенч* и греческого *пента*, то есть пять. Пять, безусловно, было бы подходящим словом для обозначения пятиугольника. Почти невозможно избежать рассуждений о ценности этого фрагмента археологических свидетельств в поддержку идеи о том, что греки, арии и этруски имели что-то общее; но вдаваться в этот вопрос здесь было бы невыгодно.

Но, отказываясь вступать в эту широкую область исследования, замечу, что во время поиска в *"Глоссарии"* Фабретти мой взгляд упал на фигуру равностороннего треугольника вершиной вверх, изображенную на пластине xliii., рис. 2440 ter. Треугольник сделан из латуни и был найден на территории Фалиски. На нем грубо изображены очертания подошв двух человеческих ног, в этом отношении он напоминает буддийскую эмблему; а на его краю имеется надпись, которую можно передать римскими буквами так: KAYI: TERTINEI. POSTIKNU, что, вероятно, означает "Гавия, жена Терция, предложила это". Появление двух индуистских символов в древней Италии весьма примечательно. Однако следует отметить, что подобные символы были найдены на древних скульптурных камнях в Ирландии и Шотландии. Возможно, в этих символах нет никакой эмблематической идеи; но когда эти знаки появляются на гностических драгоценных камнях, предполагается, что они обозначают смерть, то есть следы, оставленные ногами человека, когда он поднимается от земли к небу.

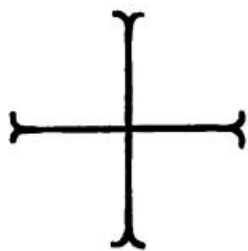

Figure 35.

Figure 36.

На рисунках 35, 36 изображены мальтийские кресты. В большой книге этрусских древностей, которая случайно попала мне на глаза лет двадцать назад, когда я пытался освоить язык, теологию и т. д. этрусков, но название которой и другие подробности я сейчас не помню, я нашел изображение двух крестов, состоящих из четырех мужских триад, каждая из *которых* расположена прямо и соединена со своими братьями железом, образующим центральный ромб, эмблему йони. В одном случае конечности креста были одинаковой длины, в другом - один *ашер* был в три раза длиннее остальных. Несколько похожий крест, но соединенный с кругом, был найден некоторое время назад недалеко от Неаполя. Он сделан из золота и, очевидно, использовался в качестве амулета и подвешивался к шее. Он изображен на пластине 35 в книге "*Эссе о поклонении генеративным силам в средние века*" (Лондон, частное издание, 1865). Его можно описать следующим образом: центр круга занимают четыре продолговатые сферы, расположенные наподобие квадрата; из основных изгибов каждой из них выходит йони (в форме, как на рис. 59), острием наружу, образуя крест, каждый луч которого представляет собой яйцо и фигу. В каждом месте соединения овоидов вставлен йони вершиной внутрь, а из широкого конца выходят четыре ашера, которые выступают за пределы щита, каждый из которых заканчивается несколькими золотыми каплями, похожими на бусины. Все это - наглядное природное изображение интимного союза мужского и женского, солнца и луны, креста и круга, Ураноса и Ге. Та же идея воплощена на рис. 27, с. 86, но здесь тайна глубоко завуалирована, поскольку длинные руки креста представляют солнце, или мужское начало, обозначенное триадой; короткие - луну, или женское начало (см. пл. xi. рис. 4).

Мальтийский крест, финикийская эмблема, был обнаружен вырезанным на скале на острове, от которого он получил свое название. Хотя он и крестообразный, в нем нет ничего христианского, поскольку, как и этрусские, о которых говорилось выше, он состоит из четырех лингамов, соединенных головами, причем "яйца" находятся снаружи. Недобросовестному священству не составило труда представить это "изобретение" креста как чудо и сделать его презентабельным для глаз верующих, оставив очертания Ану и Хеа незавершенными. Иногда этот крест изображают в виде четырех треугольников, пересекающихся в точках, что имеет тот же смысл. Обычно, однако, церковь (как можно увидеть, обратившись к "*Глоссарию церковного орнамента*" Пьюджина) использует кресты, в которых низшие члены троичности занимают более или менее центральное положение, как на нашей пластине xi., рис. 2, 8, и как на рис. 40, 41, 42, *ниже*. Когда человек узнает истинное происхождение учения о Троице - слишком неправильное, чтобы быть принятым авторами Нового Завета, - невозможно не распознать в знаках, символизирующих его, то, что обозначается.

Можно легко предположить, что те, кто знает о языческом происхождении многих заветных доктрин так называемой христианской церкви, не могут оставаться восторженными членами ее общины; и просвещенному философу одинаково легко понять, почему такие люди вызывают ненависть и оскорбления со стороны невежд и обвиняются в вольнодумстве, скептиках или атеистах. Сциолизм всегда нетерпим, а теологическая ненависть обычно измеряется умственной неспособностью тех, кто предается этой роскоши. Но никакие злоупотребления не могут уменьшить внутреннюю ценность фактов. И самые яростные гонения не докажут, что религия Христа, как она представлена в наших церквях и соборах, особенно если они папские, не запятнана массой язычества отвратительного происхождения.

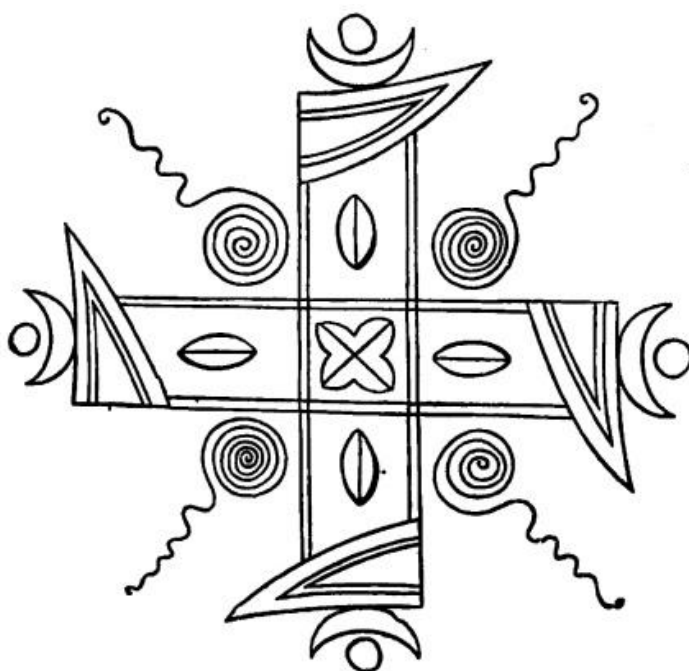

Figure 37.

Рисунок 37 скопирован из журнала *Королевского азиатского общества*, том xviii, стр. 898, лист 4. Это буддийская эмблема, представляющая одну и ту же идею в разных аспектах. Каждая конечность креста представляет собой *фасциум*, расположенный под прямым углом к телу и направленный к ячменю, одному из символов йони. Каждая конечность отмечена одной и той же женской эмблемой и завершается треугольником триады; за его пределами снова видно соединение солнца и луны. Таким образом, все это представляет собой мистическую *surba*, творческую четверку, которую некоторые называют молотом Тора. Копии подобного креста были недавно найдены доктором Шлиманом в очень древнем городе, погребенном под останками двух других, который он идентифицирует как Трою из "Илиады" Гомера.

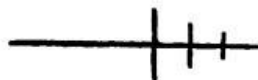

Figure 38.

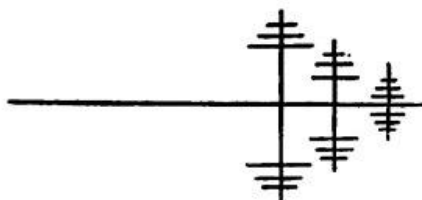

Figure 39.

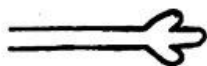

Figure 40.

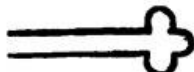

Figure 41.

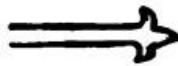

Figure 42.

Figure 43.

Figure 44.

Figure 45.

Рисунки 38-42 представляют собой развитие триадного треугольника, или троицы. Если горизонтальную конечность на свободном конце руки удлинить до удвоенной длины, то в самой тупой части можно узнать *Ашера*, а в низших или нижних членах "триединого".

Рисунок 43 египтологи называют "символом жизни".

Его также называют "ручным крестом", или *crux ansata*. Он представляет собой мужскую триаду и женскую единицу в приличном виде. В египетском искусстве мало символов, более часто встречающихся, чем этот. В некоторых замечательных скульптурах, где солнечные лучи изображены заканчивающимися в руках, подношения, которые они приносят, - это *crux ansata*, символизирующий истину, что плодотворный союз - это дар божества.

Рисунки 44, 45 - это древние рисунки, в которых мужской и женский элементы замаскированы сильнее, чем обычно. На рис. 44 женщина обозначена дельфином.

Figures 46, 47,
the ancient male
dorns to symbolise

Figure 46.

Figure 47.

are representatives of
triad, adopted by mo-
the Trinity.

Figures 48, 49, represent the trefoil which was used by

Figure 48.

Figure 49.

На рисунках 48, 49 изображен трилистник, который использовался древними индусами как эмблема небесной триады и был принят современными христианами. Видно, что из одного стебля выходят три сегмента причудливой формы, каждый из которых, как предполагается, напоминает мужскую *мошонку*, "*кошелек*", "*сумку*" или "*корзину*".

Рисунок 50 скопирован из книги Lajard, *Culte de Venus*, plate i., fig. 2. Он утверждает, что это цилиндр из драгоценного камня, хранящегося в Британском музее. На нем изображены мужская и женская фигуры, танцующие перед мистической пальмой, в значение которой нам нет нужды вдаваться, кроме как сказать, что это символ Ашера. Напротив определенной части фигур изображен бриллиант, или овал, и *флер-де-лис*, или символическая триада. Этот камень особенно ценен, так как наглядно иллюстрирует значение эмблем и то, что "лилии Франции" имели языческое происхождение.

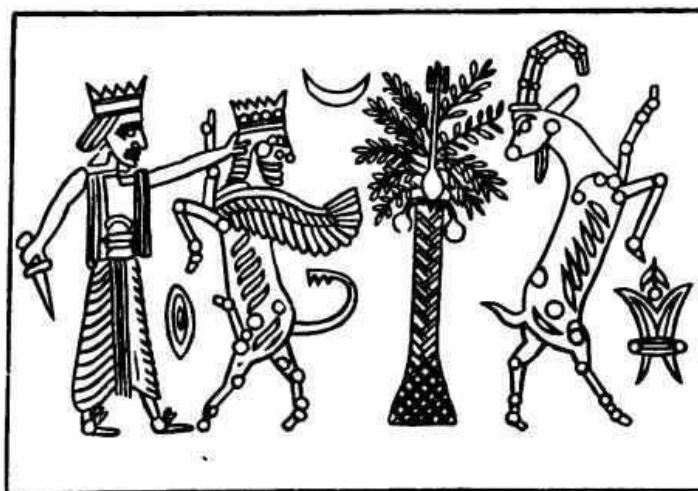

Figure 50.

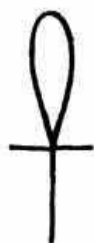

Fig 51.

Fig. 52.

Figure 53.

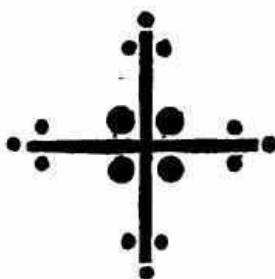

Figure 54.

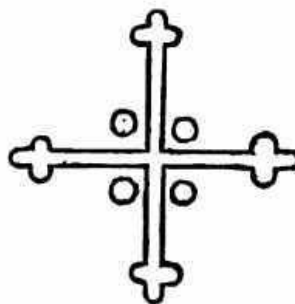

Figure 55.

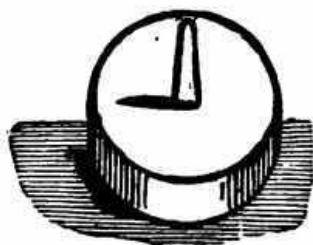

Figure 56.

Fig. 57.

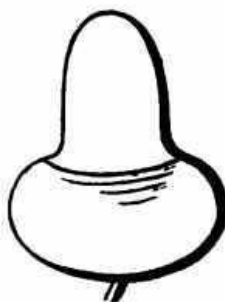

Figure 58.

Figure 59.

Figure 60.

На рисунках 51-60 представлены вариации союза четырех, арбы, андрогина или линга-йони.

Рисунок 61. В современном христианском искусстве этот символ называется *vesica piscis* и иногда окружен лучами. Обычно он служит своего рода рамкой, в которую помещают женских святых, которые, как правило, являются представительницами более древних Юноны, Цереры, Дианы, Венеры или других олицетворений женского начала в творении. Мы не чувствовали бы себя обязанными доказывать истинность этого утверждения, если бы приличия позволили нам воспроизвести здесь рисунки, которые шаловливые подростки так часто рисуют мелом на стенах к отвращению соответствующей части общества. Поэтому мы вынуждены прибегнуть к помощи религиозной книги и на следующем рисунке недвусмысленно продемонстрировать значение этого символа.

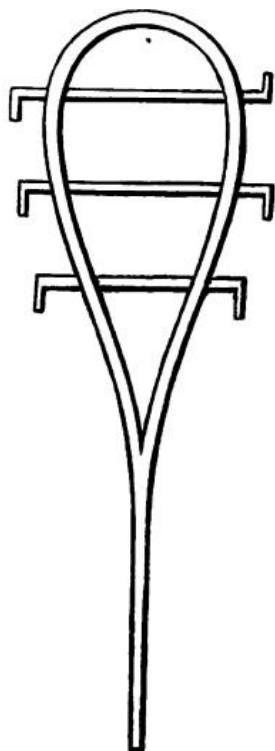

Figure 62.

Figure 61.

На рисунке 62 представлена одна из форм, которую принимает сistrum Исида. Иногда инструмент овальный, а иногда он заканчивается внизу горизонтальной линией, а не острым углом. Исследователь легко узнает в этой эмблеме символ женщины-создателя. Если у него возникнут какие-либо сомнения, он будет удовлетворен после обращения к книге Маффея "*Gemme Antiche Figurate*" (Рим, 1707), том ii., пластина 61, где Диана Эфесская изображена с телом точной формы систрума, изображенного в работе Пэйна Найта об остатках поклонения Приапу и т. д. Полосы поперек систрума показывают, что он обозначает чистую девственницу (см. "*Древние верования*", второе издание, том п., стр. 743-746). На ручке изображена фигура кошки - священного животного у египтян, по той же причине, по которой Исида иногда изображалась в виде коровы - за ее соленость и любовь к потомству.

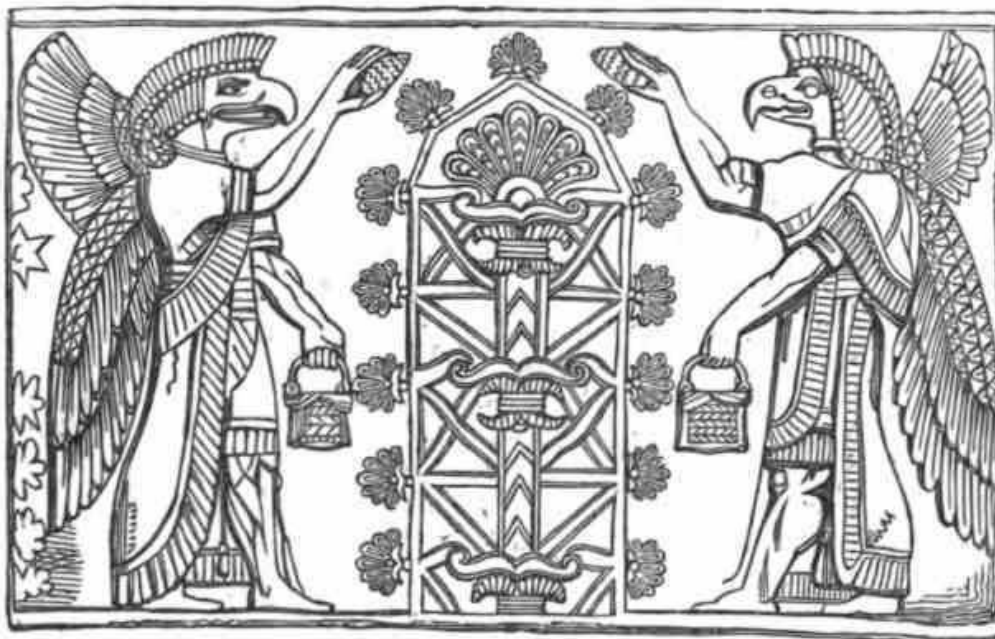

Figure 63.

Figure 64.

Рисунки 63-66 заимствованы из ассирийских источников.

Figure 65.

Figure 66.

Центральная фигура, которая, вероятно, является библейской "рощей", представляет дельту, или женскую "дверь". Сопровождающие ее джинны подносят сосновые шишки и корзины. Их значение будет объяснено позже. Сначала я не смог привести ни одного авторитетного источника, доказывающего, что сосновая шишка была ярко выраженным мужским символом, но теперь читатель может обратиться к Maffei, *Gemme Antiche Figurate* (Рим, 1708), где в томе iii. он увидит Венеру Тирсигера.

Богиня на рисунке 8 обнажена и несет в руке трехгранную стрелу, эмблему мужской триады, а в другой - тирс, заканчивающийся сосновой или еловой шишкой. Эту шишку и стебель несут на вакхических празднествах, и в них легко узнать *virga cum ovo*. Иногда тирс заменяют листьями плюща, которые, как и фи́га, символизируют тройного творца. Иногда тирс представлял собой копье или пику, вокруг которой группировались виноградные листья и ягоды; *Vacchus cum vino* был спутником *Venus cum cerere*. Но более убедительное подтверждение моих взглядов можно найти в замечательной группе (см. рис. 124). Она называется *Sacrificio di Priapo* и представляет собой женское жертвоприношение Приапу. Фигура бога стоит на столбе из трех камней, а в руках у нее тирс, от которого зависят две ленты. Посвященную сопровождает мальчик, который несет в руке сосновую или еловую шишку, а на голове - корзину, в которой можно узнать мужское чучело. На рисунке 64 положение вытянутой вперед руки каждого из жрецов, стоящих ближе всего к роще, наводит физиолога на размышления. Оно напоминает одну из конечностей буддийского креста, рис. 37, *выше*. Палец или большой палец, направленные таким образом, символизируют Ашера, находящегося в горизонтальном положении, с Ану или Хеа, свисающим с одного конца. Рисунок 65 объясняется аналогичным образом. Следует отметить, что среди современных индусов в качестве эмблемы сакти принята дверь (см. рис. 152, 153, *далее*).

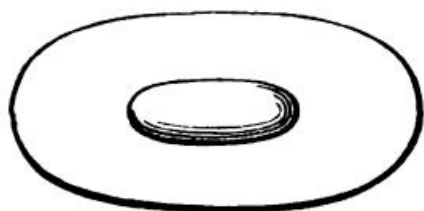

Figure 67.

Figure 68.

Figure 69.

Мой друг мистер Ньютон, который проявляет большой интерес к теме символизма, считает, что эти "рощи" не просто эмблемы йони, а союза этой части с лингамом, или мистической

пальмой. Поскольку его идеи чрезвычайно изобретательны, а теория совершенна, я попросил его представить их в конце этой работы.

Рисунки 67, 68, 69 - это причудливые наброски, призванные изобразить "священные щиты", о которых говорится в еврейской и других историях. Последний нарисован по памяти и представляет собой щит тамплиера. В зависимости от того, как рассматривать щит, он выглядит как *os tinsæ* или пупок. На рисунках 70, 71 изображены систрум Исида, плод фиго и йони. Когда одеяние такой формы изготовлено и надето, оно становится "паллиумом", который надевают и мужчины, и женщины, посвятившие себя римскому поклонению.

Кинг в своей книге "*Древние гностики*" замечает: "Круг солнца - это пуп, который обозначает естественное положение матки - пуп считается в микрокосме соответствующим солнцу во вселенной, и эта идея более полно выражена в знаменитой галлюцинации греческих анхоритов, касающейся мистического "Фаворского света", который открывался дэвоте после многодневного поста, все время пристально глядя на область пупка, откуда в конце концов этот свет струился как из фокуса". Стр. 158, 154.

Figure 70.

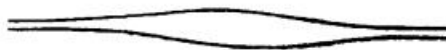

Figure 71.

На рисунках 72, 73 изображены древний христианский епископ и современная монахиня, носящая эмблему женского пола. В первом рисунке, который, как утверждается (в книге "*Old England Pictorially Illustrated, by Knight*"), является рисунком святого Августина, очень много символизма. Нимб и тонзура - солярные эмблемы; паллиум, женский знак, усыпан фаллическими крестами; его нижний конец - древняя буква Т, знак мужской триады; правая рука с вытянутым указательным пальцем, как у ассирийских жрецов во время поклонения роце, а внутри нее - плод, *таппуах*, который, по преданию, искушал Еву. Когда мужчина надевает паллиум во время поклонения, он становится представителем троицы в единстве, *арбой*, или мистической четверкой. См. "*Древние верования*", второе издание, том п., стр. 915-918.

Пользуясь случаем, я процитирую здесь беременную страницу из книги Кинга "*Гностики и их остатки*" (Bell & Daldy, London, 1864). К этому периоду относится прекрасный сард в моей коллекции, изображающий Сераписа,... а перед ним *стоит* Исида, держа в одной руке систрум, в другой - пшеничный сноп, с легендой... "Непорочная наша госпожа Исида" - именно эти термины применялись впоследствии к той персоне, которая преемствовала ее облик ("Черные девы", столь почитаемые в некоторых французских соборах в средние века, при критическом рассмотрении оказались базальтовыми фигурами Исида), ее символы, обряды и церемонии..... Ее почитатели перенесли в новое священство прежние значки своей профессии, обязательство безбрачия, постриг и сюртук, опустив, к сожалению, частые омовения, предписанные древним верованием. Священное изображение все еще движется в процессии, как тогда, когда Ювенал смеялся над ним, vi. 530.

Figure 72.

Figure 73.

Ее сопровождает постриженный в монахини сюртук. Ее имя, Domina, точный перевод санскритского *Isi*, сохранилось с небольшими изменениями в современном имени Мадонны, Mater Domina.

В результате необычной перестановки цветок, который несет каждая из них, - лотос, древняя эмблема солнца и плодородия, ныне переименованный в лилию, - интерпретируется как символ противоположного качества. Звнящий систрум... заменен... колокольчиком, взятым из буддийских обычаев..... Возвышенный овальный символ женского принципа природы стал Vesica Piscis, а Cruх Ansata, свидетельствующий о союзе мужского и женского начала самым очевидным образом, трансформировался в сферу, увенчанную крестом, как знак королевской власти. Рр. 71, 72.

Figure 74.

Figure 75.

Figure 76.

Figure 77.

Figure 78.

Рисунок 74 - хорошо известная христианская эмблема, называемая "поганим якорем". Якорь, как символ, имеет большую древность. Его можно увидеть на старой этрусской монете в

Британском музее, изображенной в *Veterum Populorum et Regum Nummi*, etc. (Лондон, 1814), пластина ii., рис. 1. На реверсе изображено колесо колесницы. Якорь представляет собой полумесяц, йони, ковчег, навис, или лодку; в нем помещена мачта, вокруг которой обвивается змея, эмблема жизни в "границах". Поперечная балка завершает мистическую четверку, символизирующую как солнце, так и андрогинность. Все это - скрытая эмблема того союза, который приводит к плодородию. Христиане говорят, что это якорь души, надежный и непоколебимый. Этого, конечно же, не может быть, ибо плохой якорь не удержится на земле.

Рисунки 75 - 79 представляют собой азиатские и египетские эмблемы, используемые у нас, и получают свое объяснение аналогично предыдущим.

Рисунок 80 скопирован из *"Анакалипсиса"* Годфри Хиггинса, т. II, рис. 27. Он заимствован из Монфосона, том ii, рi. cxxxii, fig. 6. В своем тексте Хиггинс ссылается на две похожие группы, одна из которых находится в египетском храме Ипсамбал в Нубии и описана Уилсоном, *"О буддистах и джейнах"*, стр. 127, а другая, найденная в пещерном храме на юге Индии, описана полковником Тодом в его *"Истории Радж-Путаны"*. Эта группа не объясняется Монфосоном. Она, очевидно, греческая и сочетает в себе историю Геркулеса и соблазнительность Цирцеи. Дерево и змея - обычные эмблемы, их даже находили в индийских храмах в Центральной Америке, сгруппированными, как на гравюре.

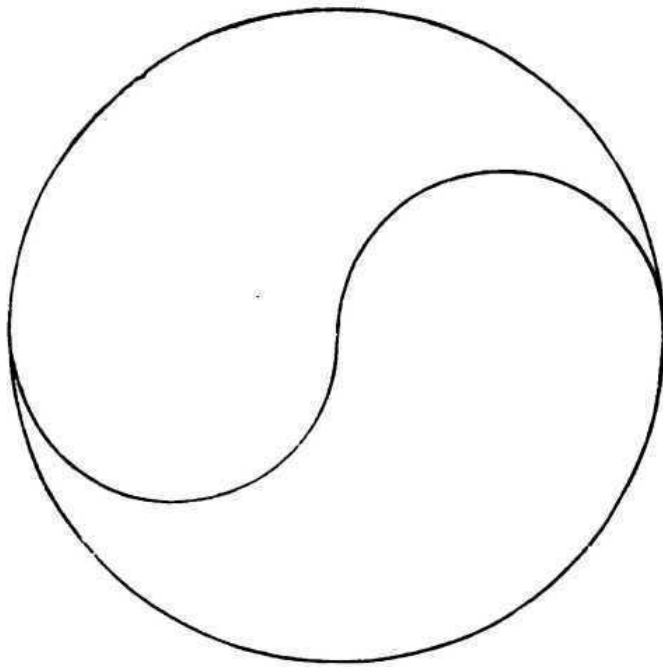

Figure 79.

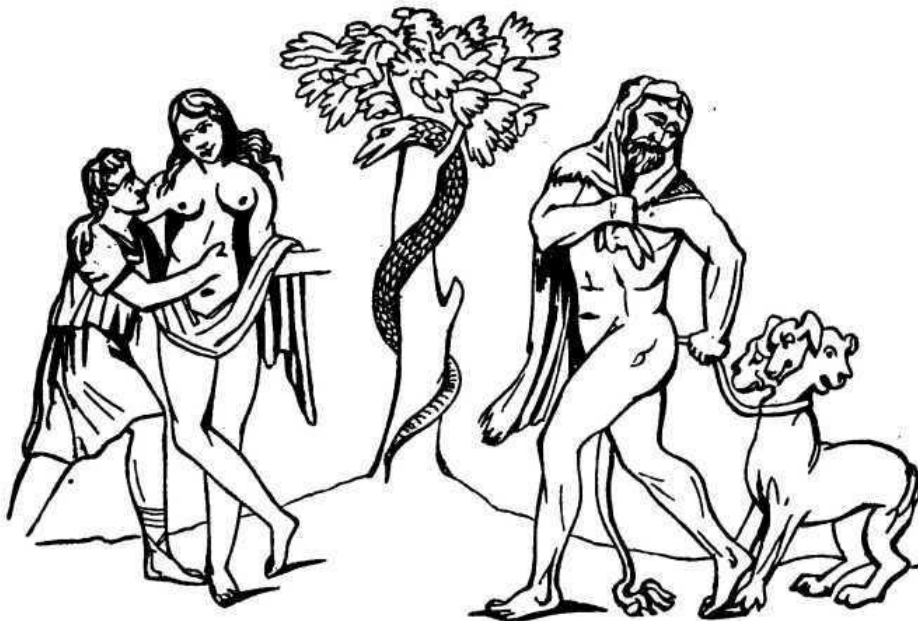

Figure 80.

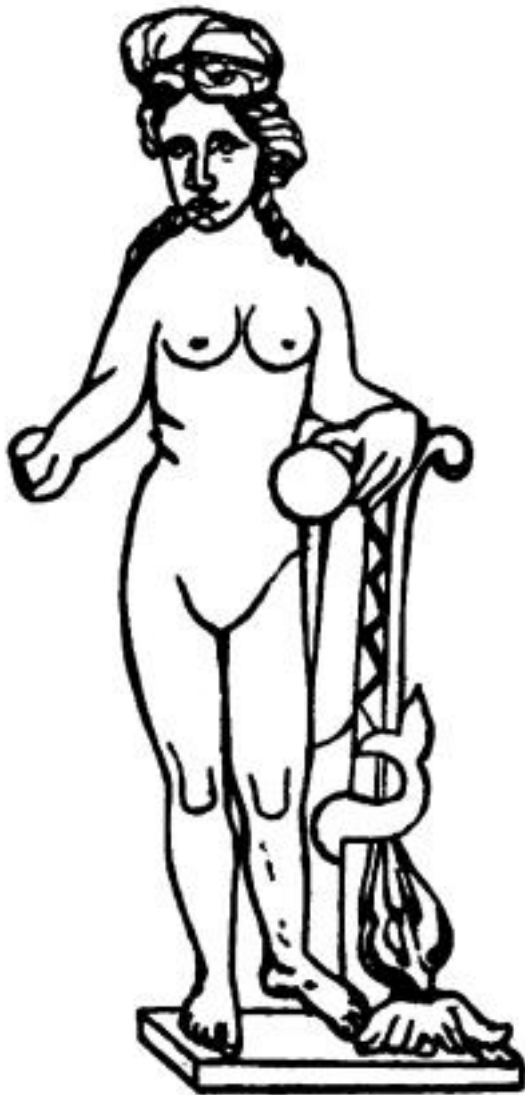

Figure 81.

Рисунок 81 скопирован с Lajard, *Culte de Venus*, plate xix., fig. 11. Происхождение этой серебряной статуэтки, находящейся в распоряжении автора, неизвестно. Женщина изображает Венеру, несущую в одной руке яблоко; ее рука опирается на то, что кажется представителем мистической триады (два дополнения к вертикальной ножке не видны на фронтальном виде), вокруг которой обвивается дельфин, означающий "утробу", из уст которого исходит поток жизни. Яблоко играет странную роль в греческой и древнееврейской мифологии. История о "яблоке раздора", врученном Парисом Венере, кажется, указывает на то, что там, где красота борется с величием и мудростью за любовь юности, она обязательно победит. От Арнобия мы узнаем, что некая Нана зачала сына от яблока (Op, Cit., p. 286), хотя в другом месте говорится, что плодовитым плодом был гранат. С мифологической точки зрения этот автор не видит в этой истории ничего сложного, поскольку те, кто утверждает, что скалы и твердые камни приносили плод. В Песне Песней Соломона часто упоминаются яблоки и дерево, приносящее их; в гл. ii. 5 мы находим любопытное выражение: "Утешь меня яблоками, ибо я болен любовью". Мы знакомы с рассказом о том, как Ева была искушена тем же плодом. Критики полагают, что, поскольку яблоко в Палестине есть нехорошо, имеется в виду айва; если так, то мы знаем, что лист этого дерева можно увидеть на каждой амурной

картине, найденной в Помпеях; предполагается, что это растение увеличивает мужественную силу. Другие полагают, что имеется в виду цитрон, форма которого делает его эмблемой яичка. Как бы то ни было, из всех сказаний и изображений, где фигурирует фрукт, похожий на яблоко, становится ясно, что эмблема символизировала желание интимного союза между полами. Читатель, несомненно, помнит, как в Бытие xxx Лия изображена покупающей компанию своего мужа на ночь с помощью мандрагоры, результатом чего стало рождение Иссахара; а в известной истории Творения мы видим, что яблоко рождает желание, как показано в первом признании соответствующей наготы пары, за которым сразу же, или как только это было возможно после этого, последовал половой акт и зачатие Каина.

Figure 82.

Рисунок 82 взят из Lajard (Op. Cit.), plate xivb, fig. 3.

Драгоценный камень неизвестного происхождения, но, по-видимому, вавилонский; на нем изображены мужчина и женщина в соединении: каждый, похоже, держит символ триады в значительной степени, в то время как любопытный крест предлагает новое прочтение древнего символа.

Недавно я слышал, как один человек, весьма образованный, но очень узкого кругозора во всем, что касается религиозных вопросов, утверждал, что нет никаких доказательств того, что солнце обычно считалось мужским, а луна - женским; он основывал свое странное утверждение исключительно на том, что в немецком и некоторых других языках солнце представлено существительным женского, а луна - мужского рода. Этот аргумент не имеет никакой ценности, поскольку [-греч-] и другие греческие и латинские названия йони - существительные мужского рода, а *Virga* и *Mentula*, римские слова для лингама, - женского. В Индостане солнце всегда представлено как бог; луна иногда является мужским, а иногда женским божеством. В древних галльских и скандинавских фигурах солнце всегда было мужским, а луна - женским. На рисунке 118 можно увидеть их идентичность - как и их соединение на рисунке, который находится перед нами, - расположение лиц, а также *флер-де-лис* и овальный символ.

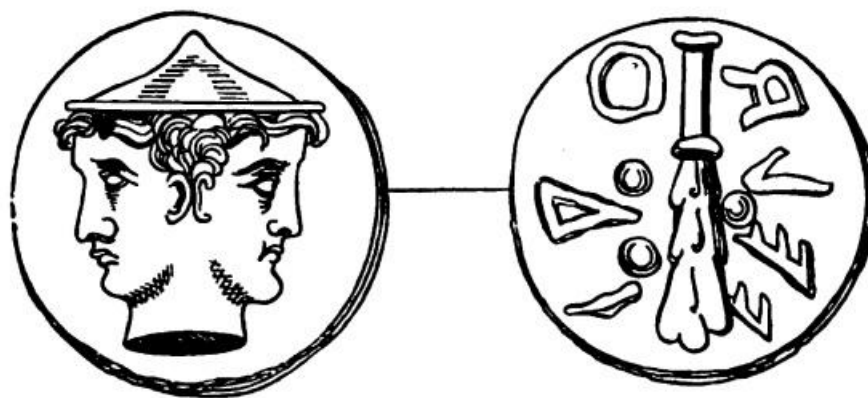

Figure 83.

Рисунок 88 можно найти в книге Фабретти "*Corpus Inscriptionum Italicarum*" (Турин, 1867), пластина ххv., рис. 808 f. Монеты, на которых изображены эти фигуры, сделаны из латуни и были найдены в Волатерре. На одной из них двойная голова связана с дельфином и полумесяцем на реверсе, а также буквами Velathri на этрусском языке. Аналогичная надпись есть и на той, что содержит булаву. Булава, сформированная, как на рис. 88, часто встречается на этрусских монетах. Например, две булавы соединены с четырьмя шарами на тудертинской монете, на реверсе которой изображена рука в перчатках для боя и четыре шара, расположенные в квадрате. На других монетах можно увидеть пчелу, трезубец, наконечник копья и другие трехгранные фигуры, связанные с тремя шарами в треугольнике, иногда двумя, а иногда одним. Двойная голова с двумя шарами изображена на тельамонской монете, на реверсе которой изображена нога со стопой, повернутой вверх. На монете Популонии булава ассоциируется с копьем и двумя шарами, в то время как на реверсе изображена одинарная голова. Я также должен заметить, что на других монетах изображены молот и щипцы, или клещи, как если бы идея заключалась в том, чтобы показать, что символизируется мастер, изготовитель или тяжелый удар. На то, что это был именно он, указывают и другие монеты, на которых изображена голова, высывающая язык. В Кортоне были найдены две серебряные статуэтки, изображающие двуликого человека. Львиная голова в качестве шапки, воротник и бушлат - единственные предметы одежды. Одно лицо кажется женским, а другое - мужским, но ни одно из них не имеет бороды. Грудные кости и общая форма указывают на мужчину, но обычные признаки пола отсутствуют. На них были найдены этрусские надписи (1) v. cvinti arntias CULPIANSI ALP AN TURCE; (2) V. CVINTE ARNTIAS SELANSE TEZ alpan TUBCE. Что можно перевести (1) "В. Квинт Арунтийский, угождая Кульпиану, преподнес дар"; (2) "В. Квинт Арунтийский, угождая Вулкану, преподнес дар", очевидно, показывая, что это были подношения ex voto.

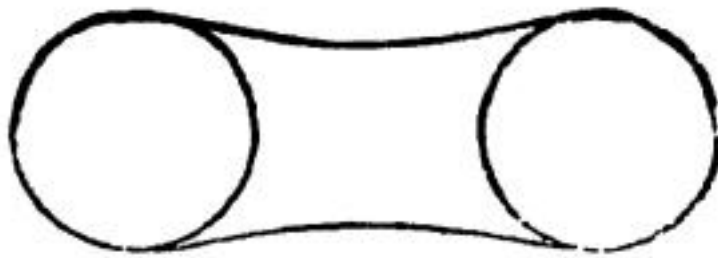

Figure 84.

В книге "Ранние расы Шотландии" полковника Форбса Лесли. На пластине 49 он ассоциируется со змеей, очевидно, коброй. Об этом орнаменте говорят как об "украшении для очков", и он очень часто ассоциируется с другой фигурой, очень похожей на букву Z. Для исследователя очень естественно ассоциировать сдвоенные круги с солнцем и землей, или солнцем, распространенным среди скульптурных камней в Шотландии. На пластине 48 можно увидеть четыре разновидности солнца и луны. На одном шотландском памятнике круги изображают колеса, и, вероятно, они обозначают солнечную колесницу. Пока что мне удалось встретить Z и "орнамент для очков" только один раз за пределами Шотландии; он изображен на гностической гемме (*The Gnostics and their Remains*, by C. W. King, London, 1864, plate ii., fig. 5). В нем мы видим в змеином картуше две фигуры Z, каждая из которых пересекается горизонтальной линией, оба конца которой заканчиваются кругом; кроме них - шестилучевая звезда, каждый луч которой заканчивается кругом, в точности напоминающим звезду на рис. 8 выше. Я не могу предложить удовлетворительного объяснения этой эмблемы.

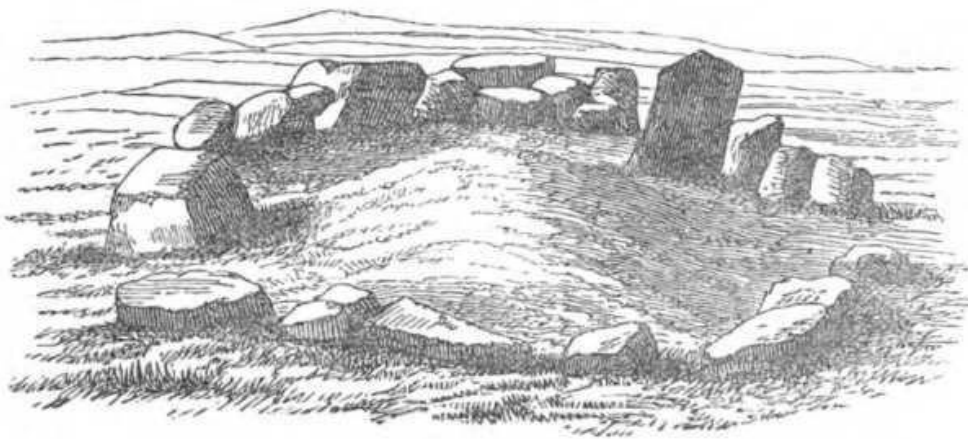

Figure 85.

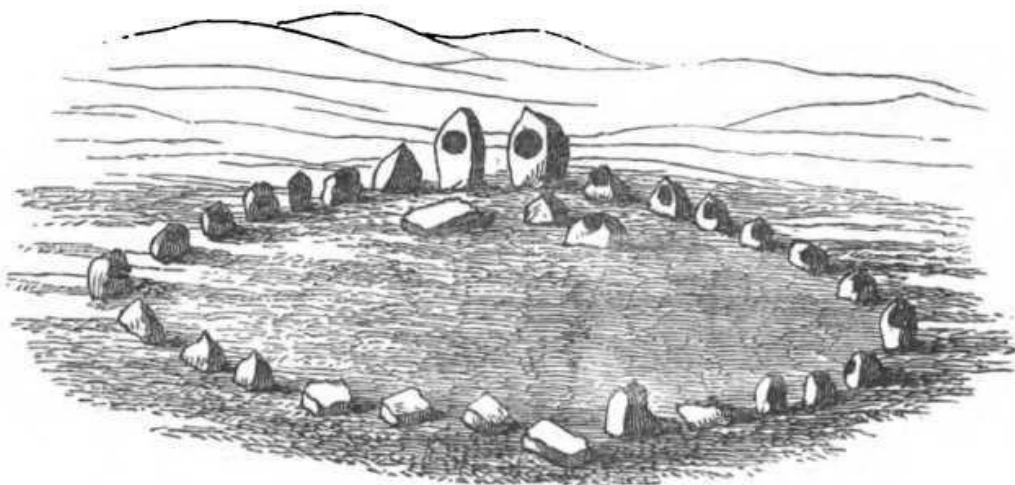

Figure 86.

На рис. 85, 86 изображены йоркширский и индийский каменные круги. Первый скопирован из *"Описания каурнов, кромлехов, киствендов и других кельтских, друидических или скифских памятников в Деккане"* полковника Медоуза Тейлора, *Transactions of the Royal Irish Academy*, vol. xxiv. Этот курган находится в Твизелле, Йоркшир, а в центре круга обозначена древняя гробница, очень похожая на те, что Тейлор нашел в Деккане; в ней была только одна единственная урна, но многие индийские урны содержали, помимо скелета великого человека, похороненного в ней, скелеты других людей, которые были зарезаны над его могилой и похоронены над кистваеном, содержащим его кости; в одном случае два тела и три головы были найдены в главной могиле, и еще двадцать скелетов над и рядом с ней. Прочтение этой интереснейшей работы вполне окупит потраченное на нее время. Рисунок 86 скопирован из книги Форбса Лесли, упомянутой выше, табличка 59. На нем изображен современный каменный круг в Деккане, построенный совсем недавно. Точки на камнях представляют собой мазки красной краски, которые снова символизируют кровь. Эти круги похожи на те, что были найдены в Палестине, и свидетельствуют о наличии тех же религиозных идей, которые существовали в древней Англии и Индостане, а также в современной Индии. Имя бога, которому поклонялись в этих недавних святилищах, - Ветал, или Бетал. Стоит упомянуть мимоходом, что в Шотландии есть знаменитый монолит, называемый Ньютоновым камнем, на котором начертаны, очевидно, гравировальным инструментом, надпись на огаме и еще одна на каком-то древнем арийском наречии (см. *"Древние столбовые камни Шотландии"* Мура).

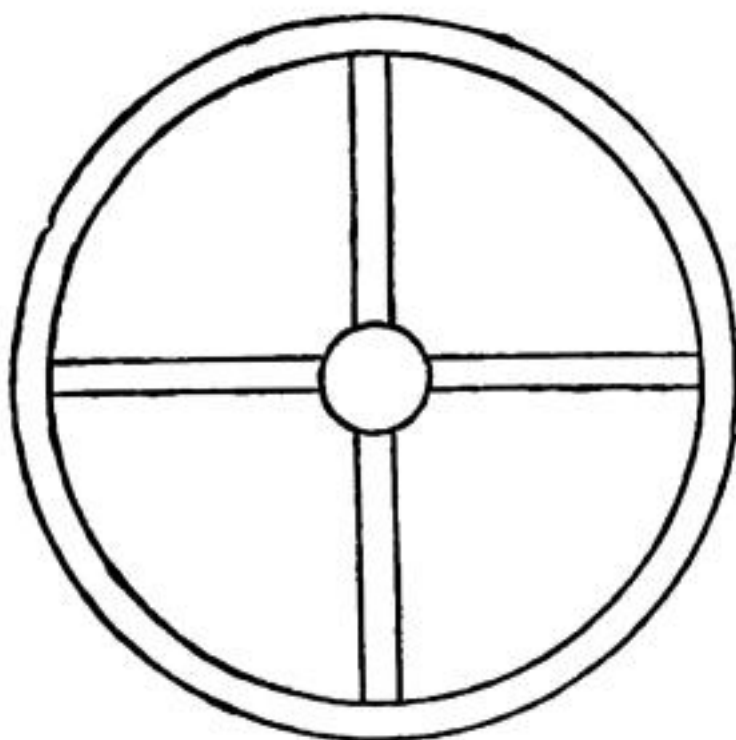

Figure 87.

На рис. 87 изображено солнечное колесо, эмблема колесницы Аполлона. Этот знак очень часто встречается на древних монетах; иногда лучей или спиц четыре, в других случаях они более многочисленны. Иногда покрывка колеса отсутствует, а у этрусков пропущен неф. Солнечный крест очень распространен в Ирландии, а среди романистов вообще является головным убором святых мужчин.

Figure 88.

Рисунок 88 скопирован с рисунка Хайслопа, который приводит его со слов полковника Гамильтона Смита, скопировавшего его с оригинальной коллекции, сделанной художниками Французского института в Каире. Говорят, что на ней изображен Осирис, но это сомнительно. В этой фигуре много мистического. Кнут, или жгут, перекинутый через хвост, и голова, проходящая через йони, круглые пятна с центральной точкой, рога с солнечным диском и двумя перьями причудливой формы (?), тельце, лежащее на постаменте, где заметно деление на три, - все это имеет отношение к мистической четверке.

Я долгое время сомневался в символическом значении бича. Некоторые исследователи утверждали, что это просто эмблема власти или превосходства, поскольку тот, кто может бичевать, должен занимать более высокое положение, чем тот, кого наказывают. Но этому мнению я не могу найти никаких доказательств. С другой стороны, любой, кто знаком с эффектом, производимым на мужчину флагажацией, и кто замечает, что изображения Осириса и бича свидетельствуют о том, что божество находится в том же состоянии, что и тот, кто подвергся удару, будет склонен поверить, что жгут - это указание или символ бога, который дает человеку силу воспроизводить себе подобных или может восстановить эту способность после ее угасания. Ни на минуту нельзя допустить, чтобы божество, которому поклоняются, изображалось в виде мастера, чьи руки больше знакомы с наказанием, чем с благословением.

Figure 89.

Рисунок 89 взят из книги Лажарда *"Культ Венеры"*, табличка i., рис. 14, и представляет собой увеличенный оттиск драгоценного камня. Похожую фигуру можно найти в работе Пейна Найта *"Поклонение Приапу"*. В обоих случаях женщина окаймлена мужскими эмблемами. На одной из них в одной руке держится рыба, по-видимому, дельфин. В другом случае женщина бородата. Это изображения Аштарота - андрогинного божества, в котором преобладает женское начало.

На рис. 90 представлена древняя итальянская форма индийской Линг Йони. Она скопирована с части фронтисписа *"Диссертации о Кабири"* Фабера, где говорится, что эта

пластина является копией изображения нимфеи, найденной при раскопках фундамента дворца Барбарини в Риме. Она заслуживает внимания, потому что круглый курган каменной кладки, над которым возвышаются короткие столбы, в точности повторяет подобные сооружения, найденные в Индостане на востоке и в Америке на западе, а также в различных частях Европы. Овал во фронтоне и одинокий столб имеют то же значение, что и Кааба и яма - вертикальный камень и яма, почитаемые в Мекке задолго до времен Магомета: дерево служит для идентификации столба, и *наоборот*. Проемы были распространены в древних могильных памятниках, как в Индостане, так и в Англии; один перфорированный камень сохранился в качестве реликвии в префектуре старой церкви в современном Риме. Отверстие почернело от жира многих рук, которые были просунуты в него, пока их владельцы давали священную клятву. Мы уже отмечали, как древний Авраам и современный араб поклялись на Линге; поэтому нет ничего удивительного в том, что некоторые представители другой формы веры поклялись на Йони.

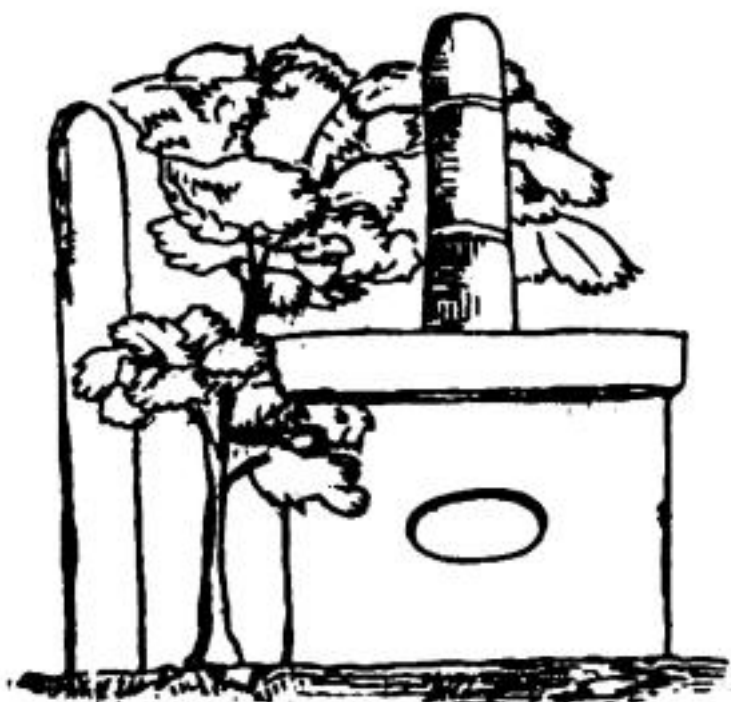

Figure 90.

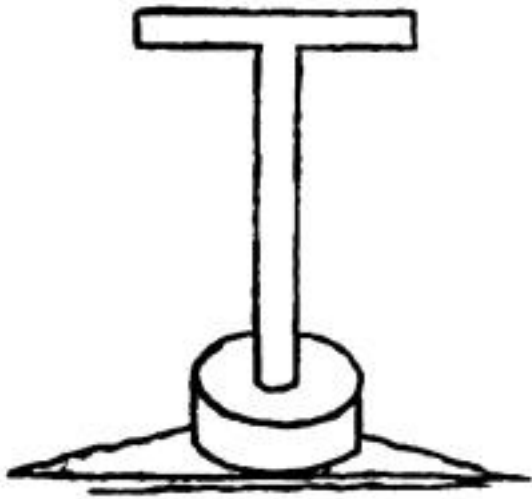

Figure 91.

На рисунке 91 Хиггинс, *Anacalypm*, p. 217, указывает, что это знак на груди египетской мумии, хранящейся в музее Университетского колледжа в Лондоне. По сути, это тот же символ, что и *crux ansata*, и символизирует мужскую триаду и женскую единицу.

Рисунок 92 приведен просто для того, чтобы показать, что в папской тиаре нет ничего особенно христианского: подобный головной убор носили боги или ангелы в древней Ассирии, где его венчала эмблема "Троицы". Мы можем мимоходом упомянуть, что как романисты переняли митру и тиару у "проклятого отродья Хама", так и епископальный посох они переняли у авгуров Этрурии, а художественную форму, в которую они облачают своих ангелов, - у художников и мастеров Магна Грации и Центральной Италии.

Figure 92.

На рисунке 98 изображен митраистский лев. Его можно увидеть в книге Хайда *"Религия древних персов"*, второе издание, табличка i. Его также можно увидеть в томе ii, таблички 10 и 11, в книге Маффея *"Gemme Antiche Figurate"* (Рим, 1707). На пластине 10 митраистский лев имеет над собой семь звезд, вокруг которых расположены соответственно слова, написанные греческими, этрусскими и финикийскими буквами, ЗЕДЧ. ТЕЛКАН. ТЭЛКОН. ТЕЛКОН. КИДЕХ. ЮНЕУЛК. LNKELLP., очевидно, показывая, что эмблема была принята гностиками. Было бы невыгодно останавливаться на значении этих букв. Поразмыслив над ними, я решил, что "Злые духи, пожалейте нас", "Только один, я призываю тебя" могут быть поняты, если считать слова очень плохим греческим языком, а буквы - сильно транспонированными.

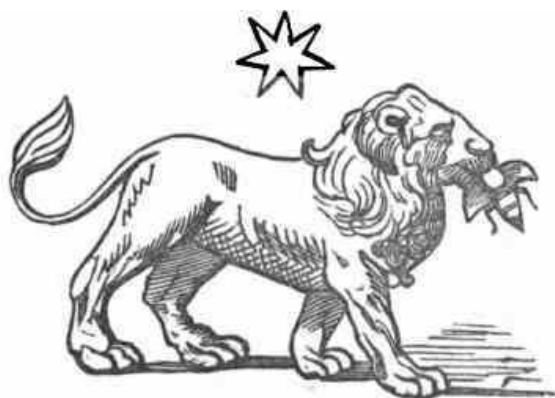

Figure 93.

Figure 94.

Е

Рисунок 94 скопирован Хиггинсом из *"Анакалипсиса"* на основании авторитета Дюбуа, который утверждает, vol. iii., p. 88, что он был найден на камне в церкви во Франции, где его хранили в религиозном духе в течение шестисот лет. Дюбуа считает ее полностью астрологической и не имеющей никакого отношения к истории, рассказанной в Бытие. Рассуждать о том, что задрапированные фигуры являются представителями Адама и Евы, невыгодно. Мы представили их, чтобы показать, как подобные истории переплетаются с сабеизмом.

Figure 95.

Рисунок 95 является копией геммы, изображенной Лэйярдом (*Nineveh and Babylon*, p. 156), и представляет собой Гарпократа, сидящего на лотосе и поклоняющегося мирской представительнице матери творения. Я еще не встречал ни одного древнего драгоценного камня или скульптуры, которые бы так полно отождествляли йони с различными богинями.

Сравните это с рис. 138, далее, где эмблема рис. 95. еще более разительно отождествляется с женщиной, причем с Девой Марией. Те, кто знаком с грубыми рисунками, слишком часто начертанными мелом на кладах, увидят, что ученые древние и хамоватые современные изображают некоторые идеи точно таким же образом, и поймут мистическое значение О... Я уже обращал внимание на идею, что вид йони является источником здоровья и талисманом против злых духов; какой бы гротескной ни была эта идея, она существовала во все века, и у цивилизованных и у диких народов. Грубое изображение женщины, бесстыдно выставляющей себя напоказ, было найдено над дверями церквей в Ирландии и в Серватосе (Испания), где она стоит по одну сторону дверного проема, а по другую - столь же заметный мужчина. То же самое было найдено в Мексике, Перу и в Северной Америке. Не стоит забывать и о том, как Баубо излечила от сильного горя Цереру, обнажив себя странным образом перед страдающей богиней. Arnobius, *Op. Cit.*, pp. 249, 250.

Поскольку я уже отмечал современные представления о влиянии обнажения йони на страждущих, можно вкратце описать легенду, о которой идет речь. По сюжету, богиня была несчастна из-за того, что ее дочь, Прозерпину, украл Плутон. В агонии, схватив два факела, зажженных на Этне, она бродит по земле в поисках пропавшей и со временем посещает Элевсис. Баубо принимает ее радушно, но ничто из того, что делает хозяйка, не побуждает гостью хоть на миг отступить от своего горя. В отчаянии смертная придумывает план, сбрасывает то, что в Исаии называется "волосами на ногах", и предстает перед богиней. Церера устремляет свой взор на лишенное волос место, радуется странной форме утешения, соглашается принять пищу и возвращается к комфорту.

Figure 96.

Рисунок 96 скопирован с пластины 22, рис. 8, книги Лажара *"Культ Венеры"*. Он утверждает, что это оттиск с сердоликового цилиндра, хранящегося в коллекции покойного сэра Уильяма Оусли, и предположительно изображает Оаннеса, или Бэла, и двух рыбных богов, авторов плодородия. Считается, что филистимлянский Дагон похож на две фигуры, поддерживающие центральную.

Рисунок 97 представляет собой вид сбоку на пластину 1. Идол изображает женщину. Дагон, бог-рыба, мужчина сверху, рыба снизу, был одним из многих символов андрогинного творца. В первом из Аватаров Вишну он изображен выходящим из пасти рыбы и сам являющимся рыбой; по легенде, он должен был стать спасителем мира во время потопа, который должен был последовать. См. *"Индустский пантеон"* Моора и *"Мифологию индусов"* Коулмана.

Figure 97.

На рисунке 98 изображен *флер-де-лис*, французская лилия. Она символизирует мужскую триаду, в то время как кольцо вокруг нее представляет женскую. Отождествление этой эмблемы триединства с трехликим Махадевой, а кольца - с его сакти, можно увидеть на следующем рисунке.

Рисунок 99, который мы уже приводили на странице 46, представляет собой большую ценность для исследователей значения определенных символов. Он вновь представлен здесь, чтобы показать отождествление глаза, рыбы или овальной формы с йони, а *флер-де-лис* - с лингамом, что подтверждается соответствующим положением эмблем перед определенными частями мистических животных, которые, со своей стороны, обожают символическую пальму с пестиком и тычинками. Лучистые ветви верхней части дерева и близость к нему полумесяца, по-видимому, указывают на то, что пальма была как солнечной, так и сексуальной эмблемой.

Figure 99.

Большое сходство пальмы с древними круглыми башнями в Ирландии и других странах, естественно, поразит наблюдателя. Возможно, он вспомнит, что в определенных случаях вокруг круглой башни в Уиклоу устраивались танцы, пиршества и разврат, такие же, как вокруг английского майского столба, современного заменителя мистической пальмы. Сейчас мы очеловечили нашу практику, но не очистили нашу землю от всех ее завуалированных символов.

В некоторых местах, где пальма, вероятно, не растет, ее место в качестве эмблемы занимает сосна. Она была священна для матери богов, чьи имена, Роэя, Церера, Кибела, являются парафразом Йони. Из Araobius, *Op. Cit.*, p. 239, мы узнаем, что в определенные дни это дерево вносилось в святилище этой августейшей особы, украшенное рунами и фиалками. Не нужно обладать какими-то глубокими познаниями, чтобы понять значение входа сосны в храм божественной матери, а также то, что изображает дерево, погребенное среди рун. Те, кто слышал о происхождении испанского королевского ордена Золотого руна, знают, что это слово является энфемизмом для римского *lanugo*. Петрушка вокруг морковного корня - современный символ, а фиалка - такая же эмблема лингама, как и современный пистолет.

Давно известно, что древний обычай воздвигать майский столб, окружать его венками из цветов, а затем танцевать вокруг него в дикой оргии - это пережиток древнего обычая почитания символа творения, оживляемого возвращающимся весенним временем, без силы которого стада и паствы не могли бы расти. Мои читатели не преминут заметить, что жрецы Ассирии постоянно приносят в жертву священной "роще" сосновые шишки.

Figure 102.

Figure 108.

Figure 104.

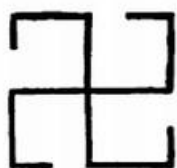

Figure 100.

Figure 101.

На рисунках 100, 101 изображены буддийский крест и один из его рукавов. На первом изображено соединение четырех фалли. Один из них представляет собой условную форму известного органа. Эта форма креста принципиально не отличается от мальтийского креста. В последнем Ашер стоит перпендикулярно Ану и Хеа, а в первом - под прямым углом к ним. "Пистолет" - хорошо известное название среди наших солдат, и четыре таких пистолета, соединенных дулом, образуют буддийский крест. Сравните рисунок 37, *ранее*.

Рисунки 102, 108, 104 указывают на союз четырех творцов, троицу и единство. Не имея под рукой копии древнего ключа, я использовал современный; но это не вносит существенной разницы в символ.

Рисунки 105, 106 скопированы с рисунка Lajard, *Sur le Culte de Venus*, plate ii. На них изображены украшения, которые держала в руках огромная женская фигура, изваянная в барельефе на скале в Язили Кайя, недалеко от Богаз Кени, в Анатолии, и описанная М. К. Тексье в 1834 году. Богиня увенчана башней, указывающей на девственность; в правой руке она держит посох, показанный на рисунке 106; в другой, приведенной на рисунке 105, она

стоит на львице, а рядом с ней антилопа. Рисунок 105 представляет собой сложную эмблему четверки.

Figure 105.

Figure 106.

Figure 107.

Рисунки 107, 108, 109 скопированы с "*Индуистского пантеона*" Моора, пластина lxxxiii. На них изображены лингамы, а затем йони, которые среди индийцев считаются священными эмблемами, примерно так же, как распятие почитается некоторыми современными христианами.

Figure 108.

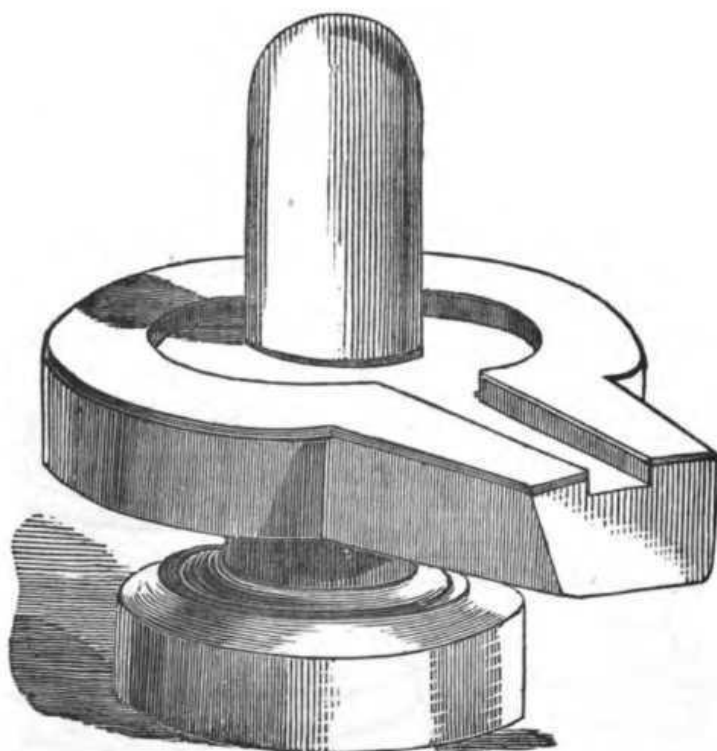

Figure 109.

Во время поклонения на столб льют *топленое* масло или воду и дают им стечь через носик. Иногда столб украшают ожерельем и ассоциируют с эмблемой змеи. В рассказе Лукиана об Александре, лжепророке, который мы приводим в "*Древних верованиях*", второе издание, есть упоминание об одном из его жертв, который был выдающимся римским офицером, но настолько суеверным, или, как он сам о себе говорил, настолько глубоко проникнутым религией, что при виде камня он падал ниц и обожал его в течение значительного времени, произнося молитвы и обеты. Некоторые считают это столь же разумным, как и практику, некогда применявшуюся в христианском Риме, которая обязывала всех людей на улице становиться на колени в знак благоговения, когда мимо них в процессии проносили уродливую черную куклу, называемую "бамбино", или кусок хлеба, над которым бормотали какие-то кабалистические слова. Арнобинс, *Op. cit.*, p. 81, говорит: "Я поклонялся изображениям, полученным из печи, богам, сделанным на наковальне и молотом, костям слонов, картинам, венкам на старых деревьях; всякий раз, когда я видел помазанный камень или покрытый оливковым маслом, как будто в нем жил какой-то человек, я поклонялся ему, я обращался к нему и просил благословения у бессмысленной массы". Сравните Быт. ххviii. 18, где мы видим, что Иаков установил камень, помазал его маслом и назвал это место Вефилем, и Ис. ххvii. 19, xl. 20, xlv. 10-20.

Я копирую следующие замечания из статьи г-на Селлона в "*Мемуарах Лондонского антропологического общества*" за 1868-4 гг. Говоря о Хиндостане, он замечает: "Как в каждой деревне есть свой храм, так и в каждом храме есть свой Лингам, и эти приходские Лингамы обычно от двух до трех футов в высоту и довольно широкие у основания. Сюда рано утром приходят деревенские девушки, которые ищут себе любовников или мужей. Они совершают люстрацию, окропляя бога водой, принесенной из Ганга; украшают лингама гирляндами из сладко пахнущих цветов билва; выполняют *мудру*, или жестикуляцию пальцами, и, произнося предписанные *мантры*, или заклинания, трутся об эмблему и просят божество сделать их плодовитыми матерями *пули-пулум* (то есть плодов ребенка).

"Это знаменитая Линга-пуджа, во время которой должны гореть *панчати*, или пять ламп, и часто звонить в *гантху*, или колокольчик, чтобы отпугнуть злых демонов. *Мала*, или четки из ста восьми круглых бусин, также используется в этой пудже".

См. также "*Индуистский пантеон*" Моора, табличка ххii, стр. 68, 69, 70. Опять же, в "*Дабистане*", труде, написанном на персидском языке путешествующим магометанином около 1660 года, и переведенном Дэвидом Ши для Фонда восточных переводов Великобритании и Ирландии (8 томов, 8vo., Allen and Co., Leadenhall Street, London), мы читаем, том ii, pp. 148-160: "Вера сактов состоит в том, что у Сивы, то есть Махадевы, который за небольшим исключением является высшим из божеств и величайшим из духов, есть супруга, которую они называют *Майя* Сакти..... У них сила жены Махадевы, которая является Бхавани, превосходит силу мужа. Ревностные представители этой секты поклоняются *лингаму Сивы*, хотя другие индусы также почитают его. *Лингу* называют детородным органом и говорят, оправдывая это поклонение, что поскольку мужчины и все живые существа получают свое существование от него, то и поклонение ему подобает. Как линга Махадевы, так они почитают *бхагу*, то есть женский орган. Один человек, хорошо знакомый с ними, сообщил, что, согласно их верованиям, главный алтарь, или главное место в мечети мусульманов, является эмблемой *бхаги*. Другой человек среди них сказал, что, поскольку только что названное место олицетворяет бхагу, минар или башня мечети представляет лингама". Далее автор описывает практику секты, которую можно резюмировать словами - абсолютная свобода любви.

Говоря о магометанских минаретах и башнях и шпилях христианских церквей, я могу упомянуть, что Лукиан описывает великолепный храм сирийской богини как имеющий два огромных фаллоса перед главным входом, и как в определенные времена года люди поднимались на их вершину и оставались там несколько дней, чтобы оттуда произносить молитвы верующих.

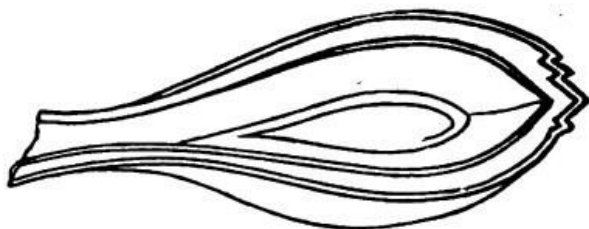

Figure 110.

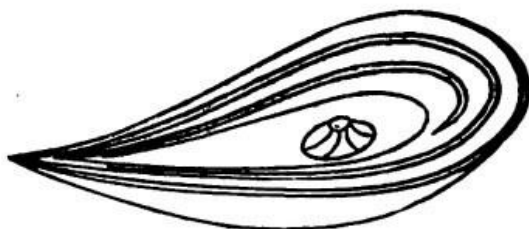

Figure 111.

Figure 112.

Рисунки 110, 111, оба из Moor, plate lxxxvi., представляют собой формы *argha*, или священного жертвенного кубка, чаши или тазика, которые изображают йони и некоторые другие вещи. См. Moor, *Hindu Pantheon*, pp. 898, 894.

Рисунок 112. Скопировано из Rawlinson's *Ancient Monarchies*, vol. i., p. 176, символизирует Иштар, ассирийскую представительницу Девы, Парвати, Изиды, Астарты, Венеры и Марии. Дева и ребенок встречаются повсюду, даже в древней Мексике.

Figure 113.

Рисунок 118 скопирован с Lajard, *Sur le Culte de Venus*, plate xix., fig. 6, и изображает мужчину и женщину как солнце и луну, таким образом определяя символический пол этих светил. Легенда, написанная пехлевийскими иероглифами, не была интерпретирована.

Рисунок 114 взят со средневековой гравюры на дереве, которую мне одолжил мой друг, мистер Джон Ньютон, которому я обязан знакомством со многими другими рисунками и привилегией копировать их. На ней Дева Мария изображена как Царица Небесная, кормящая своего младенца, и отождествляется с полумесяцем, эмблемой девственности. Находясь перед солнцем, она почти затмевает его свет. Ничто не может более полно отождествить христианскую мать и ребенка с Исидой и Гором, Иштар, Венерой, Юноной и множеством других языческих богинь, которых называли "царицей небесной", "царицей вселенной", "богоматерью", "супругой бога", "небесной девой", "небесной миротворицей" и т. д.

Рисунки 115, 116 - распространенные устройства в папских церквях и языческой символике. Они предназначены для обозначения солнца и луны в соединении, союза триады с единицей. Я могу мимоходом заметить, что мистер Ньютон показал мне несколько

средневековых гравюр, на которых молодые незамужние женщины в смешанном собрании были обозначены полумесяцем на лбу.

Figure 114.

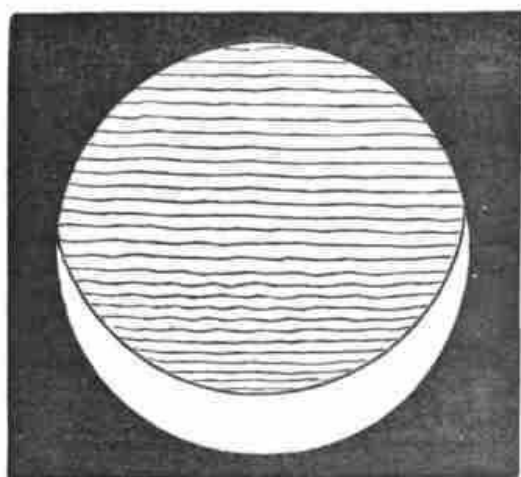

Figure 115.

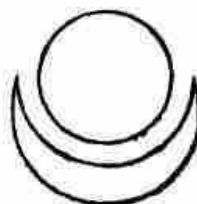

Figure 116.

Рисунок 117 представляет собой буддийский символ, или, скорее, копию бодхисатвы Майтына из монастыря Гопач в долине Непанг.

Figure 117.

Он взят из *Journal of Royal Asiatic Society*, vol. xviii., p. 894. Лошадиный башмак, как и *vesica piscis* римской церкви, указывает на йони; последний, взятый от какой-нибудь коровы, кобылы или осла, использовался в восточных районах, где мы сейчас используем обувь, для защиты от дурного глаза. Примечательно, что некоторые народы используют женский орган или его чучело в качестве талисмана от невезения, в то время как другие принимают мужской символ. В Ирландии, как мы уже отмечали, в прошлом веке над дверью некоторых церквей можно было увидеть высеченное из камня изображение женщины, бесстыдно выставляющей себя напоказ и называемой Шела-на-гиг.

Из сходства формы лошадиной туфли с "рощей" ассирийских поклоняющихся, и из мужчины, стоящего внутри нее, как символическая сосна стоит в месопотамской "Ашере", я думаю, мы можем справедливо заключить, что индийская, как и шемитская эмблема, типизирует союз полов - андрогинного творца.

О том, что некоторые буддисты смешивают сексуальность со своими представлениями о религии, можно судить по рисунку ii. из "*Атласа буддизма в Тибете*" Эмиля Шлагинтвейта, где Ваджарсаттва, "Бог превыше всего", представлен в виде сросшихся мужчины и женщины. От группы исходят лучи, как от солнца, и все они заключены в витиеватый овал, или конскую подкову, как на этом рисунке. Однако мало кто, кроме посвященных, с первого взгляда распознает природу этой группы.

Figure 118.

Я также могу мимоходом заметить, что у богини Долджанг (617-98 гг. н.э.) на руках и ногах есть стигматы, подобные тем, что были у Иисуса из Назарета и Франциска Ассизского.

На рисунке 118 представлена копия медали, выдаваемой паломникам у святилища Девы Марии в Лоретто. Ее одолжил мне мистер Ньютон, но гравер не сделал лицо матери и ребенка черным, как это обычно делают самые древние и знаменитые из них.

Вместо объяснения, данного в *"Древних верованиях"*, том ii, стр. 262, о выборе черной кожи для Марии и ее сына, д'Харканвиль предполагает, что она символизирует ночь, период, когда женское начало наиболее благосклонно или внимательно относится к своим обязанностям. Нет необходимости оспаривать это предположение, поскольку почти каждый символ имеет не одно толкование. Я тщетно искал хотя бы правдоподобную причину черноты священных дев и детей в некоторых папских святилищах, которая была бы совместима с приличиями и христианством. Ясно, что этот вопрос не выдержит света.

Figure 119.

Figure 120.

Рисунок 119 взят из книги Lajard, Op. Cit., plate iii., fig. 8. На нем изображены солнце, луна и звезда, вероятно, Венера.

Легенда написана по-финикийски и может быть прочитана как LNBRB. Леви в книге Siegel und Gemmen, Breslau, 1869, читает легенду [---], LKBRBO, но не пытается ее объяснить.

Рисунок 120 также взят у Ладжарда, пластина i., рис. 8. На нем изображен акт поклонения перед символами мужского и женского творцов, расположенных тремя парами. Вверху - небесные символы солнца и луны. Ниже - мужская пальма и перекладина [---], идентичная по значению с *sistrum*, то есть *virgo intacta*. Далее следуют мужская эмблема, конус, и женский символ, ромб или йони.

Figure 121.

На рисунке 121 также изображен поклоняющийся женскому символу, над которым возвышается семилучевая звезда, эмблема мужской потенции, а также солнца или небес. Обратите внимание - и это важно, - что рука, поднятая в знак поклонения, находится точно напротив их соединения. Сравните это с рис. 95, где объектом почитания является только женщина.

Лажард и другие утверждают, что почтение, подобное тому, что изображено здесь, действительно воздается в некоторых частях Палестины и Индии живому символу; поклоняющийся на согнутых коленях предлагает ему, *la bouche inférieure*, с тихой молитвой или без нее, свою пищу, прежде чем съесть ее. Соответствующее почтение женщины воздают мужской эмблеме какого-нибудь очень своеобразного святого факира, одна из особенностей которого заключается в том, что никакое возбуждение не стимулирует этот орган к тому, что можно назвать творческой энергией. Долгое время оставалось загадкой, как достигается такое состояние апатии, но современные наблюдения доказали, что это происходит из-за привычного использования тяжестей. Подобное почитание изображено на картине Пикара "*Религиозные церемонии всех людей мира*", оригинальное французское издание, пластина 71.

Figure 122.

Рисунок 122 скопирован из книги Брайанта *"Древняя мифология"*, третье издание, том iii, стр. 193. Этот автор утверждает, что скопировал его у Спанхейма, но не дает никакой другой ссылки. Это, по-видимому, греческая медаль, надпись на которой состоит из слова CAMIÛN. Считается, что на ней изображена Юнона, Сами или Селенитис со священным плащом. Фигура примечательна тем, что демонстрирует идентичность луны, ромбов и женщины. Сомнительно, что поза богини предназначена для изображения креста.

Поскольку в религиозной символике каждая деталь имеет свое значение, мы, естественно, догадываемся о смысле бусин, окаймляющих нижнюю часть ромбовидного одеяния. В

предыдущей статье мы уже отмечали, что Линга при поклонении иногда украшался бусинами, которые были плодами дерева, священного для Махадевы; на оригинале рис. 4, табличка xi. *выше*, четыре руки креста имеют ряд бусин, исходящих от них. На очень древней монете из Цитиума были найдены четки из бусин с крестом, расположенные вокруг формы лошадиной подковы; бусины являются обычным украшением индуистских божеств. Возможно, они используются только для украшения и не имеют религиозного значения; если у них есть последнее, мне не удалось его обнаружить.

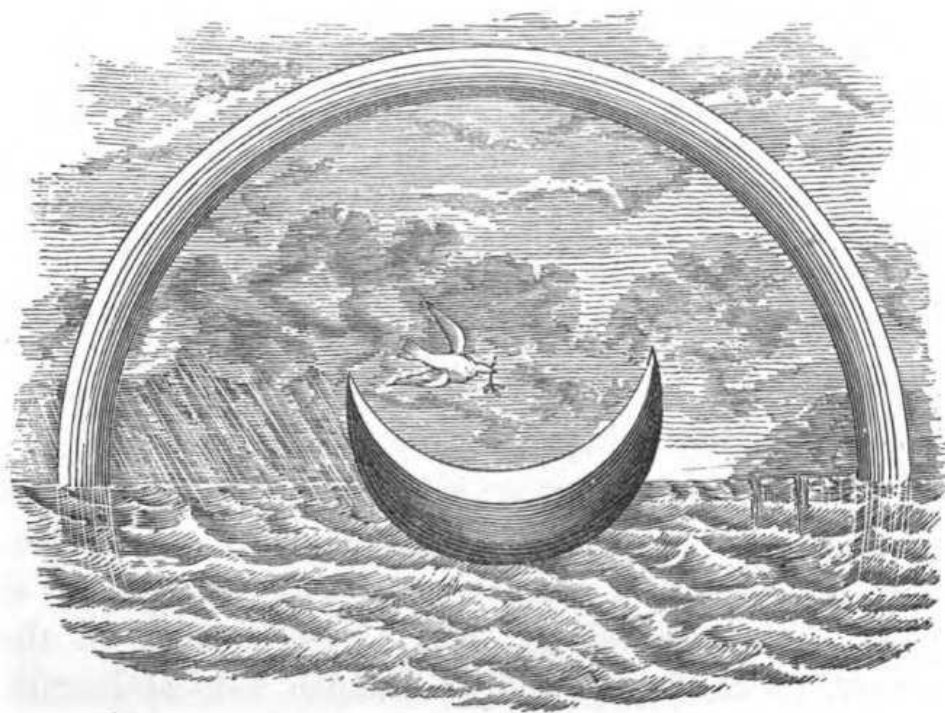

Figure 123.

Рисунок 128 представляет собой композицию, взятую из Bryant, vol. iv., p. 286. Скала, вода, полумесяц в виде ковчега и парящий над ним голубь - все это символично; но хотя автор рисунка правильно сгруппировал элементы, очевидно, что он не осознает их полного значения. Читатель легко поймет их истинное значение из наших статей о ковчеге и воде, а также из наших замечаний о голубе в *"Древних верованиях"*, второе издание.

Рисунок 124 скопирован из книги Маффея *"Gemme Antiche Figurate"*, том 8, лист xl. В оригинале фигура на столбе имеет ярко выраженный фаллический характер, а вся композиция указывает на то, что было связано с поклонением Приапу.

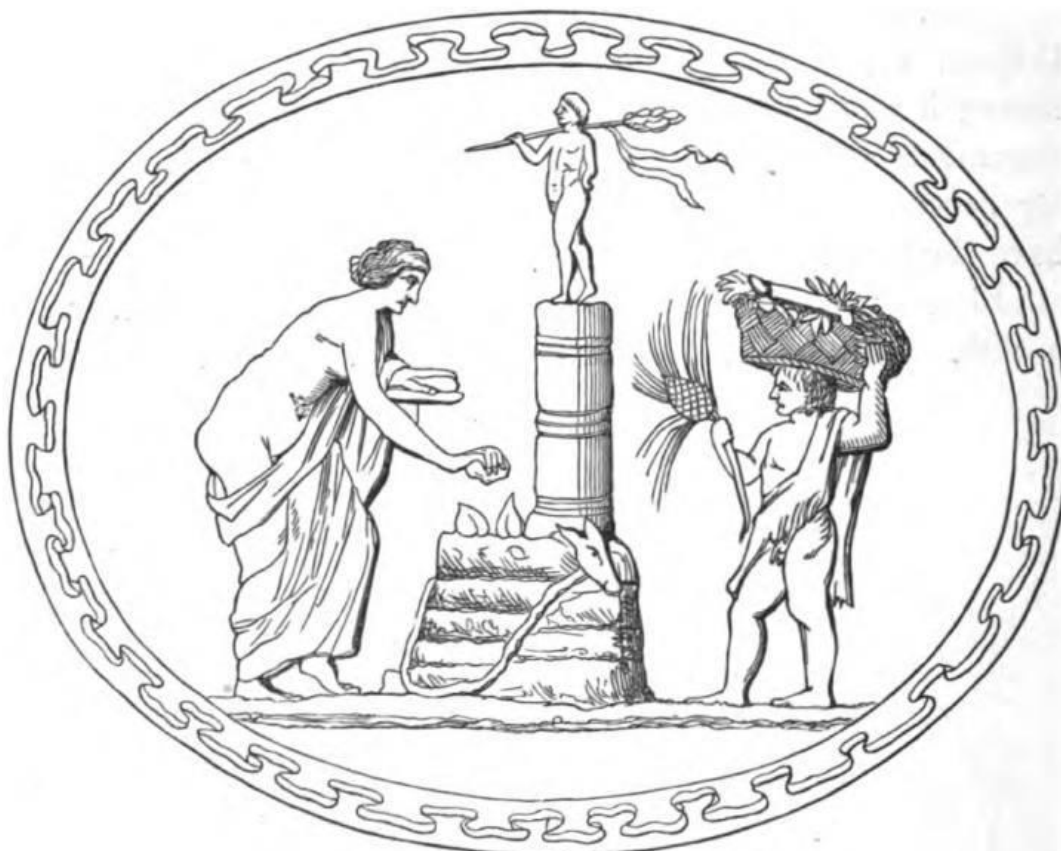

Figure 124.

Этот так называемый бог рассматривался в том же свете, что и святые Космо и Дамиан в Изераиде, и святой Футен в христианской Франции. И нет ничего удивительного в том, что церковь, обожествившая или сделавшая святыми копье и плащ под именами Лонгина и Амфибола, должна также принять "бога садов", освятить его как объект христианского поклонения и дать ему соответствующее имя и эмблему. Но святой покровитель Лампсака на самом деле не был божеством, а лишь своего рода святым, в чьи обязанности входило присматривать за определенными частями тела. Идея ангелов-хранителей когда-то была широко распространена, см. Матф. xviii. 10, где мы читаем, что у каждого ребенка есть небесный хранитель, который присматривает за его младенцем. Как языческие Гименей и Люцина присутствовали при свадьбах и родах, так и христианские Космо и Дамиан заботились о супругах и помогали им плодородить. Последним двум были предложены бесплодными женами восковые чучела той части, которая осталась от обнаженной фигуры на нашей тарелке. Языческому святому мы видим, как женщина-жертва предлагает листья айвы, эквивалентные *la feuille de sage*, яйцеобразный хлеб, по-видимому, пирог; также голову осла; в то время как ее сопровождающий предлагает сосновую шишку. Эта шишка у греков была священной для Кибелы, как и в Ассирии для Астарты или Иштар, которую там называли "матерью всех святых". В корзине лежат яблоки и фалли, которые, возможно, были сделаны из теста. См. "Эпиграммы" Марциала, р. xiv. 69. Этот камень ценен тем, что помогает нам понять значение сосновой шишки, принесенной в дар "роще", эквивалентной *le Verger de Cypris*. Столб и его основание имеют любопытное значение и демонстрируют, насколько художник может казаться невинным, в то время как посвященным он раскрывает тайну.

Figure 125.

Figure 126.

Figure 127.

Рисунки 125, 126, 127 - это различные приспособления для того, чтобы достойно показать то, что обычно считалось религиозным скрывать, *la bequile, au les instrumens*.

На рисунке 128 изображен тот же предмет; разрезы сгруппированы таким образом, чтобы показать, как палка с набалдашником, *le bâton*, превращается либо в изогнутый стержень, *la verge*, либо в священническую костыль, *le bâton pastoral*. Нет сомнений, что епископский посох - это презентабельное чучело очень частной и некогда весьма почитаемой части человеческого каркаса, которую в давно минувшие времена использовали этрусские авгуры, когда составляли карту неба, прежде чем заметить полет птиц. Возможно, мы должны быть благодарны паперии за то, что она посвятила Христу то, что так долго использовалось в том, что боги называют служением дьяволу.

Figure 128.

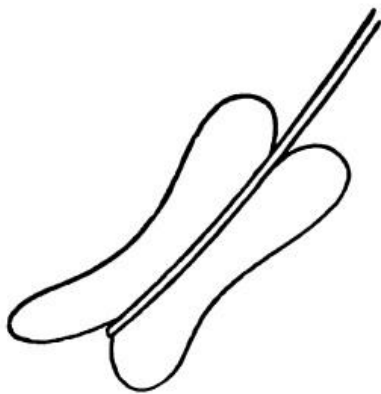

Figure 129.

Figure 130.

Figure 131.

Рисунки 129, 130, 131, как и предыдущие четыре, скопированы с различных античных драгоценных камней; рис. 129 представляет рулевое весло, *le timon*, и обычно держится в руке удачи, или, как сказали бы современные люди, "святой удачи", или *bonnes fortunes*; рис. 180 олицетворяет Купидона, или Святое Желание; это синоним *le dard*, или *la pique*; рис. 131 - форма, менее распространенная в драгоценных камнях; она представляет молот, *le marteau qui frappe l'enclume et forge les enfans*. У древних было столько же изобразительных эвфемизмов, как и у нас, и если их понять, они позволяют нам понять многие легенды, которые иначе были бы туманны; например, когда Фортуна, или удача, всегда изображаемая в виде женщины, имеет для своей характеристики *le timon*, а для ее девиза пословицу "Фортуна благоволит смелым", мы легко понимаем *двойное согласие*. Рулевое весло указывает на силу, знания, мастерство и храбрость того, кто им управляет; без такого проводника немногие лодки достигли бы благополучной гавани.

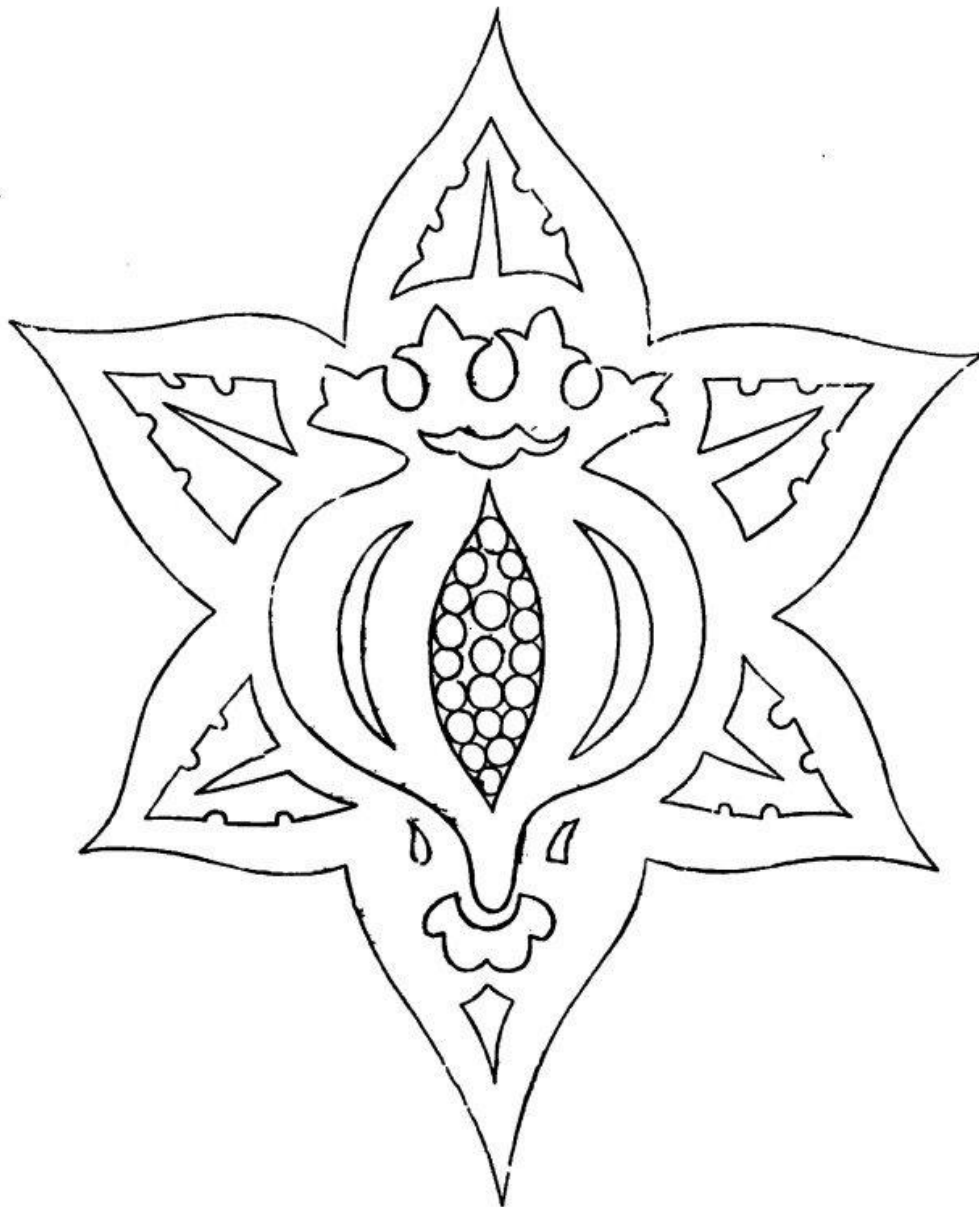

Figure 132.

Рисунок 132 скопирован с пластины ххix. из "Глоссария церковного орнамента" Пьюджина (Лонд., 1868). На рисунке изображен "узор для пеленания", и, полагаю, он полностью ортодоксален. Она состоит из двойного треугольника, см. рис. 20, 80, 81, 82, стр. 82, 88, эмблемы Сивы и Парвати, мужчины и женщины; Риммона - граната, эмблемы утробы, которая, как видно, полна семени через "*vesica piscis*", *la fente*, или *la porte de la vie*. Также представлены два новолуния, эмблемы Венеры, или *природы*. Корона над гранатом представляет триаду и число четыре, в то время как в оригинале группа, которую мы копируем, окружена различными формами триады, все они так же характерны для мужчины, как Риммон для женщины. Кроме того, триаду окружают круги, аналогичные другим символам, распространенным в Хиндостане.

Figure 133.

Рисунок 133 скопирован с *"Пантеона индусов"* Мавра, рi. ix., fig. 8. На нем изображена Бхавхани, Майя, Деви, Лакшми или Камала, одна из многочисленных форм, придаваемых женской природе. В одной руке она держит лотос, эмблему саморазвития, - в других подобных фигурах помещено чучело фаллоса, - а в другой - своего младенца Кришну, Кришну или Вишну. Такие группы встречаются как в Индии, так и в Италии, как в языческих храмах, так и в христианских церквях. Идея матери и ребенка изображена во всех древних странах, от искусства которых сохранились хоть какие-то остатки.

Figure 134.

Рисунок 184 взят с пластины ххiv., рис. 1, из *"Индуистского пантеона"* Моора. На нем изображен сюжет, часто встречающийся у индусов и греков, - андрогинизм, союз мужского и женского начал. Техническое название - Арддха-Нари. Мужчина с правой стороны несет эмблемы Сивы или Махадевы, женщина с левой - Парвати или Сакти. Бык и львица олицетворяют мужскую и женскую силу. Знак на храме указывает на союз двух начал; вокруг головы изображен ореол, как на современных изображениях святых. На этом рисунке Ганга поднимается от мужчины, идея в том, что поток от Махадевы такой же обильный и оплодотворяющий, как эта могучая река. Изображенная здесь метафора распространена на Востоке и в точности повторяет ту, что цитируется в Числ. ххiv. 7, а также из какой-то утерянной еврейской книги в Иоан. vii. 38. Следует заметить, что индусы выражают

андрогинность так же ярко, но в целом гораздо менее непристойно, чем греческие художники.

Figure 135.

Figure 136.

Рисунок 135 - это обычная египетская эмблема, которая, как говорят, обозначает вечность, но на самом деле она имеет другое значение. Змея и кольцо обозначают *l'andouille u l'anneau*. Хвост животного, который, кажется, заглатывает рот, - это *la queue dans la bouche*. По своему значению символ напоминает *crux ansata* и означает, что жизнь на земле становится вечной благодаря союзу полов. Кольцо, или круг, - один из символов Венеры, которая безразлично носит его или эмблему мужской триады. См. Maffei's *Gemme*, vol. iii., page 1, plate viii.

На рисунке 136 изображен *vesica piscis*, или рыбий пузырь; эмблема женщины и девственницы, как видно на двух следующих гравюрах.

Figure 187.

Рисунки 137, 138 скопированы с древнего Розария Пресвятой Девы Марии, напечатанного в Венеции в 1524 году с разрешения инквизиции; книга была предоставлена мне моим другом, мистером Ньютоном. На первом изображена та же часть, что и в ассирийской "роще". Ее можно с полным основанием назвать Священным Йони. Книга, о которой идет речь, содержит множество фигур, все они очень похожи на месопотамскую эмблему Иштар. Присутствие в ней женщины идентифицирует их как символ Исиды, или *природы*; а мужчина, склонившийся перед ней в знак поклонения, демонстрирует ту же идею, что и в ассирийских

скульптурах, где мужчины предлагают богине символы самих себя. Сравните рис. 68, 64, 65, 66, стр. 48 и далее.

Если бы мне удалось порыться в некогда знаменитой Александрийской библиотеке, вряд ли я смог бы найти какое-либо живописное изображение, более наглядно иллюстрирующее связь определенных символических форм друг с другом, чем рис. 138. Круг ангельских голов, образующих своего рода солнце, от которого исходят светящиеся лучи, и голубь, эмблема Венеры, бросают копье (*la pique*) на землю (*la terré*), или девственницу. После этого наступает плодородие.

Figure 138.

В греческой истории родителями творения были Уранос и Ге, или небо и земля, а Юпитер сошел с небес, чтобы оплодотворить Алкмену. Этот же миф преобладал у всех цивилизованных народов. Христианство переняло эту идею, лишь изменив имена соответствующих родителей, и приписало возрождение мира "святому дыханию" и Марии. Считается, что каждый человек, отличающийся мудростью, силой, добротой и т. д., был рожден небесным отцом от женщины. В рамках *vesica piscis* художники обычно изображают

саму Деву, с ребенком или без него; на рисунке перед нами ребенок занимает ее место. Трудно поверить, что церковники, санкционировавшие публикацию такой гравюры, могли быть столь же невежественны, как современные ритуалисты. Также трудно поверить, что последние, если бы знали истинное значение символов, используемых римской церковью, приняли бы их на вооружение.

Последние две фигуры, символизирующие поклонение перед божественными сексуальными эмблемами, дают мне возможность дать описание подобного культа, существующего в Хиндостане в настоящее время. Моим авторитетом является Г. Х. Уилсон в книге "*Очерки о религии индусов*", Trübner and Co., Лондон. "Поклонники, - замечает он, vol. i., p. 240, - Сакти, силы или энергии божественной природы в действии, чрезвычайно многочисленны среди всех классов индусов - около трех четвертей принадлежат к этой секте, в то время как только пятая часть - вайшнавизм и шестнадцатая - сайвасизм. Эта активная энергия олицетворяется, и форма, в которую она облекается, зависит от пристрастий человека. Наиболее любимая форма - Парвати, Бхавани или Дурга, супруга Сивы или Махадевы".

"Поклонение женскому принципу в отличие от божества, по-видимому, возникло в результате буквального толкования метафорического языка Вед, в которых *воля или цель создания* вселенной представлена как исходящая от творца и соответствующая ему как его невеста". В "Самаведе", например, говорится, что творцу не понравилось быть одному; он пожелал другого и заставил свое собственное "я" распасться на две части, и таким образом стал мужем и женой. Он подошел к ней, и так появились люди". Чувство или утверждение, которое мы можем отметить мимоходом, очень похоже на то, что говорится в Бытие, гл. I, 27, и ст. 1, 2, относительно Элохима - а именно, что он создал мужчину и женщину по своему образу и подобию, то есть как мужчину и женщину, бисексуальных, но объединенных - андрогинов.

"Этот женский принцип имеет бесчисленное множество имен, так как с ним отождествляются все богини, все нимфы и все женщины. Она - олицетворенный принцип - является матерью всех, так же как Махадева, мужской принцип, является отцом всех".

"Почитание Сакти может совершаться перед изображением любой богини - Пракрити, Лакшми, Бхавани, Дурги, Майи, Парвати или Деви - точно так же, как романисты могут молиться местной Марии или любой другой. Но в соответствии со слабостью человеческой природы, есть много тех, кто считает правильным воздавать свои почести самой вещи, а не абстракции. В этой форме поклонения требуется шесть элементов: плоть, рыба, вино, женщины, жестикуляция и *мантры*, которые состоят из различных бессмысленных односложных комбинаций букв, обладающих большой воображаемой эффективностью."

"Церемонии в основном проходят в смешанном обществе, Сакти олицетворяется обнаженной женщиной, которой предлагают мясо и вино, а затем распределяют среди компании. Они едят и пьют попеременно с жестикуляцией и мантрами, а когда религиозная часть дела закончена, мужчины и женщины бросаются вместе и предаются дикой оргии. Эта церемония называется *Шри Чакра* или *Пурнабхишека*, кольцо или полное посвящение".

В примечании, очевидно, написанном редактором, доктором Ростом, приводится полный отчет на санскрите о *сакти содхане*, как они предписаны в *Деви Рахасья*, разделе *Рудра Ямала*, чтобы доказать своим читателям, что *Шри Чакра* совершается по религиозному предписанию.

Мы узнаем, что женщина должна быть актрисой, танцовщицей, куртизанкой, прачкой, женой цирюльника, цветочницей, молочницей или преданной женщиной. Церемония должна

состояться в полночь с участием восьми, девяти или одиннадцати пар. Сначала произносятся различные мантры, затем девушку раздевают, но богато украшают, и помещают слева от описанного для этой цели круга (чакры), и после различных жестикуляций, мантр и формул она очищается, окропляясь вином. Если девушка начинающая, ей на ухо трижды шепчут радикальную мантру. Затем следует пир, чтобы Венера не томилась в отсутствие Цереры и Вакха, и теперь, когда в жилах бурлит кровь, актеров призывают делать то, что диктует желание, но никогда не увлекаться своим рвением настолько, чтобы пренебречь священными мантрами, подходящими для каждого акта и каждой его стадии.*

* Приведенные выше цитаты из работы Уилсона являются выдержками из его работы и работы его редактора. В оригинале наблюдения занимают более восемнадцати страниц и слишком длинны, чтобы приводить их целиком: опущенные части не имеют значения.

Fig. 139.

Fig. 140.

Fig. 141.

Fig. 142.

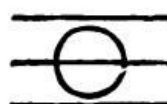

Fig. 143.

Fig. 144.

Fig. 145.

Fig. 146.

Fig. 147.

Fig. 148.

Fig. 149.

Fig. 150.

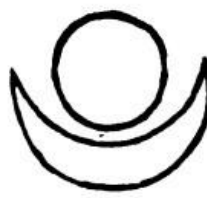

Fig. 151.

Fig. 152.

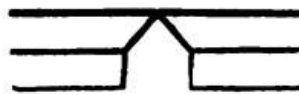

Fig. 153.

Естественно, что такая религия должна быть популярной, особенно среди молодежи обоих полов.

Рисунки 139-158 скопированы с *"Индуистского пантеона"* Мавра; это сектантские знаки в Индии, которые обычно рисуют на лбу. Многие из них напоминают так называемые "знаки каменщика", то есть узоры, найденные на обработанных камнях в различных древних сооружениях, как и наши собственные "торговые марки". Они представлены здесь для иллюстрации различных рисунков, используемых для обозначения союза "троицы" и

"единства", а также многочисленных форм, представляющих *"la nature"* Априори кажется абсурдным предположить, что глаз мог когда-либо символизировать что-либо, кроме зрения; но мифос Индры, приведенный в *"Древних верованиях"*, второе издание, том п., р. 649, и р. 7 *выше*, доказывает, что он имеет другое и скрытое значение. Эти фигуры одинаково символизируют "троицу", "девственницу" и "четверку". Рисунок 154 взят из Пьюджина, пластина v., рисунок 3. Это набросок нагрудного украшения, которое носил какой-то римский священник в Италии, около 1400 года; оно представляет собой египетский *crux ansata* в другой форме, Т означает триаду.

Figure 154 is from Pugin, plate v., figure 3. It is the outline of a pectoral ornament worn by some Roman eccle-

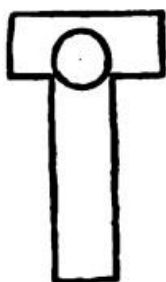
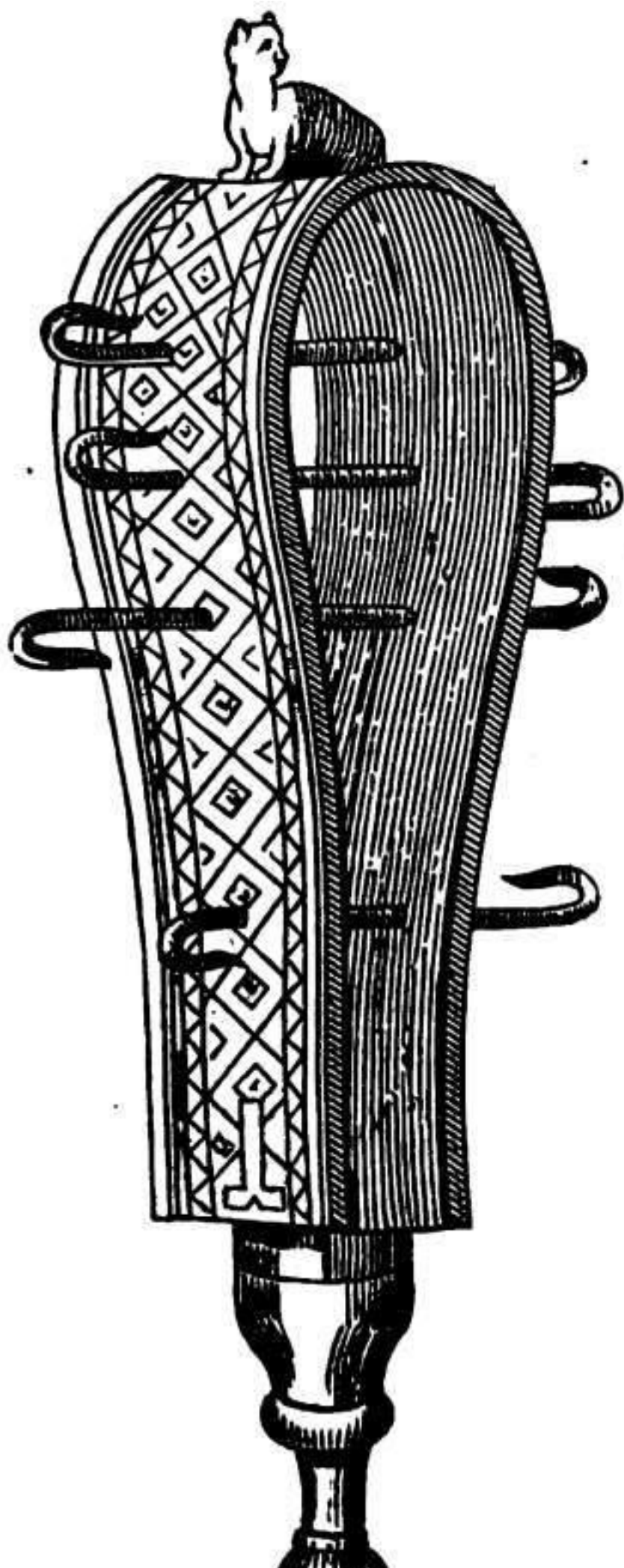

Figure 154.

siastic in Italy, A. D. 1400 ; it represents the Egyptian *crux ansata* under another form, the T signifying the triad, the O the unit.

Рисунки 155, 156 представляют собой различные формы систрума, одной из эмблем Исиды. В последнем случае тройные перекладины имеют одно значение, которое легко подскажет тот, кто знает значение триады. В первом случае эмблема Троицы, которую мы были вынуждены условно обозначить, изображена особым образом. Поперечные полосы указывают на то, что Исида - девственница. Кошка в верхней части инструмента обозначает "желание", Купидона или Эроса. Рис. 155 скопирован с пластины ix., *"Поклонение Приапу"* Р. П. Найта.

На рис. 157 изображены чаша и облатка, которые можно найти в руках многих папских епископов; они одинаково символизируют солнце и луну, а также элементы Евхаристии. См. Пьюджин, пластина iv., рис. 5, 6, изображен храм в традиционной форме; внизу - Церера, сидящая в орнаменте в форме лошадиной туфли.

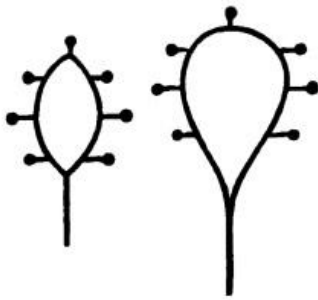

Figure 156.

Figure 157.

Figure 158.

Это, наряду с другими символами, показывает то, что мы так часто замечали ранее, что женщина в творении характеризуется большим разнообразием конструкций, о чем последующие гравюры на дереве дают нам дополнительные доказательства.

На рисунке 159 представлены различные формы, символизирующие Юнону, Исиду, Парвати, Иштар, Марию, или женщину, или девственницу.

Рисунки 160, 161, 162 скопированы из книги Одсли *"Христианский символизм"* (Лондон, 1868). Они представляют собой украшения, которые носит Дева Мария, и изображают ее в виде полумесяца, соединенного с крестом (на рис. 160), с воротником Изиды (на рис. 161) и с двойным треугольником (на рис. 162).

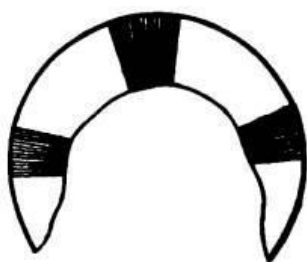

Figure 160.

Figure 161.

Figure 162.

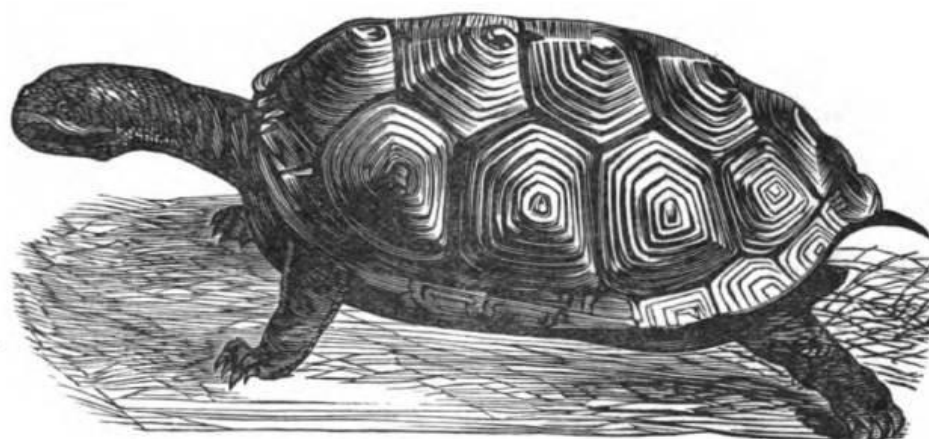
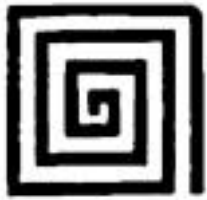

Figure 163.

На рисунке 163 изображена черепаха. Когда видишь сходство между головой и шеей этого существа и лингамом, становится понятно, почему и в Индии, и в Греции это животное считается священным для богини, олицетворяющей женщину-создателя, и почему в индуистских мифах говорится, что оно поддерживает мир.

В Британском музее хранятся три ассирийских обелиска, на всех из которых самым заметным образом изображен фаллос, причем один из них, очевидно, обрезан. Тело занято надписью о продаже земли, а также фигурой правящего царя, в то время как на части, известной как *головка пениса*, изображен ряд символов, которые, очевидно, предназначены для обозначения генеративных сил в творении. Мужчина обозначен змеей, наконечником копья, зайцем, тигром, петухом и черепахой. Женщина изображена точно в такой же форме, как и на голове египетской Исида, рис. 28. Черепаха и по сей день является мужской эмблемой в Японии. См. рис. 174, 175.

Но нет необходимости всегда изображать само животное, так как я обнаружил, что и в ассирийском, и в греческом искусстве черепаха изображается под фигурой, несколько напоминающей отметки на сегментах, на которые разделен панцирь. В символизме очень часто часть обозначает целое; так, яйцо выполняет функцию триады, а мужчина иногда изображается лопатой. Женщина подобным образом представлена гребнем или зеркалом; а золотое руно в первую очередь символизирует "рошу", которую оно заслоняет, и женщину, которая обладает и тем, и другим.

На стр. 19 *выше* говорилось, что Павсаний упоминает о том, что видел в каком-то месте Греции одну фигуру Венеры, стоящую на черепахе, а другую - на баране, но он оставляет на усмотрение гениальных людей, чтобы выяснить, почему возникла такая ассоциация.

Именно это предчувствие заставило меня определить черепаху как мужской символ. Любой человек, который когда-либо наблюдал за этим существом в состоянии покоя и видел движения головы и шеи, когда четвероногий возбужден, поймет, почему это животное дорого богине любовного наслаждения и что оно может ей напоминать. Так же и те, кто знаком с бараном, знают, что он отличается упорством и чрезмерной энергичностью. Как и кошка, чья ласковость стала причиной ее почитания в Египте, баран был в этой стране также священным, как и бык в Ассирии и Индостане.

Фактически, все, что по форме, повадкам или звуку могло напомнить человечеству о создателях и первой части творения, почиталось с благоговением. Так, высокие камни или естественные вершины скал, пальмы, сосны и дубы, смоковница и плющ с их трехгранными листьями, мандрагора с ее странной человеческой формой, большой и безымянный пальцы символизировали Бэла, Ваала, Ашера или Махадеву. Подобным образом яма в земле, расщелина в скале, глубокая пещера, мирт по форме листа, рыба по запаху, дельфин и кефаль по названиям, голубь по ноте, а также любое скромное укромное местечко, окруженное густым кустарником, символизировали женщину.

Меч и ножны, стрела и мишень, копье и щит, плуг и борозда, лопата и траншея, столб у колодца, большой палец, просунутый между двумя указательными пальцами или захваченный рукой, и множество других вещей были типичными для союза, который приводит к образованию нового существа.

Я не могу не считать сексуальный элемент ключом, открывающим почти все замки символизма, и как бы нам ни не нравилась мысль о том, что современные религиоведы взяли на вооружение эмблемы непристойного культа, мы не можем отрицать тот факт, что это так, и можем надеяться, что с осознанием их нечистоты мы перестанем верить, основываясь на троице и девственнице - лингаме и йони. Возможно, кто-то еще цепляется за такую доктрину, но для меня она просто ужасна - богохульна и язычна.

Figure 164.

Figure 165.

На рисунках 164, 165 изображены языческий и христианский крест и троица. Первый скопирован с рисунка Б. П. Найта (табличка х., рис. 1) и представляет собой фигуру, найденную на древней монете Аполлони. Второй можно увидеть в любой из наших церквей в наши дни.

Рисунок 166 взят из старой папской книги, одолженной мне мистером Ньютоном, *Missale Romanum*, иллюстрированной монахом (Венеция, 1509). На нем изображен исповедник римской церкви, который носит *cruх ansata*, египетский символ жизни, эмблему четырех творцов, вместо обычного *паллиума*.

Figure 166.

Примечательно, что христианская церковь должна была принять так много языческих символов, как это сделал Рим. Рисунок 167 скопирован с небольшой бронзовой фигурки из коллекции Майера в Свободном музее Ливерпуля. На ней изображен женский творец, держащий в руке хорошо обозначенный лингама, и это эмблема четырех, или троицы и девы.

Figure 167.

На рисунке 168 изображены два египетских божества в поклонении перед эмблемой мужского начала, которая очень похожа на ирландскую круглую башню.

Figure 168.

Figure 169.

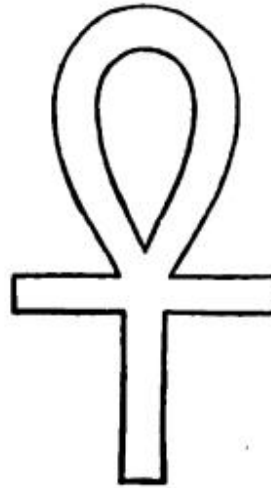

Figure 170.

На рисунке 169 представлен современный *паллиум*, который носят римские священники. Он представляет собой древний систрум Исиды и йони индусов. Он символизирует небесную девственницу и единицу в творческой четверке. Когда его надевает христианский священник, он напоминает языческих мужчин-поклонников, которые надевали женское платье, когда служили перед алтарем или святилищем богини. Возможно, древнееврейский эфод имел такую же форму и природу.

Рисунок 170 представляет собой копию древнего *паллиума*, который носили папские епископы три или четыре века назад. Это древнеегипетский символ, описанный выше. Его общее название - *crux ansata*, или крест с рукояткой.

На рисунке 171 изображена альба, которую носят римские и другие церковнослужители во время совершения мессы и т. д. Это просто копия сорочки, которую обычно носят женщины в качестве нижней одежды.

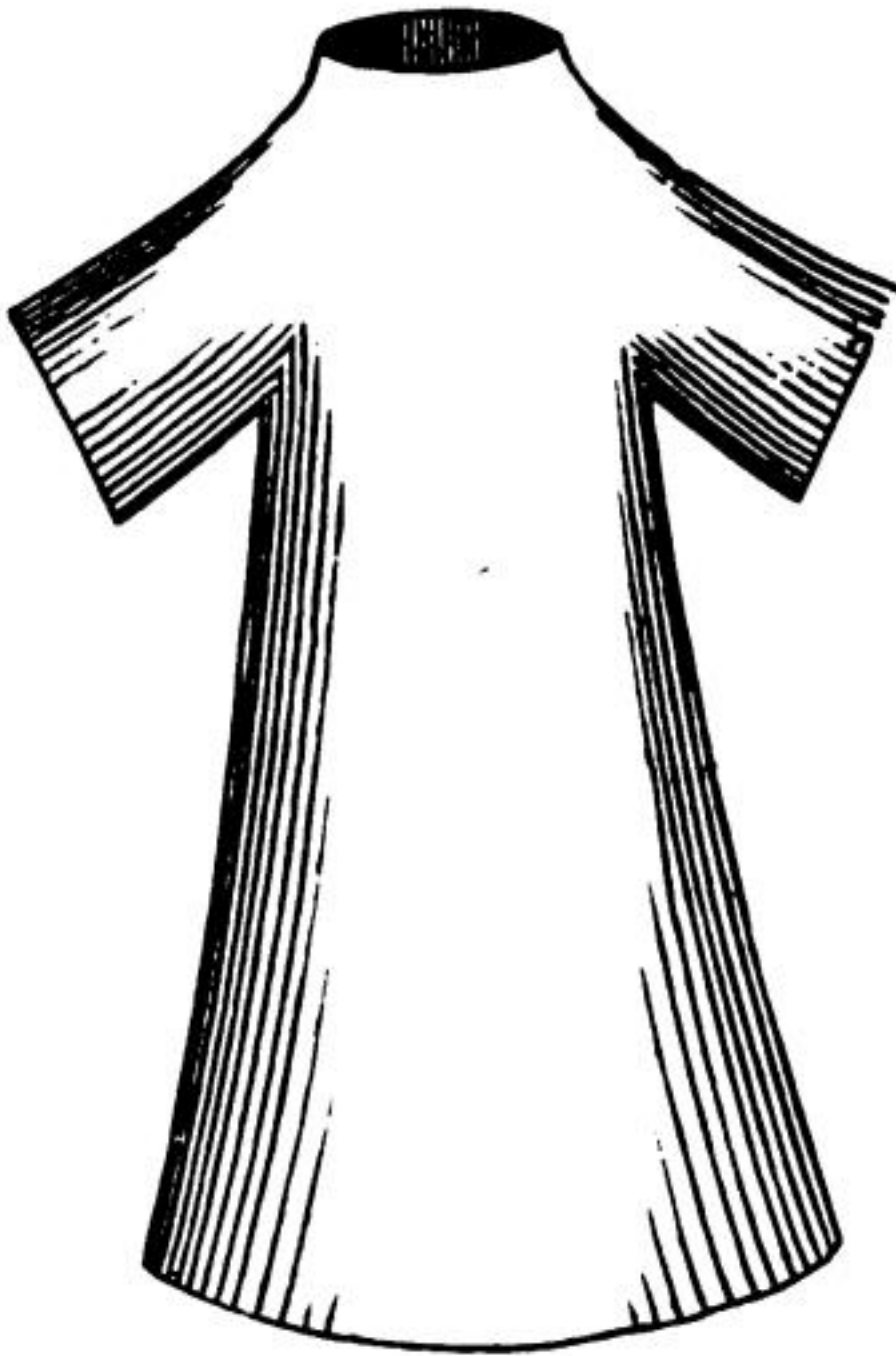

Figure 171.

На рисунке 172 изображен камзол, который носят папские иерархи. Он скопирован из "Глоссария" Пьюджина и др. По форме она напоминает *vesica piscis*, одну из самых распространенных эмблем йони. Его украшает триада. Когда его носит жрец, он образует мужской элемент, а вместе с мантией завершает священную четверку. Поклоняясь древним богиням, которых вытеснила Мария, священнослужители облачались в женские одежды. Отсюда использование сорочки и т.д. Даже тонзура на голове, перенятая у жрецов египетской Изиды, представляет собой "l'anneau"; так что на голове, плечах, груди и теле христианских священников мы можем видеть реликты поклонения Венере и обожания

женщины! Как ужасно все это звучало бы , если бы вместо завуалированного языка мы использовали вульгарные слова. Мысль о том, что мужчина украшает себя во время служения перед Богом и людьми изображениями тех частей тела, которые природа и цивилизация учат нас скрывать, была бы просто отвратительной, но когда говорят, что все это таинственно и связано со скрытыми знаками, почти все терпят, а многие восхваляют или восхищаются этим!

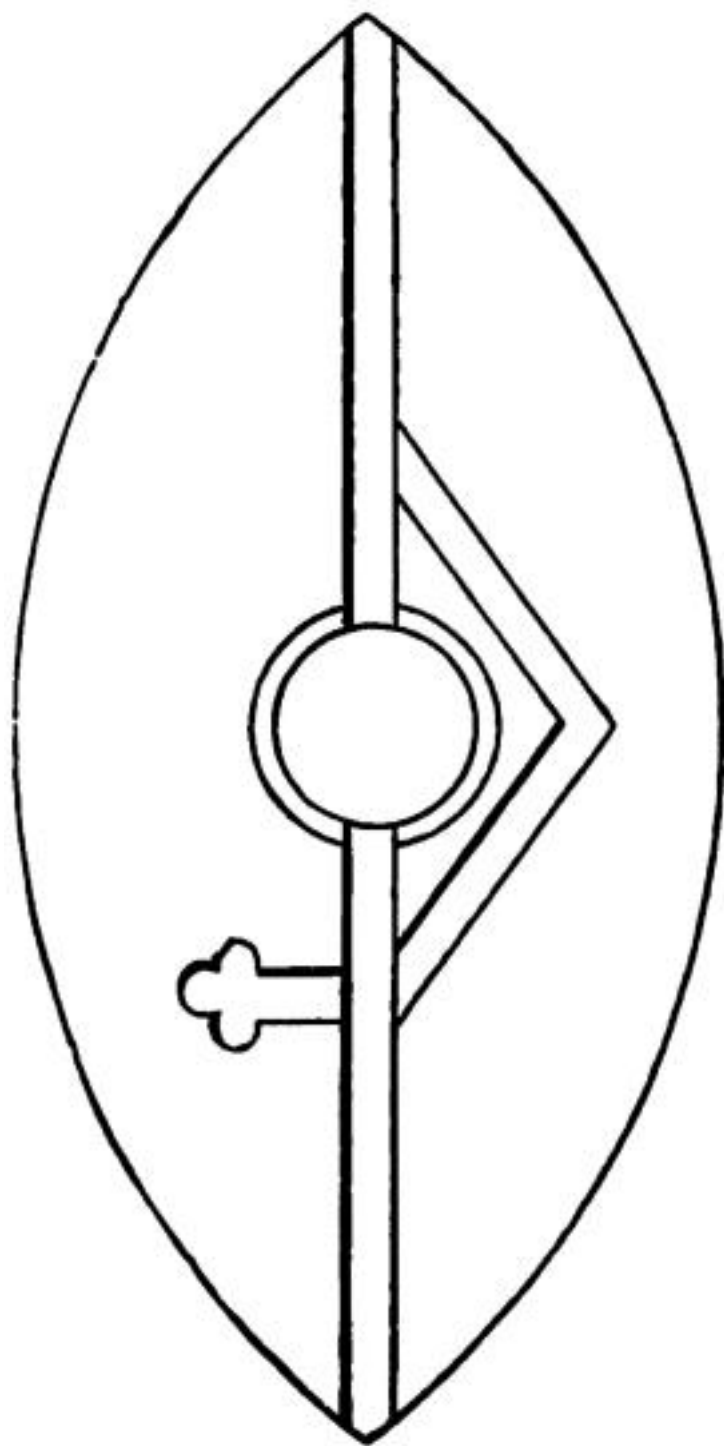

Figure 172.

ПРИЛОЖЕНИЕ: АССИРИЙСКАЯ "РОЩА" И ДРУГИЕ ЭМБЛЕМЫ

Джон Ньютон, M.R.C.S.

Изучение священных символов пока находится в зачаточном состоянии. До сих пор оно практически игнорировалось историками-сакралистами, и поэтому богатейший источник знаний по самому интересному из всех предметов - истории религиозной идеи в человеке - остается сравнительно неисследованным. Эта тема представляет двойной интерес, поскольку в равной степени относится и к настоящему, и к прошлому. Поскольку ничто на земле не является более консервативным, чем религия, среди нас все еще существует мир символизма, который намного старше наших сект и книг, наших вероучений и статей, реликтов забытого, доисторического прошлого. Считается, что за несметные века до изобретения письменности люди пытались выразить свои идеи в зримых формах. Но как может дикарь, не умеющий сосчитать свои пальцы до пяти и не имеющий представления об абстрактном числе, кроме вещей, чьи привычки и мысли земные, сформировать представление о высоком и святом Том, Кто обитает в вечности? Даже при самых высоких формах древней цивилизации существует множество доказательств того, что воображение людей, размышляющих над идеей Невидимого и Бесконечного, было ограничено теми вещами, которые были представлены в их повседневном опыте, и которые больше всего двигали их страстями, надеждами и страхами. Через них они пытались воплотить те религиозные идеи, которые чувствовали. Они не могли учить других, не имея видимых символов, которые помогали бы им в их представлениях; а эмблемы были скорее костылями для слабоумных, чем крыльями, помогающими здоровым взлететь. Человечество во все века цеплялось за видимое и осязаемое. Люди мало заботились об абстрактном и невидимом. Израильтяне предпочли золотого тельца невидимому Иегове; и чувственные формы поклонения до сих пор очаровывают толпы людей.

Изучая коллекцию символов, собранных из разных времен и эпох, подобную той, что представлена в этом томе, я уверен, что каждый умный студент не раз задавал себе вопрос: нет ли какого-то ключа, который отпирает эти загадки, какой-то великой идеи, которая проходит через них все, соединяя их, как нить бус? Я верю, что он есть, и искать его не так уж далеко. Чего больше всего желают и жаждут люди? *Жизни*. "Кожа за кожу; все, что есть у человека, он отдаст за жизнь свою", - это изречение так же верно сейчас, как и во времена Иова. "Верните мне мою молодость, и я отдам вам все, что у меня есть", - сказал престарелый Вольтер своему врачу. А наш поэт-лауреат воспел,

"Это жизнь, где наши нервы скудны,
О жизнь, а не смерть, к которой мы стремимся;
Больше жизни, и полнее, что я хочу".

Но мы должны добавить, как неизбежно содержащиеся в идее Жизни в ее высшем смысле, *те вещи, которые делают Жизнь желанной*.

Полнота жизни была *summit bonum*, высшим благом, о котором человечество мечтало во все века и времена. Ради этого трудились алхимики, но не для того, чтобы продвинуть химию, а чтобы открыть Эликсир Жизни и Философский Камень. Но то, что природа отказала науке, боги, как считалось, непременно отдадут благочестивым! И славный приз, о котором идет

речь, был обещан каждой религией. "Я пришел, чтобы имели жизнь и имели ее с избытком". Жизнь - вот награда, которая была обещана в каждой системе, включая систему основателя христианства. Посреди рая, описанного в книге Бытия, стояло древо жизни; и когда первая человеческая пара ослушалась повеления Создателя, они были наказаны тем, что были отрезаны от вечного источника жизненной силы, чтобы не есть его плодов и не жить вечно; и во втором раю, который обещает благословенным автор книги Откровения, снова будет стоять древо жизни "для исцеления народов". В Еврейских Писаниях доброму человеку обещана долгая жизнь, процветание и многочисленное потомство. "Юность твоя обновится, как у орла"* (Пс. ciii. 5).

В чудесной теологии Древнего Египта, которая наконец-то открылась нам, "Ритуал мертвых" празднует мистическое восстановление тела умершего, части которого должны быть воссоединены, как части Осириса были воссоединены Исидой; записываются испытания, через которые проходит умерший, и посредством которых стираются все оставшиеся пятна тления; и запись заканчивается, когда умерший рождается вновь славным, как то Солнце, которое символизировало египетское воскресение**.

* Святой Павел указывает (Еф. vi. 2), что только к одной из десяти заповедей добавлено обетование. И что же это за обещание? "Да будут дни твои долгими". (Исх. xx. 12.) См. также Псалом cxxxiii. 3, "благословение, даже жизнь навеки".

** Апулей, посвященный в тайны Исиды, сообщает нам, что наградой, обещанной ее почитателям, была долгая жизнь. (Metam. cap. xi.).

В древней мифологии Индии рассказывается о том, что в давние времена боги объединились в совет, чтобы одним величайшим усилием добыть чашу бессмертия Амриту, которую после успеха своего замысла они распивают со своими поклонниками. Даже для буддиста его холодное, атеистическое вероучение обещает нирвану, избавление от ужасов метемпсихоза, пристанище вечного покоя, где "смерти уже не будет, ни печали, ни плача, ни боли уже не будет, ибо прежнее прошло"; "там измученные успокоятся". Откр. xxi. 4, Иов iii. 17.

Эта идея спокойствия разительно отличается от рая, обещанного религией севера Европы, которая была наиболее благоприятна для людей, чьей отрадой были завоевания и сражения. Те, кто вел героическую жизнь или храбро погибал в бою, возносились в Валгаллу; вечная жизнь, ожидавшая их там, должна была пройти в сценах, вызывавших восторг у датчан или саксонцев. Каждый день в этой обители блаженства должен был проходить в яростном противостоянии, в борьбе армий и расщеплении щитов; но вечером противостояние должно было прекратиться, все раны должны были внезапно исцелиться. Затем воины должны были сесть на пир, где в сопровождении прекрасных девиц они могли пировать, поедая истощенную плоть вепря Сэхримнира, и пить огромные порции медовухи из черепов тех врагов, которые не достигли славы Валгаллы.

Рай, обещанный Магометом верующим, полон чувственных наслаждений. Арабский пророк с восторгом описывает его сады и дворцы, реки и чащи. Семьдесят две чаши, или черноглазые девушки, радующие красотой и вечно цветущей молодостью, будут созданы для пользования самого захудалого верующего; миг наслаждения будет продлен до тысячи лет, а его силы увеличатся во сто крат, чтобы сделать его достойным своего блаженства.

Таким образом, мы видим, что во всех этих великих исторических верованиях приз, предлагаемый истинному верующему, имеет одну общую черту: *жизнь, переполненная*,

вечно обновляющаяся, с добавлением тех вещей, которые делают жизнь желанной для людей; будь то чувственные удовольствия или те, которые, согласно более высокому идеалу христианства, суммируются в Жизнь, как временную, так и вечную, в свете Божьем.

В таком случае можно ожидать, что символы каждой религии будут в той или иной форме воспроизводить общий для всех идеал. Самые ранние и грубые верования довольствовались грубыми и простыми эмблемами жизни. В более поздних и утонченных формах поклонения грубые типы были в значительной степени условны и заменены более сложным и менее очевидным символизмом.

Теперь мы перейдем к исследованию более примитивных эмблем. Происхождение жизни даже для нас, со всем нашим светом, является такой же великой тайной, какой она была для древних. Первобытным расам человечества образование нового существа представлялось постоянным чудом, и люди очень естественно использовали в качестве символов жизни и даже поклонялись тем предметам или органам, с помощью которых это чудо происходило. Так, славное солнце, этот "бог мира сего", источник жизни и света на нашей земле, было предметом обожания, а его чучело использовалось в качестве символа. Человечество с восторгом наблюдало за тем, как с каждым днем весной его лучи набирают силу, пока не наступало золотое великолепие середины лета, когда земля в течение самых длинных дней купалась в его лучах, в которых созревали плоды, начатые его возвращением к жизни. Когда же солнце вновь начинало свой путь вниз, к зимнему солнцестоянию, его почитатели печалились: казалось, что с наступлением декабря, когда его лучи едва достигали земли и вся природа, оцепеневшая и озябшая, погружалась в сон, похожий на смерть, оно становилось все бледнее и бледнее. Поэтому были учреждены праздники и посты, чтобы отметить начало различных фаз солнечного года, которые продолжаются с самого раннего известного периода, под разными названиями, до наших дней.

Ежедневное исчезновение и последующий восход солнца представлялись многим древним как истинное воскресение; таким образом, если восток считался источником света и тепла, счастья и славы, то запад ассоциировался с темнотой и холодом, разложением и смертью. Это привело к распространенному обычаю хоронить умерших так, чтобы после воскрешения они были обращены лицом к востоку, а также строить храмы и святилища с отверстием на восток. Чтобы добиться этого, Витрувий две тысячи лет назад дал четкие правила, которым до сих пор следуют христианские архитекторы.

Поклонение солнцу было распространено по всему древнему миру. Оно смешивалось с другими верованиями и принимало различные формы.* Из всех стихий земным символом был выбран огонь. Священный огонь, сначала разжигаемый чудесным образом, а затем поддерживаемый тщательной заботой жрецов или жриц, составлял важную часть религий Иудеи, Вавилонии, Персии, Греции и Рима, и это суеверие до сих пор живет среди нас.

* Мы можем отметить, что, согласно всем Евангелиям, Христос умер ближе к закату, и солнце затмилось, когда он умирал. Он воскрес ровно на рассвете.

До наступления Реформации на святилище в Килдэре (Ирландия) постоянно горел священный огонь, который сопровождали девы высокого ранга, называемые "*inghean au dagha*", или дочерьми огня. Каждый год в Иерусалиме повторяется церемония чудесного возжигания священного огня у предполагаемой усыпальницы, и мужчины и женщины толпятся, чтобы зажечь факелы у священного пламени, через которое они проходят с

обнаженным телом. Действительно, солнечные мифы составляют немаловажную часть античной мифологии. Так, смерть природы в зимнее время, вызванная уходом солнца, должна была быть вызвана скорбью богини-земли по поводу болезни и ухода в царство тьмы ее мужа и товарища, солнца.

Мистер Фокс Тальбот недавно дал перевод египетской поэмы, которой более трех тысяч лет, и темой которой является спуск Иштар в Аид. В этот край тьмы и смерти богиня отправляется в поисках своего возлюбленного Осириса, или Таммуза. Эта Иштар идентична ассирийской женщине в небесном квартете, более поздней финикийской Астарте, "Царице Небес с рогами-полумесяцами", богине Луны, а также греческой Афродите и римской Венере; египетская легенда вновь появляется на западе как траур Венеры по утрате Адониса.

Опять же, басня о Церере, оплакивающей смерть своей дочери Прозерпины, является еще одним солнечным мифом. Римская Церера - это греческая [-----], Мать-Земля, которая в зимнее время безутешно бродит по земле. Персефона, ее дочь, - это растительный мир, чьи семена или корни скрыты под землей во тьме зимы. Они, когда приходит весна с ее яркостью, распускаются и обитают в царстве света в течение части года, и своими плодами дают обильную пищу людям и животным. Солнце, как активная плодоносящая причина в природе, обычно считалось мужским. Так, в еврейских писаниях его сравнивают с "женихом, выходящим из палаты своей" (Пс. хix. 5), то есть с мужчиной, полным генеративной, детородной силы. Луна и земля, будучи восприимчивыми, естественно, считались женскими.

В день весеннего равноденствия древние праздновали свадьбу солнца и земли. Поскольку небесные светила и лик природы из года в год остаются неизменными, вечно обновляют свет и жизнь, сами оставаясь свежими и невредимыми, древние считали невесту и спутницу бога-солнца вечно девственной. Кроме того, поскольку древний месяц всегда отсчитывался по интервалу между одним новолунием и следующим, - интервалу, который также знаменует некое повторяющееся событие у женщин, прекращающееся сразу при наступлении беременности, - лунный полумесяц стал символом девственности, и в таком виде украшал чело греческой Артемиды и римской Дианы. В очень отдаленные времена он использовался в качестве талисмана и крепился над дверями первых обитателей озер в Швейцарии, как лошадиный башмак на современных столбах. С солнцем и луной часто ассоциировались пять видимых планет, образуя священную семерку, - фигуру, которая постоянно появляется в религиозных эмблемах.

Вот и все великие космические символы Жизни. Но первобытные расы человечества находили и другие, более близкие и наводящие на размышления - генеративные части в обоих полах, в результате соединения которых, казалось, была создана вся одушевленная жизнь и человечество, наиболее интересное из всех человеческих существ. Это почитание или поклонение органам генерации было прослежено до очень раннего периода в истории человеческой расы. В костяной пещере, недавно раскопанной недалеко от Венеции, под десятифутовым сталагмитом были найдены кости животных, кремневые орудия, костяная игла и фаллос из обожженной глины. А если мы обратимся к тем диким племенам, которые до сих пор воспроизводят для нас доисторическое прошлое, то эта форма религиозного символизма встретится нам повсюду. В Дагомее, за Ашантисом, она, по словам капитана Бартона, наиболее некомфортно заметна. На каждой улице их поселений стоят приапические фигуры. Древо жизни" помазывают пальмовым маслом, которое капает в горшок или черепок, поставленный под ним, и будущая мать детей молится перед этим изображением, чтобы великий бог Легба сделал ее плодотворной.

Бертон рассказывает, что он заглянул в храм или домик Эмба и обнаружил там здание с тремя дворами, из которых самый внутренний был своего рода святая святых. На его дверях были вырезаны изображения леопарда, рыбы, змеи и сухопутной черепахи. Первые две из них - женские символы, а две последние - мужские. Были также две грубые фигуры, изображающие их бога Обаталу, божество жизни, которому поклоняются в двух формах - мужской и женской. Напротив них находился мужской символ или фаллос, соединенный в *коитусе* с женской эмблемой. Дю Шайю встретился с некоторыми племенами в Африке, которые поклоняются только женщине. Его проводник, по его словам, носил с собой маленькое отвратительное изображение из дерева, и во время каждой трапезы он вынимал этот фетиш из кармана и возливал возлияние на его *ноги*, прежде чем выпить самому.

Известно, что подобное суеверие бытовало в Ирландии еще долгое время после прихода христианства. Там женщина, указывающая на свой символ, была помещена над порталом многих церквей в качестве защитника от злых духов; а тщательно проработанная, хотя и грубая манера, в которой были изваяны эти фигурки, показывает, что они считались объектами большой важности. У арабов Северной Африки было принято вывешивать над дверью дома или палатки половые органы коровы, кобылы или самки верблюда в качестве талисмана, отводящего сглаз. Фигура этого органа менее определена, чем мужского, поэтому в символизме он принимал самые разные формы. Самой распространенной заменой самого органа был конский башмак, который и по сей день закреплен на многих дверях конюшен и грузовых вагонов в этой стране, а раньше считалось, что он защищает скот от колдовства. Из оживленной истории Бериальда де Вервиля мы узнаем, что во Франции еще в XVI веке считалось, что вид женского органа является мощным талисманом, способным излечить любую болезнь и продлить жизнь счастливой обладательницы.

По мере развития цивилизации грубые символы творческой силы были отброшены, и изобретательность священников была доведена до предела, чтобы изобрести толпу менее очевидных эмблем, которые должны были представлять древние идеи в пристойной манере. Старая вера была сохранена, но в таинственной или сублимированной форме. В качестве символов мужского, или активного, начала в творении были приняты солнце, свет, огонь, факел, фаллос или лингама, прямоходящая змея, высокое прямое дерево, особенно пальма и ель или сосна. Не менее полезными для символизма были высокий вертикальный камень (менгир), конус, пирамида, большой или прямой палец, мачта, жезл, трезубец, узкая бутылка или амфора, лук, стрела, копье, лошадь, бык, лев и многие другие животные, олицетворяющие мужскую силу. В качестве символов женщины, пассивного, но плодотворного элемента творения, использовались полумесяц, земля, тьма, вода и ее эмблема - треугольник вершиной вниз, "йони", неглубокий сосуд или чаша для наливания жидкости (*cratera*), кольцо или овал, ромб, любая узкая расщелина, естественная или искусственная, арка или дверной проем. К этой же категории символов относились корабль или лодка, женская финиковая пальма, приносящая плоды, корова с теленком, рыба, плоды с множеством семян, такие как гранат, раковина (*concha*), пещера, сад, фонтан, беседка, роза, фига и другие предметы, имеющие наводящую форму, и т. д.

Эти два больших класса условных символов часто изображались в *сочетании друг с другом*, и таким образом в высшей степени символизировали великий источник жизни, вечно зарождающийся и вечно обновляющийся. Египетский храм в Дендерах был недавно исследован М. Мариеттом. В одной из ниш Святая Святых он обнаружил священную тайну. Это был просто золотой систрум (см. *выше*, с. 44 и 70), эмблема, образованная путем соединения женского овала О с мужским священным тау Т; таким образом, она идентична по смыслу грубой эмблеме, которую видел капитан Бертон в африканском храме идолов.

Похожей эмблемой является линга, стоящая в центре йони, поклонение которой и по сей день является характерным для главной догмы индуистской религии. Вряд ли в Индии найдется храм, в котором не было бы лингама; во многих случаях этот символ является единственной формой, в которой поклоняются великому богу Сиве. (См. *выше*, с. 72, 78.)

Линга обычно представляет собой высокий полированный цилиндрический черный камень, вставленный в другой камень, похожий на вытянутое блюдо, хотя на самом деле все изваяно из одного блока базальта. Очертания каркаса, напоминающего еврейскую арфу (традиционная форма женского члена), называются *аргха* или *йони*. Первый, или круглый перпендикулярный камень, тип мужского органа, - это *линга*. Весь символ, которому дано название *лингама*, также иногда называют *лингамом*. Этот представитель союза полов олицетворяет божественную *sacti*, или производительную энергию, в союзе с детородной, генеративной силой, наблюдаемой во всей природе. Земля была первобытным *пудендумом*, или *йони*, оплодотворяемым солнечным теплом, солнцем, первобытным *лингамом*, чьим живительным лучам человек, животные, растения и плоды земли обязаны своим бытием и постоянным существованием. Эти "лингамы" различаются по размеру - от крошечных амулетов, носимых на шее, до огромных монолитов храмов. Таким образом, лингам - это эмблема Творца, источника всей жизни, который в индуистской мифологии представлен как объединяющий в Себе оба пола.

Другой символ, *кадуцей*, более древний, чем греческое и римское искусство, в котором он ассоциируется с Эскулапием и Гермесом, богами здоровья и плодородия, имеет точно такое же значение, как систрум и лингама. Это достаточно ясно видно из следующего отрывка из письма доктора К. Э. Бальфура, опубликованного в книге Фергюссона *"Поклонение деревьям и змеям"*, 1878. "Я лишь однажды видел живых змей в форме эскулапова жезла. Это было в Ахмеднуггаре в 1841 году, в ясную лунную ночь. Они упали в сад с соломенной крыши моего дома и стояли прямо".

Все они были кобрами, и никто не мог бы увидеть их, не распознав сразу, что это конгресс". Коренные жители Индии считают, что наблюдать за змеями, которые так совокупляются, - большая удача, и верят, что если человек может бросить в пару ткань так, чтобы коснуться их ею, то материал превращается в репрезентативную форму Лакшми*, обладающую высочайшей добродетелью, и сохраняется в таком виде". Змея, которая сбрасывает кожу и, кажется, каждый год обновляет свою молодость, с самых отдаленных времен использовалась как живой символ генеративной энергии и бессмертия; действительно, в самых древних восточных языках название змеи также означает жизнь.** Обычно ей поклонялись как *Агатодоемону*, богу удачи, жизни и здоровья; хотя в еврейских писаниях и в других местах мы встречаем дуализм между добрым и злым змеем и восточным дуализмом. *Какодоемон*, однако, обычно изображается крылатым - драконом, как в следующем примере.

* Супруга, или животворящая энергия Вишну.

** Как и во французском языке, название мужского органа и жизни совпадает по звучанию, но не по написанию или роду.

На замечательной вавилонской печати, Plate iv., Fig. 8, божество представлено как объединяющее в себе мужское и женское начала. На каждой стороне - змея, как эмблема жизни, исходящей от Творца; та, что на мужской стороне, имеющая вокруг головы солнечную славу, сравнивается с богом-солнцем, как активным принципом в творении; та,

что на женской стороне, над головой которой лунный полумесяц, - с богиней Луны и Земли, пассивным принципом в творении. На обоих нападает крылатый дракон, Какодоемон, или злой принцип. Это соответствует древней халдейской доктрине о двух творениях живых существ, одно из которых доброе, а другое - злое. Китайцы до сих пор считают, что затмение вызвано попытками разъяренного дракона уничтожить солнце и луну; а Аполлон, бог солнца, уничтожающий змея Пифона, вновь появился на наших монетах в образе Святого Георгия, убивающего дракона. Даже Аполлион появляется на старых картинах с огромными крыльями, как у летучей мыши.

Объяснив таким образом то, что кажется ключом к широкому спектру религиозного символизма, и показав его применение во многих случаях, мы далее применим его для разгадки знаменитого объекта ассирийского поклонения. Вскоре после того, как были опубликованы открытия Ботты и Лэйарда, возникло предположение, что этот странный объект, который постоянно изображается как объект поклонения, может быть *ашерой* из еврейских писаний, которая в английской версии переводится как "роща". Насколько это предположение было верным, мы сейчас и рассмотрим.

Религия Востока в очень отдаленный период, по-видимому, была поклонением одному Богу под несколькими именами. Самым примитивным был *Эль, Иль или Аль*, = сильный, могущественный; или его множественное число *Элохим*, выражающее Его многочисленные силы и проявления. Другим именем было *Ваал или Бел*, владыка, которое также имело форму множественного числа, *Ваалим*. Первое слово постоянно используется в еврейских Писаниях и применяется как к истинному Богу, так и к богам народов. Ваал только один раз применяется таким образом, Осия ii. 16; однако Валаам, вдохновленный Богом, пророчествует с высот Ваала. Это имя, столь подходящее для Всевышнего, стало отвратительным для евреев, когда оно так часто ассоциировалось с идолопоклонством, и они приняли новое имя, или "Верховный", а именно Иегова, = Вечный, Вечно Живущий, Творец; см. Исход, iii. 14. "Ваал" был верховным богом всех великих сиро-финикийских народов, за незначительным исключением евреев; и когда последние переселились в Ханаан, их со всех сторон окружили его поклонники. Его именем называли города, храмы, людей, включая даже сына Саула, Давида и Ионафана, - Эшбаала, Мериббаала и Белиду. Как и бог солнца Ваал-Хаммон, Песнь песней Сол. viii. 11; 2 Цар. xxiii. 5; ему поклонялись на высоких местах, Числ. xxii. 41; над его алтарями появлялось изображение солнца, 2 Chron. xxxiv. 4. Как генеративная и производительная сила, он почитался в форме фаллоса, Ваал-Пеор; юноши и девы, даже высокого происхождения, протитуировали себя в его честь или служение, Числа xxv.; 2 Царств xxiii. 7. Как создатель, он представлялся то одного, то другого пола; Арнобий рассказывает, что поклоняющиеся ему обращались к нему с такими просьбами:

"Услышь нас, Ваал, бог ли ты или богиня".

Хотя в древнееврейском языке он мужского рода - господин, в Септуагинте Ваал называется [---], = госпожа; Ос. ii. 8; Зеф. i. 4; и в Новом Завете, Римляне xi. 4. При развратном поклонении этому андрогину, или двуполому богу, мужчины в определенных случаях надевали женские одежды, в то время как женщины появлялись в мужском одеянии, размахивая оружием. Каждое из имен этого бога имело женский аналог; женскими формами *Ваала* были *Белтис, Иштар и Аштарте*. Как он был богом солнца, так и она была богиней луны. В то время как мужское имя (как Бэль или Бэль, Баал, Баалим) встречается в еврейском Ветхом Завете почти сто раз, женский эквивалент встречается только три раза в единственном числе Ашторет и шесть раз во множественном Аштарот; всегда в связи с

поклонением Баалу. Зная, как мы знаем, о широком распространении ее поклонения среди вавилонян, ассирийцев и финикийцев, это кажется странным. В древнееврейском языке двадцать четыре раза встречается слово женского рода - Ашера или *Ашара*; множественное число *Ашарт* переводится в Септуагинте и латинской Вульгате как "дерево" или "роща", в чем им следуют большинство современных версий, включая английскую. Это восполняет пробел, поскольку *Ашара* может рассматриваться как другое имя богини *Ашторет*, как ясно видно из следующих отрывков: "Они оставили Иегову и служили Ваалу и Ашторет"; Судьи ii. 18; в то время как в следующей главе мы читаем: "Они забыли Иегову, Бога своего, и служили Ваалам и Ашароту"; iii. 7. Что же представлял собой *Ашара*? Она была деревянной и большого размера; евреям было приказано срубить ее; Исх. xxxiv. 18 и т. д.; Геден принес быка в жертву всесожжения на дереве Ашеры. Иногда она была каменной. Ее вырезали или высекали в виде изображения; 2 Цар. xxi. 7. Она часто стояла рядом с жертвенником Ваала; Судей vi. 25 и 80; 1 Царств xvi. 82, 88; 2 Хрон. xxxiii. 8. Обычно на высоких местах и под тенистыми деревьями; 1 Цар. xiv. 28; Иер. xvii. 2; но один был воздвигнут в храме Иеговы Манассией; 2 Цар. xxi. 7. У него были священники; 1 Цар. xviii. 19; и поклонение ей было столь же популярным, как и поклонение Ваалу, ибо если жрецов "Ваала" было четыреста пятьдесят, то жрецов "Ашеры" - четыреста, которые ели за столом царицы Иезавели, дочери Этбаала, царя Сидонского. Иногда она была окружена завесами, и ей поклонялись представители обоих полов, совершая развратные обряды; 2 Цар. xxiii. 7; Иезек. xvi. 16. Как Ваал был связан с поклонением солнцу, так и Ашера - с поклонением луне; 2 Цар. xxi. 8; 2 Хрон. xxxiv. 4.

Кроме этих Ашерот, женских эмблем Ваала, существовали Ашерим, мужские эмблемы Ваала, "символизирующие его генеративную силу" (Furst, Hebrew Lexicon), которые шестнадцать раз упоминаются в еврейских писаниях. Оно встречается только во множественном числе и, должно быть, является множественным представлением единственного числа, Ашер, которое означает "быть твердым, сильным, прямым, процветающим, счастливым", * и однокоренное с финикийским (Осир), "муж", "господин", эпитет Ваала.

* Лупанары в Помпеях отличались табличкой над дверью, изображавшей эрегированный фаллос, нарисованный или вырезанный, с надписью внизу: "Hic habitat felicitas".

Несомненно, он также был идентичен египетскому Осирису, = солнцу, = фаллосу. Считалось, что он страдал от смерти, как солнце; и Плутарх рассказывает, что Исида, не сумев обнаружить все останки своего мужа, освятила фаллос как его представителя. Таким образом, "ашарим" были мужскими символами, используемыми в поклонении Ваалу, и иногда состояли из множества фаллосов, из которых ветвь, которую несет ассирийский жрец, изображенная на рис. 4. Рис. 4, является условной формой. Они были аналогами "мультимамми" греческого и римского культа.* Это подтверждает любопытный отрывок из 1 Царств xv. 13 (повтор 2 Хрон. xv. 16). Мы узнаем (xiv. 28), что иудеи при Ровоаме, сыне Соломона, впав в идолопоклонство, "построили себе горницы, изображения и ашаримы ("рощи") на каждом высоком холме и под каждым зеленым деревом; и были также освященные ("содомиты", A. V.) в земле". Но Аса, его брат, вступив на престол, сместил все это и (xv. 18) низложил царицу-мать Мааху, потому что она сделала *мифлетсет* Ашере ("идол в роще", A. V.) *Мифлетсет*, переводится Вульгатой как "симулякр Приапи". Слово происходит от *palatz*, "быть разбитым", "ужасаться", или однокоренного, *phalash*, *palash*, "разбивать или проходить через", "открывать путь"; слово или корень встречается в древнееврейском, финикийском, сирийском и эфиопском языках. Несомненно, греческое [--] *phallus*, было производным, так как оно не имеет самостоятельного значения в греческом

языке; а Геродот и Диодор прямо утверждают, что главные боги Греции и их мистерии, особенно дионисийские или вакхические празднества, в которых *фаллос* несли в процессии, были заимствованы с востока. Сравните также латинское *pales*, английское *pale, pole, = Maypole*. Аналогичное слово с соответствующим значением существует в санскрите. Итак, согласно древнееврейским писаниям, в поклонении Ваалу использовались два главных символа: один мужской, другой женский.

См. рис. 15, 16.

Теперь мы можем рассмотреть сами символы, которые так использовались - возможно, самые примечательные из существующих. Хорошо известно, что халдеи, от которых все другие народы переняли свою религию, астрономию и науку, дали имя Бел или Ваал своему главному богу. В самой древней из расшифрованных надписей, написанных на вавилонском и аркадском языках, царь правит "по благосклонности Бэла". Другое имя Баала - Ассур, или Ашер, от которого получила название Ассирия. В клинописных надписях Сеннахериба, великого царя Ассирии, Ниневия названа "городом Бэла" и "городом, возлюбленным Иштар". В другой надписи он говорит о царе Египта: "Ужас Ашшура и Иштар одолел его, и он бежал". Ассурбанипал начинает свою летопись так: "Великий воин, услада Ашшура и Иштар, царский отпрыск - я". В клинописной надписи Небобельзитри мы читаем: "Ниневия - город, отрада Иштар, жены Бэла". И снова: "Белтис, супруга Бэла". "Ассур и Белтис, боги Ассирии". Таким образом, мы видим, что Ваал и Бел были идентичны Ассуру и Ашшуру. Несомненно, "*Ашера*" - это последнее имя с женским окончанием (как Иш = мужчина, Ишах = женщина), и оно идентично Иштар, Аштерот, Астарте и Бельтис. В Септуагинте "*Ашера*" переведена как "*Астарта*" в 2 Хрон. xv. 16, а в Вульгате - как "*Астарота*" в Судьях iii. 7. Геродот описал (до 450 г.) великий храм Белуса в Вавилоне с его семью ступенями, посвященными солнцу, луне и планетам, на вершине которого находилось святилище. В нем не было статуй, но стояла золотая кушетка, на которой лежала избранная женщина, которую бог посещал по ночам. Поэтому теперь, когда дворцы ассирийских царей и их "палаты образов", по счастливой случайности, открыты для нас, мы можем ожидать, что обнаружим давно забытый символизм поклонения Ваалу. Так и произошло.

Начнем с самого простого. Ашкрим - мистическая пальма, дерево жизни, рис. 99; фаллический столб, пускающий ветви, как пламя, рис. 65; дерево с семью фаллоидными ветвями, столь часто встречающееся на ассирийских и вавилонских печатях, Plate xvii., рис. 4. См. также замечательные сирийские медали, Plate xvii., рис. 2, на которых изображен Ваал как бог солнца, держащий лук и окруженный фаллоидами.

Или, наименее традиционный из всех, простой фаллос, два замечательных экземпляра которого хранятся в Британском музее. Каждый из них высотой около двух с половиной футов когда-то охранял границы владений. Среди греков и римлян границы также обозначались фаллической статуей Гермеса, бога плодородия. Эти ассирийские эмблемы, несомненно, часто почитались сельскими жертвоприношениями. Сами по себе являясь наиболее выразительным символом жизни, они также покрыты ее традиционными эмблемами.

Вид сзади одного из них приведен на рисунке 174. Туловище в основном занято портретом великого царя в полный рост. Как ассирийцы представляли божество, источник всей жизни, фаллосом, так и монарх был богом этого нижнего мира, воплощением Бога на земле. Он был источником жизни империи, и к нему как к таковому обращались: "Царь, живи вовек" (Дан. ст. 10). Он, как и боги, никогда не умирает. "*Le Roi est mort; Vive le Roi*" Знаки царской власти также принадлежали богу-создателю. Соответственно, его одежда и корона расшиты священной эмблемой - Ашерой. Он несет натянутый лук и стрелы, эмблемы мужественной силы, которые впоследствии носил бог солнца Аполлон и западный сын Венеры. Другую сторону занимает прямоходящая змея, оканчивающаяся вилообразным языком возле отверстия. *Гланд* покрыт символами. На вершине - триада солнечных эмблем; внизу - три алтаря, над двумя из которых - покрытые бычьими рогами гланообразные колпачки, которые всегда носили ассирийские ангелы-хранители, и интенсивные эмблемы мужской потенции. Ведь в древнем символизме *часть символа обозначает целое*; так и здесь, рога представляют быка, а головка - фаллос. Над третьим алтарем изображена черепаха, чья торчащая голова и шея напоминают инициированный фаллос; а алтари покрыты узором из черепаших чешуек. Кроме того, у нас есть ваза с вставленным в нее жезлом, эмблемой сексуального союза, и петух с взъерошенными крыльями и оперением, бегущий за курицей в амурном пылу. Скопирована только головка одного из них.

Figure 175.

Рис. 175. В верхней части - символы солнца, как и прежде. Внизу - головной убор Исиды, похожий на конский башмак, а впереди - два алтаря, отмеченные черепаховой эмблемой. Над обоими возвышается прямоходящая змея, а на одном лежит головка стрелы или дротика - оба символа мужского пола. *Мифлетцет*, который царица Мааха поместила в Ашеру или рядом с ней, вероятно, напоминал эти ассирийские фалли, или ашерим.

И вот мы подошли к Ашере, гораздо более сложному и трудному символу, чем все остальные, которые мы назвали. Этот объект долгое время озадачивал антикваров, и хотя он постоянно повторяется в скульптурах из Ниневии, его до сих пор не удалось полностью объяснить. На рис. 176 мы видим, как ему поклоняются человеческие фигуры с орлиными головами и крыльями, которые подносят к нему сосновую шишку, = яичко, и корзину, = кошонку (?), интенсивные эмблемы мужчины-создателя.

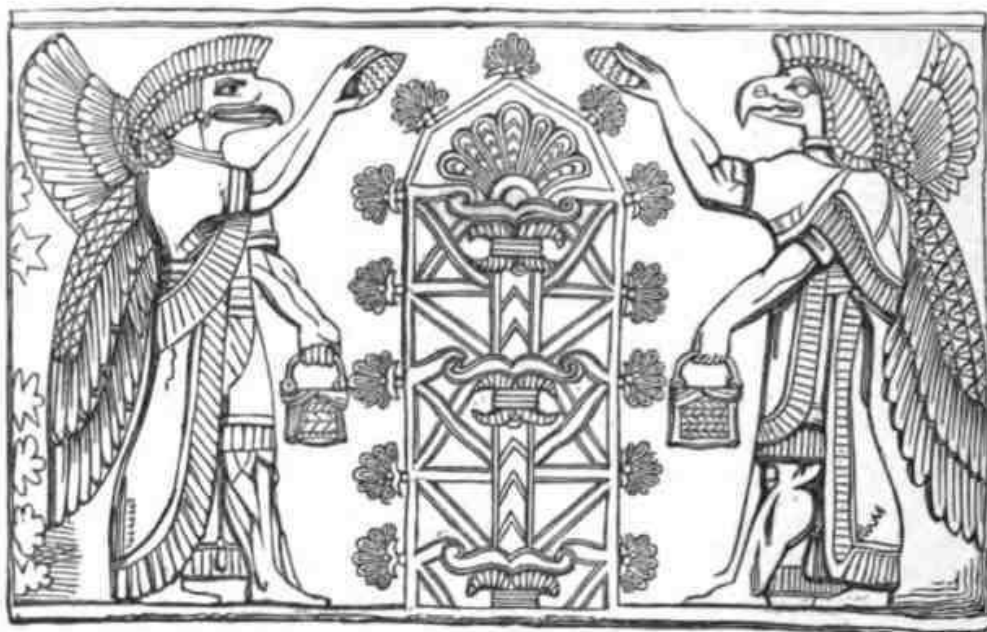

Figure 176.

Figure 177.

На рис. 177 ему поклоняются король и его сын или наследник с сопровождающими их джинами. Цари подносят к нему хорошо известный символ жизни и удачи - кулак с вытянутым указательным пальцем, или "фаллическую руку". Здесь, очевидно, находится символ Ашеры, или Аштарот, женщины Ваала, производителя жизни, "двери", откуда жизнь приходит в мир. Как таковая богиня здесь символизируется в виде арочного дверного проема. В фонийском алфавите четвертая буква, *daleth*, = дверь, имеет форму шатра-двери, как на моавитском камне А, а также в греческом [---] Но другой формой, столь же древней, является D, которая, будучи помещенной в правильное положение, будет [-], та

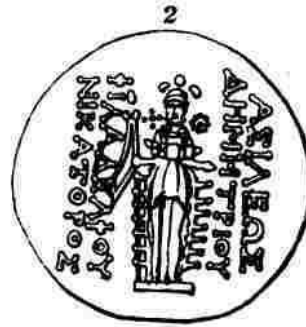
самая форма Ашеры.* Во множественном числе это слово обозначает *половые губы*, [----] "потому что они не закрывают *дверей* чрева", Иов iii. 10.** Из Числ xxv. 6-8 мы заключаем, что в обрядах Ваал-Пора *кадешот*, или женщины, посвященные богу, предлагали себя его поклонникам каждая в особой беседке или маленьком арочном шатре, называемом *кубба*. Часть, в которую Финеас вонзил свое копье (см. Числ. xxv. 8), женская вульва, также называется *qobbah*, одно слово происходит от другого, согласно Онкелосу, Акиле и другим. Qubbah означает, по словам Фюрста, Heb. Lex., "нечто полое и дугообразное, арочный шатер, как арабское El. Кубба, откуда испанское *Al-sova* и наше *Alcove*". В латыни слово *fornix*, свод, арка, также означало бордель, и от него произошло *fornicatio*. Qubbah переведено LXX, *kaminos*, "печь или арочная печь" (Liddell and Scott); но оно означало также женские части тела. См. Геродот, ст. 92 (7). Таким образом, альков сам по себе был символом женщины, как бы местом входа и появления, откуда в мир приходит новая жизнь. А когда мужчина, поклонявшийся Ваалу, входил в *кадеш*, живое воплощение богини, аналогия с Ашерой становилась полной, как мы сейчас покажем.

* Первая буква, Алеф, = бык, даже на моавитском камне написана таким образом и превратилась в современную А. В более раннем иероглифе она, должно быть, была V. Египетский иероглиф, обозначающий десять, можно сравнить с греческим [-] и латинским Decem.

** Первый из орфических гимнов обращен к богине Артемисии (Протнрайе), или Хранительнице дверей, которая руководила родами, подобно римской Диане Лучине.

Центральным объектом в ассирийской "роще" является мужская финиковая пальма, которая была хорошо известна как эмблема Ваала, солнца, фаллоса и жизни. Это замечательное дерево, *Тамар* на финикийском и иврите, *феникс* на греческом, в прошлом было широко распространено в Палестине и соседних регионах. Слово *Финикия* (Деян. xi. 19, xv. 8) происходит от *phoinix*, как страна пальм; подобно "*Idumeo palmo*" Вергилия. Пальмира, город солнца, по-еврейски называлась *Тамар* (1 Царств ix. 18). На знаменитой монете Веспасиана "*Judaea capta*" Иудея изображена в виде женщины, сидящей под пальмой. Дерево можно сразу же узнать по высокому, прямому, безветвистому стволу одинаковой толщины, увенчанному на вершине скоплением длинных, изогнутых, похожих на перья ветвей, и по необычной морщинистой коре. Все эти характеристики легко узнаваемы в весьма условных формах религиозной эмблемы, даже в орнаменте на королевской мантии, рис. 174. Финиковая пальма двудомна, женские деревья, которые иногда используются в качестве эмблемы, всегда отличаются гроздьями финиковых плодов. "Рост твой - как пальма, грудь твоя - гроздь" (Cant. vii. 7). "Праведники расцветут, как пальма" (Пс. xcii. 12), плодовые и вечно зеленые. "Они стоят прямо, как пальма, но не говорят" (Иер. х. 8-5). Очевидно, пророк описывает изготовление Ашеры. В Ханаане был город Ваал-Тамар, = Ваал, пальма, названный так, вероятно, из-за поклонения Ваалу "в форме приапуса-колонны", говорит Фюрст, Heb. Lex. Настоящей формой, несомненно, была "ашерим", видоизмененная пальма, как мы уже показали. Пальмовые ветви во все века использовались как эмблемы жизни, мира и победы. Они были разбросаны перед Христом. Вербное воскресенье, праздник пальм, отмечается до сих пор. Даже в нынешнем веке в этот праздник во многих городах Франции женщины и дети несли в процессии на конце пальмовых ветвей фаллос из хлеба, который они недвусмысленно называли "сосной", отчего праздник получил название "*La Fête des Pinnes*". После того как священник благословлял "сосну", женщины бережно хранили ее в течение следующего года в качестве амулета". (Dulaure, *Hist, des differens Cultes.*)

PLATE XVII.

Опять же, греческое название пальмы - *феникс* - было также названием этой мифической египетской птицы, священной для Осириса и символизирующей воскресение. У некоторых раннехристианских писателей Христос был "Фениксом". Финиковая пальма изображена в виде дерева жизни на египетской могильной табличке, более древней, чем Исход, и хранящейся сейчас в музее в Берлине. Из верхушки дерева выходят две руки, одна из которых подносит умершему поднос с финиками, а другая дает ему воду, "воду жизни". Древо жизни изображено в виде финиковой пальмы на некоторых из самых ранних христианских мозаик в Риме. Что-то очень похожее на ассирийскую Ашеру, или священную эмблему, было изваяно на больших дверях храма Соломона тирийцем Хирамом (1 Царств vii. 18-21). Мы читаем: "Он вырезал на них херувимов и пальмы и раскрытые цветы, и разложил золото на херувимах и пальмах" (1 Царств vi. 82-35). Он также воздвиг перед храмом два фаллических столба, Иакинф и Боаз, = Он означает силу. Неудивительно, что Соломон стал поклоняться Астарте, Хемошу и Милкому.

Хотя для наших современных представлений мистическое дерево, символ жизни и бессмертия, кажется неуместным в иудаизме, но не успели евреи обзавестись национальной монетой при Маккавеях, как пальма вновь появляется, *всегда с семью ветвями* (как у золотого подсвечника, Исх. xxv.), как на шекеле, представленном на Plate xvii., рис. 4. Ассирийское дерево *всегда* имеет то же число, а пучки листвы (символизирующие все женское дерево), которые украшают поля мистической D-арт - эмблемы плодородия - также неизменно имеют семь ветвей. Это может напомнить нам о семи видимых сферах, которые движутся вокруг нашей земли "в мистическом танце", и о том, как Балак принес в жертву на семи алтарях семь быков и семь баранов (Числ. xxiii. 1; Откр. ii. 1). Мистическая дверь также зарешечена, как египетский систрум, который носили жрицы Исиды, чтобы представить неприкосновенную чистоту и вечное совершенство, которые ассоциировались с идеей божественности. Когда Мария, мать Иисуса, заняла в христианстве место "великой богини", догмы, проповедующие ее непорочное зачатие и вечную девственность, последовали сами собой.

Таким образом, мы объясняем величайший символ восточного богослужения - "Древо жизни посреди сада", которое так долго оставалось загадкой. Доктору Инману принадлежит заслуга в том, что он первым проложил путь в правильном направлении. В своей книге "*Древние верования*", том 1, 1868 г., он отождествил ассирийскую Ашеру с женской "дверью жизни" и указал на ее аналогию с зарешеченным систрумом. Мы видели, что на самом деле она гораздо сложнее, будучи точно аналогичной по значению знаменитому *cruix ansata* (рис. 170), центральной мистерии египетского культа; лингаму или лингиони Индии (рис. 109), великой эмблеме поклонения Сиве; и кадуцею Греции и Рима. На ассирийских скульптурах он всегда изображен практически одинаково. Вероятно, эта стереотипная форма была результатом постепенного усовершенствования какого-то грубого примитивного типа, возможно, такого же грубого, как тот, что капитан Бертон видел в африканском храме идолов.

Чтобы показать все странные изменения и модификации, которые эта идея претерпела в религиозной символике восточных и западных народов, потребовался бы большой том. Но тема настолько богата разнообразным интересом, что мы не можем закончить, не взглянув на нее. Во-первых, простая О, перечеркнутая, воспроизводится с сужением к основанию, как в индийской "йони" и египетском систруме, используемом в поклонении Исиде. Во-вторых, внутри буквы О изображалась сама богиня, раскрытая в своем собственном символе. Это показано на пластине xvii., рис. 5, где Деметра или Церера изображена с рогом изобилия на

бронзовой монете Дамаска. В-третьих, но гораздо чаще, богиня держит в своих руках эмблемы мужской потенции в творении, и таким образом завершает символ. Как на монете, изображенной на Plate xvii., рис. 8, богиня, стоящая внутри О, портика своего храма, держит в правой руке крест, эту древнейшую эмблему мужского начала и жизни. На прекрасной греческой монете из Сидона, изображенной далее, богиня - очевидно, Астарта, богиня Луны, царица небес - стоит на корабле, мистическом Арге или Ковчеге, держа в одной руке палицу, в другой - крест. (Plate xvii., Fig. 7.)

Nouum beate marie uirgis psalterium de dulcissima noue legis mirabilib⁹ dñi amona refertis nouu ad fci pteritōz pfectū

В христианстве Дева Мария, которая, как Царица Небесная, стоит на полумесяце, изображена под мистическим дверным проемом, с (Богом в виде) младенца мужского пола на руках. См. иллюстрацию xviii., скопированную с ксилографического названия *Псалтыря*

Пресвятой Девы, напечатанного в Ченне, в старой Пруссии, в 1492 году. Подобно Исиде, она - мать и одновременно супруга Бога, "облеченная в солнце и имеющая луну под ногами своими" (Откр. xii. 1). Верхняя половина картины очень похожа на ассирийские сцены. По обеим сторонам изображены король Фридрих III и его сын император Максимилиан, предающиеся молитвам. Альков украшен розами - эмблемой девственности. Знаменитый средневековый "Романд де ла Роуз" разворачивается на этом фоне. Среди множества титулов, присвоенных "Деве Марии" в средневековые времена, мы находим *Санта-Мария-делла-Роза*, этот цветок был посвящен ей. Поэтому он часто изображается в ее руке. Данте пишет

"Вот роза,
В которой воплотилось Слово Божественное".

На пластине xviii. богиня-дева сидит с Богомладенцем в беседке, точно такой же, как ассирийская, состоящей из плодов, в высшей степени символизирующих пол, как уже было объяснено. На некоторых индуистских изображениях ребенок обнажен, имеет эрегированный член, а также делает фаллическую руку, с поднятым указательным пальцем правой руки. (Пластина xiv., рис. 14.)

В других условных формах мы имеем мужские символы только внутри женских О. Это очень многочисленный класс. На рис. 3, Plate xvii., мы видим ель или сосну на месте пальмы, а на рис. 6, Plate xvii., - шишку. На этой замечательной медали Кипра изображен храм Венеры в Пафосе, известный еще во времена Гомера. Считается, что поклонение этому божеству было завезено на Кипр с Востока (Odys. viii. 862). Богиня объединяла в своем лице оба пола, а служили ей кастрированные жрецы. Мы видим здесь, в самом внутреннем святилище храма, конус как эмблему мужского начала; на это значение указывает и расположенная выше эмблема солнца, вставленная в полумесяц.

Давайте рассмотрим, как конус стал использоваться в качестве мужской эмблемы. Если мы обратимся к рис. 174 и 175, то увидим, что "головка" особенно почиталась как головка фаллоса; это была также часть, посвященная Богу путем выделения крови в обряде обрезания. Этот "желудь" имеет коническую или куполообразную форму, и поэтому - часть принималась за целое - конус или пирамида использовались в качестве условного символа мужчины-создателя. Помещенный на стебель, он часто изображается на ассирийских барельефах в качестве объекта поклонения. См. рис. 177. Она также была символом огня, солнца и жизни; в таком виде она служила подходящим памятником для египетских царей. Наше слово "пирамида" происходит от греческого *pyramis*, которое происходит от *pur*, *jire*, и *rigos*, пшеница, поскольку в вакхических обрядах использовались пирамидообразные лепешки из пшеницы и меда (рис. 177). Она играла важную роль в поклонении солнцу. Император Гелиогабал (который, как следует из его имени, был жрецом Ваала, бога солнца, в Сирии) установил сирийское поклонение в Риме. Он сам провез золотую колесницу солнца, запряженную шестью белыми лошадьми, по улицам Рима к новому великолепному храму на Палатинской горе; бог был представлен коническим черным камнем, который, как говорят, упал с неба и который император перенес из храма солнца в Эмесе, в Сирии. В последующий период изображение богини Луны, или Астарты, было привезено по его приказу из знаменитого фанфарона в Карфагене в Рим и там торжественно обвенчано с богом Солнца по развратным обрядам, среди всеобщего ликования.*

* В астрологии соединение Юпитера и Венеры считалось самым удачным из всех; под ним должны были рождаться короли и принцы.

Любопытную параллель с этими мистическими бракосочетаниями ассирийского бога и богини можно найти в некоторых религиозных церемониях современных индусов. Фергюссон говорит нам, что "самые необычные сооружения, связанные с индуистскими храмами, - это огромные колоннады или куранты. Самое важное их применение - это использование в качестве брачных залов, в которых раз в год празднуется мистический союз мужского и женского божества".

И снова в индийской мифологии пирамида играет важную роль. Она принадлежит Сиве, = солнцу, = огню, = фаллосу, = жизни. Одним сложным символом, очень распространенным на древних индуистских памятниках в Китае и Тибете, была представлена вселенная. Обратите внимание на восходящую градацию. Земля + вода = этот шар. Бог-создатель, чья эмблема, пламя, поднимается вверх, является автором и представителем всей жизни на нем; он - связующее звено, соединенное полумесяцем с небом. Головка стрелы или копья, вставленная в полумесяц, - земная эмблема Сивы; как и лингама, она символизирует божественный источник жизни, а также доктрину о том, что совершенная мудрость может быть найдена только в сочетании мужского и женского начал в природе. Он украшает крыши буддийских монастырей в Тибете и, как и священный цветок лотоса и лингама, ставшие эмблемами Будды, был заимствован из более древних верований. Возможны и другие интерпретации. Это позволит нам понять замечательные скульптуры второго или третьего века из Амравати Топе, Plate xix., которые имеют так много общего с религиозными символами халдеев. На рис. 2 мы видим скопление мужчин и женщин, причем полы разделены, поклоняющихся лингаму, или каменному коническому столбу, на передней части которого изображено священное дерево с ветвями, подобными пламени; три символа жизни в одном. Он возвышается над троном, на сиденье которого помещены две эмблемы - земли и воды. На другой фигуре священное дерево занимает место лингама, возвышающегося над троном, как бы из трисулы или трезубца, мужских эмблем Сивы. Крылатые фигуры, Гаруды, сопровождают его сверху, паря над головами поклоняющихся. Можно отметить и вторжение новой веры: перед троном изваяны ноги Будды.

В мистериях Митры также использовались символы, изображенные на рис. 178. Они представляли элементы, с которыми душа должна последовательно соединяться при прохождении через новое рождение.

Fig. 179.

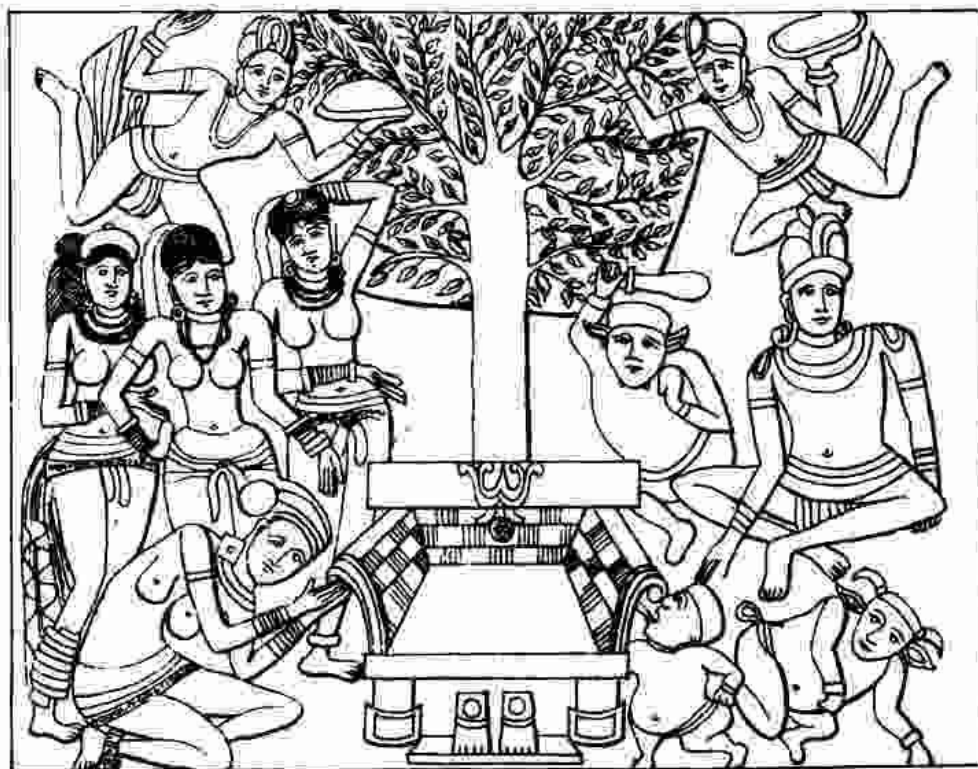

Fig. 180.

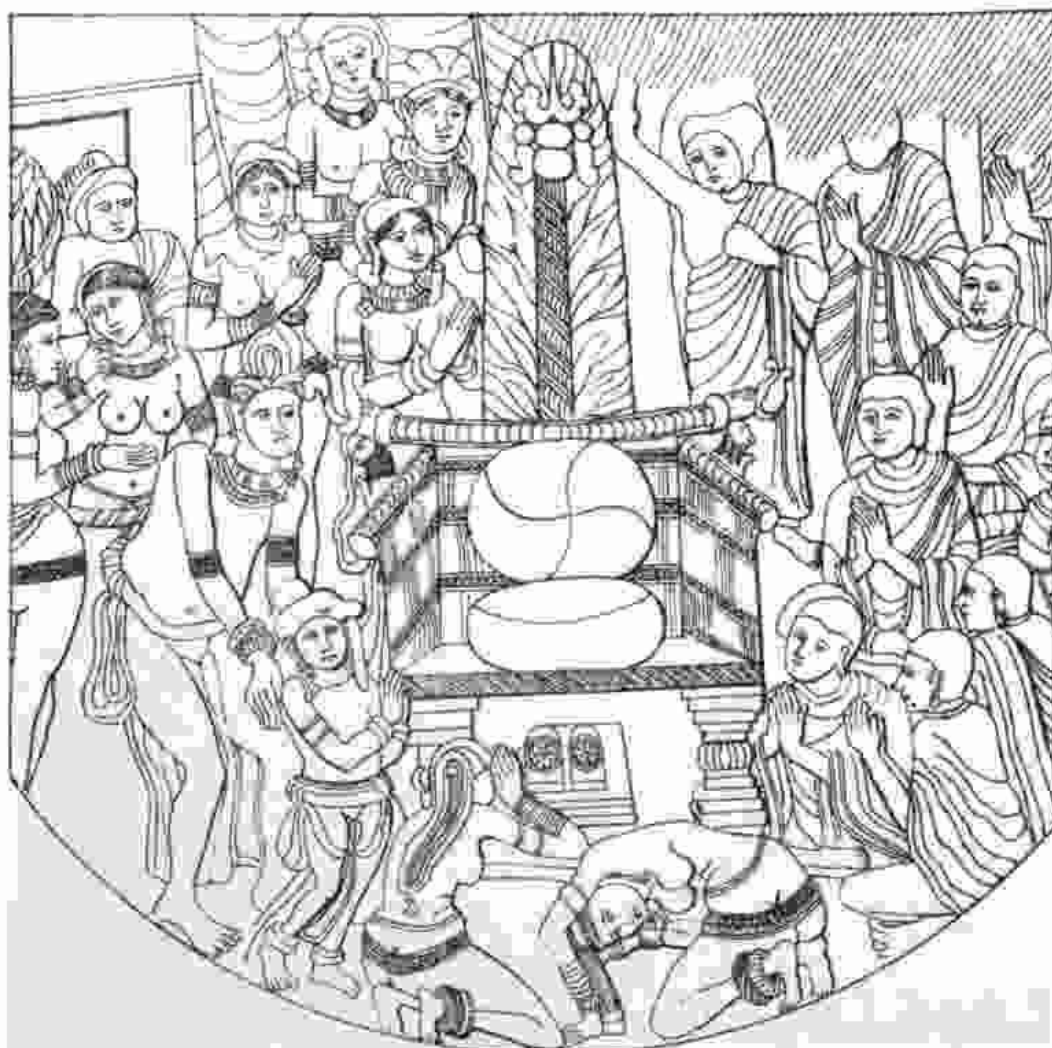
Добавим еще две эмблемы, взятые из средневековой геральдики, рис. 179 и 180, в обеих из которых сразу же узнается Ашера, "роща" поклонения Ваалу; стрела и крест, символы мужского творца, занимают место мистической пальмы.

Во всем этом, от самого грубого до самого сложного, мы можем проследить общую идею, а именно: чувство к Богу, как к Жизни и Свету Вселенной, и попытку выразить общую надежду в видимых формах.

PLATE XIX.

1

2